

ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

из портативного

ГУЛАГА

российской эмиграции

СБОРНИК СТАТЕЙ

Вадим Владимирович Белоцерковский (р. в 1928 г. в Москве) в 1952 г. окончил химический факультет Московского Университета. Работал преподавателем химии и физики в средней школе рабочей молодежи. С 57—58 гг. начинает работать внештатным журналистом центральной прессы („Известия”, „Смена”, „Москва” и др.), более всего в области промышленности и науки. Публикует и ряд беллетристических произведений. В 1962—63 гг. в журнале „Москва” и в издательстве „Советский писатель” выходит повесть „В почтовом вагоне”, которую критика признает клеветнической, и факт ее публикации становится предметом расследований в ЦК КПСС и в КГБ. Белоцерковскому отказывают в приеме в Союз журналистов СССР. С 1966 по 68 г. он работает инженером в социологической лаборатории экономико-математического института Новосибирского филиала АН СССР и одновременно в отделе науки „Литературной газеты”. В 1968 г., после оккупации Чехословакии и усиления идеологической цензуры в СССР Белоцерковского увольняют из „Литературной газеты”, издательство „Советский писатель” останавливает набор его книги, сборника рассказов, признав ее идейно ущербной. С того времени он уже больше нигде не может устроиться на штатную работу вплоть до выезда из СССР в ноябре 1972 г.

С 70 г. Белоцерковский участвует в правозащитном движении, становится автором ряда документов и статей Самиздата.

Эмигрировав на Запад, Белоцерковский поступает работать на „Радио Свобода” и сотрудничает в различных органах западной прессы и прессы украинской, чехословацкой и еврейской эмиграций.

Вадим Белоцерковский

ИЗ ПОРТАТИВНОГО

ГУЛАГА

РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

МЮНХЕН 1983

VADIM BELOTSEKOVSKY

From the Portable Gulag of
the Russian Emigration

A collection of articles

© by the author

**Printing Works Olshansky Ltd
Jerusalem P.O.BOX 18112**

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	5
I. На разные темы	
1. Польский опыт и советское диссидентство	11
2. Политическая структура общества социалистического самоуправления	22
3. Интеллигенция, рабочие и диссиденты (главы из статьи)	29
4. Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов	37
5. Почему советские рабочие пассивнее польских?	54
6. Русский оппозиционный национализм — откуда он?	63
7. Революция и эволюция	85
8. Уроки польского декабря	98
9. Реакция, религия и социализм	107
10. Прошлое и будущее	116
II. Советское диссидентство и российская эмиграция	
11. Важнейшие вопросы национального вопроса в СССР	123
12. Феномен Солженицына	131
Приложение: ответ «Солидарности» «Патриотическому объединению Грюнвальд»	142
13. Гипотеза надежды	146
14. Письмо советским радиослушателям по поводу выступлений „Континента” и Солженицына о „Радио Свобода”	158
15. Антизападная истерия (тезисы статьи)	168
16. Готовят ли американцы внезапный атомный удар по русскому народу?	173

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник я решился составить и издать фактически самиздатом по причинам чрезвычайным. Начиная с 1976 года (на Западе я с 1972 г.) в прессе российской политической эмиграции не было напечатано *ни одной моей работы*. Публиковались они только в западной прессе, а также в украинской, еврейской и чехословацкой эмигрантской периодике.

В Советском Союзе мне, хотя и не часто, но все же удавалось печатать статьи и рассказы, содержавшие критику советской жизни. Пресса же российской эмиграции всех существующих в ней направлений не публикует с 76 года даже моих нейтральных по отношению к эмигрантской жизни и „власти” работ.

Так например, в 77 году по шальному совету я письменно запросил издательство „Заря” в Канаде, не заинтересует ли их издание сборника моих *рассказов*, написанных еще в СССР, но не пропущенных там цензурой?

Вот фотокопия ответа:

22 сентября 1977

В. Белоцерковскому
Мюнхен, Германия

Подтверждаем получение Вашего запроса о возможности выпуска сборника Ваших произведений издательством ЗАРЯ. Издательство ЗАРЯ не коммерческое предприятие; оно создано, главным образом, для опубликования работ разоблачающих сущность коммунизма. В Ваших статьях мы видим пренебрежительное отношение к нашему народу, к истории России, к истории борьбы русского народа за освобождение от коммунизма. Мы также видим Ваши попытки подлечить некоторые недуги коммунизма и не замечаем стремления вести с этим международным злом повсеместную и последовательную борьбу, вплоть до его уничтожения. Поэтому нас не интересует издание Вашего сборника.

Председатель
Издательства ЗАРЯ

Сергей Зауер
Сергей Зауер

Нет даже обращения и общепринятых норм вежливости в конце письма. С подобным я не сталкивался и в СССР!

Видимо люди в этом издательстве почувствовали — и правильно! — что мы с ними принадлежим к разным и несовместимым „национальностям”: одна представляется лучше всего Сталиным, другая — Сахаровым.

Почему именно с 76 года мое имя оказалось в „списке” полностью запрещенных авторов, вне зависимости от содержания работ? В 76 году в немецком издательстве „Ахберг” вышел в свет на русском языке составленный мною из статей разных авторов сборник „СССР — Демократические альтернативы”. Первое в российской эмиграции с военных времен издание либерально-социалистической и антишовинистической направленности. Сборник полу-

чил большую прессу на Западе и поддержку левых демократических кругов Восточной и Западной Европы, был издан по-французски и по-немецки. Очень близко дело подошло и к созданию журнала на базе этого сборника. Все это вызвало бурное возмущение и тревогу в кругах старой и новой российской эмиграции. Волна „дружеской” критики прошла по эмигрантской прессе. Все смешалось: политическая нетерпимость и неспособность понимать относительно сложные тексты, зависть и соперничество.

Общими усилиями „опасность” создания журнала на базе „Демократических альтернатив” была ликвидирована, а эмигрантская пресса — закрыта для меня. Разумеется, не нашлось русского издательства, которое согласилось бы печатать и предлагаемый сборник.

Французский славист Луи Мартинез в ироническом эссе „Похвальное слово русской цензуре” писал по поводу российской эмиграции:

„Одно остается несчастным спутникам покинутой земли: цепляться друг за друга мертвой недоверчивой хваткой и создавать подобие потерянной жестокой и милой планеты: с внутренним одиночным ГУЛАГом, с портативной Лубянкой и карманной Старой Площадью...”

(„Синтаксисе” №04, 1979 г.)

Эти строки помогли мне найти название для сборника.

май 1982.
Мюнхен

I. НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ И СОВЕТСКОЕ ДИССИДЕНТСТВО

(ТЕКСТ ДОКЛАДА)*

Главный урок Пражской весны, на мой взгляд, доказан сейчас в Польше, и доказан окончательно. Суть этого урока в том, что строй социалистического самоуправления отвечает самым глубоким чаяниям трудящихся стран реального социализма.

Рабочее движение в Польше началось летом 80-го года и долгое время развивалось в целом в профсоюзных рамках. Но сейчас уже ясно, что движение решительно выходит из этих рамок, начиная борьбу за утверждение в стране самоуправления трудящихся на основе общественной или групповой собственности на средства и продукты производства; самоуправления, которое можно охарактеризовать, как социалистическое.

Проиллюстрирую это рядом важнейших выдержек из программных документов „Солидарности”.

---

* Прочитан на конференции „Уроки Пражской весны и современные перспективы развития демократического социализма.” Париж, 22—23 октября 1981. Опубликовано в еженедельнике „Новый Свет”, США, №- 1 — 1981.

„Проект закона об органах самоуправления на предприятиях,” предложенный профобъединением „Солидарность” накануне чрезвычайного съезда ПОРП в июле 81 года. Раздел: „Порядок управления предприятием”:

„Коллектив трудящихся предприятия *управляет* предприятием через органы самоуправления... Органы самоуправления *распоряжаются имуществом предприятия*, намечают *общее направление* его производственной деятельности и развития, а также принимают решения о *распределении прибылей*... Директор предприятия осуществляет оперативное руководство производством *в соответствии с решениями* органов самоуправления.” (Здесь и далее подчеркнуто мною. В.Б.)

В компетенцию „Совета трудящихся предприятия” входит также:

„...принятие решений об изменении ассортимента и вида продукции или услуг, исполняемых предприятием;.. установление основ политики кадров;.. принятие решений о приобретении предприятием недвижимого имущества и средств производства; принятие решений об экспортно-импортных договорах; управление средствами массовой информации предприятия.”

Компетенция, как видим, совершенно хозяйская. Добавим еще из раздела „Директор”: „Совет трудящихся предприятия назначает директора из числа кандидатов, участвующих в соответствующем конкурсе. Совет может снять директора с его поста до истечения договорного срока, если директор не справляется со своими обязанностями.” (Помощников и заместителей директор набирает сам, Совет их только утверждает.)

Далее, активисты „Солидарности” провозглашают, что: „Рабочее самоуправление невозможно без экономической автономии предприятия.” — Это из другого программного документа „10 условий возрождения и деятельности самоуправления трудящихся”, разработанного отделением „Солидарности” Мазовше.

В проекте программы „Солидарности”, известном под названием „Направление деятельности”, по этому поводу пишется:

„Предприятия должны покрывать собственные расходы за счет собственных доходов... Нерентабельно работающие предприятия могут быть вынуждены сокращать свое производство или даже прекращать его полностью.” То есть — самоликвидироваться. На

этот случай, говорится в программе, государство должно ввести пособия по безработице и выделять средства для переквалификации безработных.

Авторы этих документов исходят из того, что экономическая автономия предприятий, хозяевами которых будут являться их трудовые коллективы, — это и защита для государственного бюджета от необходимости поддерживать нерентабельные, плохо самоуправляющиеся предприятия, и стимул для добросовестности в работе как органов самоуправления, так и всех работников предприятия на своих рабочих местах. Стимул для такой добросовестности, какой, возможно, не способны достичь все другие экономические формации. Так, обследование 75-ти самоуправляющихся, групповых предприятий в США, проведенное в 1979 году финансовой комиссией Конгресса США, показало, что основные экономические характеристики и производительность труда на этих предприятиях были на 15—20% выше среднего уровня этих показателей в соответствующих отраслях американской промышленности.

Далее, ни в одном из программных документов „Солидарности” нет ни слова о необходимости введения акций, этого сугубо капиталистического инструмента для автономного расширенного воспроизводства, для накопления капитала. Зато в „Направлении деятельности” говорится: *„Государственные власти должны выделять средства для создания новых рабочих мест.”* То есть для создания новых предприятий, которые затем будут передаваться в управление новым коллективам трудящихся, фактически в их собственность. Иначе говоря, „Солидарность” выступает за то, чтобы расширенное воспроизводство оставалось в руках государства, производилось бы за счет налогообложения (и других поступлений).

Это важнейший, на мой взгляд, центральный пункт механизма социалистического самоуправления, именно социалистического. Создаваемые государством и передаваемые в собственность новым коллективам предприятия могут поглощать резервы рабочей силы, делая таким образом невозможным капиталистическое, *экстенсивное* расширение (как частных, кооперативных, так и групповых предприятий), и устраняя *агрессивную* конкуренцию в накоплении капиталов. И все это без какого-либо насилия и каких-

либо запретов. Стимулом для трудовой деятельности становится стремление членов самоуправляющихся групповых предприятий к улучшению собственного благосостояния за счет *интенсивного* развития производства. Инфляционная тенденция сменяется на дефляционную, капиталистический цикл на социалистический: Товар — Деньги — Товар. То есть деньги перестают быть самоцелью, становятся средством. Человек же наоборот — перестает быть средством накопления капитала. Расширенное воспроизводство в руках государства есть и средство сохранения окружающей среды и ликвидации всяческих контрастов в обществе. В условиях специфической представительной демократии, свободного рынка и кибернетических методов централизованное расширенное воспроизводство может быть более эффективно и безошибочно, нежели частнокапиталистическое.

И польские активисты планируют борьбу за развитие представительной демократии. Под представительной демократией понимается здесь законодательная власть, формируемая из представителей самоуправляющихся коллективов с директивными мандатами. То есть функционально беспартийная. (Исполнительная власть при этом может формироваться по президентскому типу в борьбе партий на обычных территориальных выборах.)*

В „10 условиях возрождения и деятельности самоуправления трудящихся” *десятое условие* состоит в „создании Палаты Самоуправления (второй палаты) Сейма, что является условием, обеспечивающим рабочим Советам и другим органам общественного самоуправления *непосредственное* влияние на принятие общегосударственных хозяйственных решений.”

Ясно, что когда и если большинство предприятий в стране будет самоуправляться, вторая эта палата станет первой!

Анализируемые документы, вероятно, разработали эксперты, интеллигенты, но их идеи не были привнесены в ряды „Солидарности” по воле лидеров и т.п. Об исключительном интересе самых широких рабочих кругов Польши к этим идеям и документам говорят обстоятельства их разработки и обсуждения. В конце

---

* Более детально я анализирую этот и другие аспекты социалистического самоуправления в своей книге „Свобода, власть и собственность”. (Ахберг, ФРГ, 77 г.)

апреля 81 года делегаты 15-ти крупнейших предприятий страны сформировали специальную группу для разработки и обсуждения рекомендаций по проведению экономической реформы и введению рабочего самоуправления. 28 мая Всепольская Координационная Комиссия „Солидарности” утвердила эту группу, как „совещательный центр” „Солидарности”. К июлю, по сообщению „Жиче Варшава” (9.7.81), в „центр” этот входило уже более ТРЕХ ТЫСЯЧ делегатов предприятий со всей Польши. „И каждый день, писала газета, представители все новых предприятий объявляют о своем вступлении в „Совещательный центр”. После многократных и систематических обсуждений и дискуссий именно этим центром был предложен „Проект закона об органах самоуправления на предприятиях”.

Такой интерес к самоуправлению нетрудно понять, если поставить себя на место рабочих и служащих. При обзоре программ самоуправления легко убедиться в том, что они отвечают фундаментальному стремлению людей в развитых обществах к расширению демократии, к тому, чтобы она вошла через проходные внутрь предприятий и учреждений, в которых люди находят большую часть своей жизни и от которых их жизнь больше всего зависит. Отвечают эти программы и органическому стремлению людей владеть и распоряжаться плодами труда своих рук.

Активисты СОЛИДАРНОСТИ охарактеризовали борьбу за введение самоуправления, как „вторую революцию”. (Первая — создание независимого профсоюза.) И на мой взгляд, эта „вторая” революция может стать самой серьезной революцией в истории человечества. Вступлением в эру, когда рядовые члены общества будут иметь право решающего голоса во всех касающихся их делах и во всех организациях и сообществах, членами которых они состоят. В эру ликвидации апокалиптического противоречия, когда человек, существо наделенное сознанием, находился в массе своей на положении рабочего животного или робота.

Сомнения в эффективности самоуправления, т.е. демократии на уровне предприятия или учреждения, по существу ничем не отличаются от сомнений в демократии на государственном уровне. Успешное функционирование самоуправления, как и демократии на уровне государства, требует определенного — и еще более высокого! — уровня развития людей, общества и производи-

тельных сил. Без этого самоуправление может, конечно, точно также развалиться и погибнуть, как то неоднократно случалось с государственной демократией в истории нынешних развитых стран. Если люди не способны ценить и защищать свои права, то никакой строй им не поможет. „Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!”

Сейчас некоторые в российской эмиграции начинают признавать самоуправление, как временный, переходный к „нормальному” капитализму строй, и уверены, что большинство активистов СОЛИДАРНОСТИ про себя подобным же образом думают.

Но это не так. Достаточно вспомнить заявление Леха Валенсы в Париже 20 октября 1981 г. (столь шокировавшее всех его почитателей справа!) о том, что „французские рабочие тоже жили бы лучше, если бы владели и управляли своими предприятиями”. Или вспомнить кардинала Вышинского, главу польской католической церкви, имеющей огромное влияние на рабочее движение Польши, который говорил в своих программных „Свентокшеских проповедях” в 74 году: „Боюсь, чтобы не возродился у нас дух капитализма, чтобы демократическое устройство не управлялось бы капиталистическим духом, ибо тогда человек был бы низведен на положение робота и оценивался лишь с точки зрения его производственных способностей.” (А. Михник: „Польский диалог: церковь — левые.” Лондон, 1980, стр. 90)

Наконец, необходимо отметить, что введение самоуправления, кроме всего прочего, может обеспечить постоянство общественной активности и единства широких слоев трудящихся. Не только руководство СОЛИДАРНОСТИ, но и рядовые рабочие на своих предприятиях будут иметь постоянную и жизненную заинтересованность в общественно-политической активности и широкое поле для инициативы. Чисто профсоюзная деятельность такой вовлеченности не вызывает. Не говоря уж о том, что при неэффективной госсосоциалистической экономике профсоюзы не в состоянии заметно улучшить и материальное положение рабочих. В результате, неизбежно засасывание людей бытом, охлаждение и постоянное отслоение их от профсоюзных верхов. В условиях польского авторитарно-коммунистического режима, да еще при стоящей за спиной тоталитарно-коммунистической Москве, это угрожало бы руководству СОЛИДАРНОСТИ быть ликвидированным в тот

момент, когда власти нашли бы, что охлаждение общественности зашло достаточно далеко.*

И судя по всему, СОЛИДАРНОСТЬ намерена вести упорную борьбу за введение в стране „подлинного самоуправления”. Правительственный законопроект о самоуправлении, отводящий органам самоуправления совещательную роль, „Солидарность” решительно отвергла, выдвинув как альтернативу проект, разработанный „Совещательным центром”.

Но и власти, видимо, намерены отчаянно сопротивляться установлению в стране социалистического самоуправления на базе групповой собственности. В докладе на съезде ПОРП С.Каня говорил:

„Несколько дней назад был распространен так называемый общественный проект закона о предприятиях, разработанный организациями „Солидарности”. Правительственному законопроекту о предприятии и трудовом самоуправлении была противопоставлена концепция фактического отхода от государственной собственности к групповой собственности. Развивается акция самовольной организации звеньев самоуправления так называемого общественного предприятия... Мы решительно отвергаем эти идеи и тенденции.”

Мечислав Раковский в интервью накануне съезда на вопрос, какого типа экономическую реформу хотят проводить польские власти, венгерского или югославского, ответил: „Венгерского.” То есть польские власти, возможно, главным образом под давлением Москвы, предпочитают проводить реформу в капиталистическом направлении. Понятно, для сохранения „руководящей роли партии” лучше иметь дело с директорами-полукапиталистами, чем с полноправными Советами трудящихся, которые, вот, уже говорят о создании „Палаты самоуправления” в Сейме. Не случайно Каня на съезде охарактеризовал борьбу за подлинное самоуправление как борьбу в конечном счете за власть.

Подведем итоги.

Польские рабочие и „Солидарность” начали борьбу за утверждение социалистического самоуправления, и борьба эта (если не

---

* Позднейшее примечание автора. Возможно, не случайно военное положение было введено накануне выборов в органы самоуправления.

помешает Советский Союз!) составит стержень нового этапа развития в Польше и может иметь всемирноисторическое значение.

После выступления рабочих и интеллигенции за социалистическое самоуправление в Венгрии и Польше в 1956 году, в Югославии на рубеже 70-х (я имею в виду попытку спонтанного возвышения Рабочих Советов к настоящей власти) и в Чехословакии в 68-ом году, нынешний поворот польских рабочих и „Солидарности” к борьбе за подлинное самоуправление представляет собой *окончательное доказательство* того, что строй социалистического самоуправления самая популярная и реальная альтернатива государственному, тоталитарному социализму или так называемому коммунизму.*

Однако любое демократическое и рабочее движение в Восточной Европе по-прежнему имеет очень мало шансов на успех, пока не пробудится и в СССР рабочий класс. А уроки демократического и рабочего движения в Восточной Европе говорят о том, что для пробуждения советских трудящихся необходимо создание и в Советской России движения, в идеале — партии, за утверждение социалистического самоуправления. (Россию я не отождествляю с СССР!) При этом в России заблаговременное создание движения за самоуправление особенно необходимо. Там нет таких мощных возбудителей активности народа, как национально-освободительный импульс и влияние популярной, независимой и выступающей за демократию церкви.

И в этой связи острую тревогу вызывает то обстоятельство, что до сих пор даже и в кругах российского диссидентства отсутствует какое-либо движение или хотя бы группа сторонников самоуправ-

---

* *Позднейшее дополнение автора.* Подтверждение этой мысли пришло недавно с весьма неожиданной стороны. Советник Картера Збигнев Бжезинский в интервью для „Вашингтон пост” (за 31.8.82) по поводу положения в Польше сказал, что „вопрос состоит в том, ожидает ли человечество будущее в соответствии с описанной английским писателем в антиутопии „1984 ГОД” моделью тоталитарного государства, или же мир будет развиваться в направлении плюрализма, основанного на принципах самоуправления. СОЛИДАРНОСТЬ, по мнению Бжезинского, это не только лозунг и не только один из героических периодов польской истории, но и доказательство того, что подлинные стремления современного человека направлены на построение нового общества, базирующегося на самоуправлении и поддержке большинства.”

ления, в то время, как в Польше и других странах Восточной Европы число их измеряется миллионами.

То что в СССР за самоуправление выступали такие люди, как Юрий Орлов,* Мыкола Руденко** и Андрей Сахаров (по свидетельству Ю.Орлова) положение мало меняет, тем более, что КГБ позаботилось об изоляции этих людей.

Причины непопулярности социалистического самоуправления среди советских диссидентов отдельная тема. Автор однако исходит здесь из оптимистической гипотезы, что в силу специфики положения и истории СССР *современное* советское диссидентство в идейном отношении еще очень далеко от трудящихся (инженерно-рабочего слоя). Сахаров и Орлов в этом оптимистическом случае представляют собой предвестников будущего советского диссидентства Восточноевропейского уровня.

Сейчас же как бы не были малы мои шансы на успех, я считаю своим долгом обратить внимание советских диссидентов и их коллег из стран Восточной и Западной Европы и вообще всех, кто хотел бы „помочь делу”, на необходимость продумать или переосмыслить свое отношение к социалистическому самоуправлению и думать об изыскании путей и средств для создания очага соответствующего движения. Таким очагом мог бы стать журнал или альманах. Чтобы восполнить недостаток поначалу российских кадров, активное участие в этом начинании должны были бы принять сторонники социалистического самоуправления из стран Восточной и Западной Европы (как проявление, если угодно, интернациональной солидарности и взаимопомощи) тем более, что это соответствует их собственным интересам.

Хорошим решением было бы создание интернационального печатного органа с русским языком (в любом случае). Важнейшим источником материалов могла бы стать политическая литература Польши, а также материалы из истории движения за самоуправление в других странах.

Большое внимание должно было бы уделяться и широкому спектру проблем и прав, актуальных для инженерно-рабочего слоя в СССР и других странах советского блока.

---

* См.: „Возможен ли социализм нетоталитарного типа?”

** См.: „Экономические монологи.”

Обсуждаемый печатный орган должен был бы способствовать и формированию демократического направления в решении другого важнейшего для СССР и Восточной Европы вопроса — национального. В российском диссидентстве также нет какого-либо печатного органа, который бы последовательно работал в этом направлении, и это тоже чрезвычайно тревожно. Имеется в виду направление, одинаково чуждое как русофильству, так и русофобии, не лелеющее мечту о сохранении „великой и неделимой“ российско-советской империи.

Хочу подчеркнуть, что важно не только распространять и пропагандировать соответствующие идеи, но и создать организационный центр, очаг движения (поначалу — печатный орган), чтобы он фактом своего появления *символизировал* для людей в СССР *реальность* существования данной альтернативы.

И все это необходимо не только для пробуждения рабочего класса в СССР, но и для повышения шансов на появление реформаторского движения в КПСС. Для потенциальных реформаторов в партии также очень важно видеть какое-то организационное оформление социалистической альтернативы в оппозиционных кругах.

Необходимо сознавать, что КПСС сегодня, скорее всего, единственная компартия в социалистических странах Европы, способная выдвинуть из своей среды реформаторов. В КПСС находится почти вся интеллектуальная элита страны (заводская, научно-техническая и гуманитарная интеллигенция), и никаких массовых чисток или выбросов не было после 38 года.

ИЗ ЦИКЛА БЕСЕД „ДИАЛОГ”

От автора:

В 77 году в издательстве „Ахберг” (ФРГ) вышла моя книга „Свобода, власть и собственность”, посвященная анализу положения в СССР и разработке идей и принципов общества социалистического самоуправления, как альтернативы государственному, тоталитарному социализму. Однако, по прошествии некоторого времени я несколько изменил свои взгляды на концепцию политического устройства общества социалистического самоуправления. В новом виде эта концепция была изложена мною в предлагаемой ниже беседе из цикла „Диалог”, передававшегося по Радио Свобода в 78—79 годах.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Подытоживая предыдущий обзор взглядов на желательную для будущей России* партийную и государственную структуру, можно выделить две основных группы взглядов. За *беспартийную* структуру выступают сторонники авторитаризма и часть сторонников новой модели демократического социализма, основанной на самоуправлении и групповой собственности на средства производства, иначе, общества социалистического самоуправления.

За *многопартийность* выступают сторонники буржуазно-демократического строя и сторонники демократического социализма с государственной собственностью на большую часть средств производства.

Приверженцы авторитарных систем считают, что многопартийная структура страдает, говоря словами Солженицына, „опасными, если не смертельными пороками: отсутствием этической

---

* Под Россией здесь, как и везде, я понимаю собственно Россию, а не русско-советскую империю — СССР.

основы в межпартийной борьбе". А также, как считает, например, Владимир Осипов, не подходит к характеру русского народа, которому „нужна цельная правда”, а не „склеенная из социал-христианской, социал-демократической, либеральной, коммунистической и прочих правд”.

„Русскому народу, — пишет Осипов, — мучительно недоверие, лежащее в основе выборной системы, ее расчетливость и рационализм”.*

Приверженцы новой модели демократического социализма, те из них, которые тоже выступают против создания многопартийной структуры, признавая, однако, необходимость остальных демократических институтов: разделения власти на исполнительную, законодательную и судебную, плюс свободная пресса и свободные профсоюзы, — исходят в критике многопартийности из иных соображений. Они, как например, Валентин Турчин или Ота Шик, считают, что многопартийная структура уже *не обеспечивает дальнейшего развития и углубления демократии и плюрализма*, ограничивая свободу инициативы, мысли и слова для людей, состоящих в той или иной партии, а то и заставляет их действовать вразрез со своими убеждениями в интересах межпартийной борьбы. Или, как пишет В.Турчин, ставит интересы борьбы партий за власть выше борьбы идей и поиска истины, в конечном счете выше интересов всего общества.

Сторонники же многопартийной системы, как среди приверженцев буржуазно-демократического уклада, так и демократического социализма, считают, что многопартийность при всех ее недостатках и пороках по-прежнему является необходимой гарантией от узурпации власти и злоупотребления ею. Кроме того, они полагают, что большая часть пороков, приписываемых многопартийной структуре, проистекает от несовершенства человеческой природы, по крайней мере в ее нынешнем состоянии, а также, добавляют сторонники демократического социализма, и от пороков капиталистической стихии. Многопартийная структура, говорят ее защитники, как раз и дает возможность ограничивать разгул всех этих пороков.

---

* „Пять возражений Сахарову” („Архив Самиздата” ФРГ, №- 1696)

В свете этого противостояния двух основных точек зрения, автор позволит себе высказать точку зрения, представляющую собой как бы синтез двух, изложенных выше мнений.

Прежде всего мы исходим из убеждения, что запрещение создания различных партий в стране или запрещение этим партиям вести борьбу за власть (демократическими, разумеется, и конституционными методами) недопустимо в демократическом обществе. Однако, если большая часть собственности на средства производства (большая часть предприятий) будет передана в будущем в руки самоуправляющихся коллективов трудящихся (а это, по нашему убеждению, наиболее реальная возможность и для оздоровления экономики нынешних социалистических стран, и для создания там прочной основы для демократии, которая не может существовать в условиях национализированной экономики), то в этом случае произойдет следующее. Самоуправляющиеся и конкурирующие на свободном рынке предприятия (и самоуправляющиеся прикладные научно-исследовательские учреждения) будут добиваться, во-первых, чтобы контрольно-законодательная власть представляла собой совет представителей самоуправляющихся коллективов и ассоциаций как производственных, так и любых других. И, следовательно, чтобы выборы в этот совет (парламент) проводились бы по производственному принципу. То есть, чтобы депутатов в парламент (совет представителей) избирали самоуправляющиеся коллективы в качестве своих представителей.* Как это и происходило при создании Советов в России. Сталин, введя территориальные выборы, упразднил тем самым Советы и формально.

Во-вторых, самоуправляющиеся коллективы будут добиваться, чтобы эти представители избирались лишь *на один срок* и не переизбирались на второй срок подряд. Цель — не допустить возникновения среди них кастовых интересов, затруднить возможность коррупции, подкупа и манипулирования их голосами.

И в-третьих, и это самое главное, самоуправляющиеся коллективы и ассоциации не допустят, чтобы их представители в контрольно-законодательных органах государства защищали чьи-либо еще интересы, кроме интересов избравших их коллективов. Эти

---

* Возможно возникновение необходимости и во второй палате — для представления коммунальных и региональных интересов.

представители, депутаты, могут быть членами каких-либо партий, но защищать и представлять они будут только интересы своих трудовых коллективов. В противном случае они будут отзываться выдвинувшими их коллективами. К тому же постоянное обновление всего состава контрольно-законодательных органов (из-за запрета на переизбрание) автоматически будет препятствовать преобладанию в этих органах членов одной какой-либо партии.

В итоге это означает, что в случае, если большинство предприятий и учреждений будет передано на самоуправление и в собственность их работников, то контрольно-законодательная власть в стране неизбежно будет носить беспартийный характер.

Мы предполагаем, что деятельность беспартийной контрольно-законодательной власти окажется более принципиальной и будет в конечном итоге полнее отражать интересы большинства людей в стране, ибо члены контрольно-законодательных органов не будут связаны интересами каких-либо партий в их борьбе за власть и влияние.

Другое дело — исполнительная власть, правительство. Оно должно будет формироваться по партийному принципу.

Мы исходим здесь из соображения, что во главе исполнительной власти должны стоять опытные политики и администраторы, и они к тому же должны иметь какую-то определенную политическую и экономическую программу и концепцию. Выявить таких людей очень трудно иначе, как путем выборов на партийной основе. И члены правительства не должны защищать интересы каких-либо отдельных трудовых коллективов, в которых они ранее состояли. Они должны руководствоваться интересами всего общества, каковые будут определяться и формулироваться волей, голосами большинства депутатов контрольно-законодательных органов (в данной схеме — беспартийным советом представителей самоуправляющихся коллективов и ассоциаций).

Деятельность партийного правительства (или правительства коалиции ряда партий) будет, разумеется, контролироваться этим беспартийным советом, парламентом. Плюс контроль независимого органа, наблюдающего за соблюдением законности и Конституции, т.е. Верховного суда или Прокуратуры. Органа, понятно, также беспартийного по своему характеру, независимого как от партий, так и от каких-либо коллективов.

Таким образом, у партий, по нашему представлению, будет, останется две цели: во-первых, бороться за исполнительную власть, выдвигая на выборах свою программу и своего кандидата на возглавление исполнительной власти, и во-вторых, бороться за *идейное* влияние на все общество, в том числе и на членов законодательных органов власти.

Согласно смыслу этой концепции, выборы в исполнительные органы власти должны проходить по *территориальному* принципу, в отличие от выборов в законодательные органы. Законодательная и исполнительная власти должны будут, таким образом, избираться на разных выборах. Это обеспечит также и устойчивость исполнительной власти. Она не будет формироваться Парламентом (Советом представителей коллективов) и не будет, следовательно, зависеть от наличия или отсутствия устойчивого большинства в Парламенте. Хотя, конечно, необходим при этом какой-то порядок и процедура для лишения полномочий кого-либо в исполнительных органах власти по решению контрольно-законодательных органов и Верховного Конституционного суда — в случае нарушения этим лицом (или лицами) законов и Конституции.

Такая „синтезная” система власти будет, на наш взгляд, более демократичной и более сильной в одно время. Особенно в условиях так называемых социалистических стран, и прежде всего в условиях Советского Союза, где трудно ожидать быстрого создания крупных партий после поворота к демократии.

Внимательный читатель уже, наверное, мог заметить, что описанная структура власти весьма напоминает американскую. И автор видит это сходство, и видит в нем серьезный аргумент в свою пользу. Действительно, США — страна наиболее развитого регионального самоуправления (штатов, городов). И в результате избиратели заинтересованы в том, чтобы их делегаты в Конгрессе представляли и защищали более всего их интересы, а не интересы каких-либо партий. В США выборы в Конгресс проходят не столько по партийному принципу, сколько по доверию, которое внушает личность и личная программа кандидата как *представителя* города или штата. Вследствие этого депутаты Конгресса слабо связаны партийной дисциплиной. Почти по любому вопросу одни депутаты — члены демократической партии объединяются с депу-

татами — республиканцами против временного объединения других демократов с другими республиканцами. Конгрессмены руководствуются более волей своих избирателей и своим пониманием проблем, нежели мнением руководства своей партии. Таким образом, законодательная власть в США имеет весьма выраженный беспартийный характер.

В то же время исполнительная власть в США вполне партийна. Кандидаты в Президенты выдвигаются партиями и избираются на отдельных выборах. Затем сами подбирают остальных членов исполнительной власти — правительства. То есть правительство не формируется парламентом, Конгрессом и не зависит от игры голосов в Конгрессе, как это имеет место в Европе. Конгресс лишь контролирует деятельность правительства, принимает законы и имеет процедуру, позволяющую лишить полномочий любого члена правительства, включая Президента („импичмент”) в случае нарушения ими законов и Конституции.

И наконец, Президент США и, следовательно, его администрация, правительство не имеет права оставаться у власти более двух сроков. Там, где есть самоуправление, имеется и повышенная заинтересованность в том, чтобы исполнительная власть не становилась над обществом!

В заключение отметим, что принцип сочетания партийного правительства с беспартийным парламентом открывает и более широкую дорогу для *эволюционной* демократизации тоталитарных социалистических стран. Если произойдет демократизация коммунистической партии (под давлением, разумеется, общественности и объективных обстоятельств), то до образования других достаточно мощных и авторитетных партий с опытным руководством исполнительная власть может оставаться в руках коммунистической партии, но под контролем беспартийной по своему характеру законодательной власти, состоящей из избранных по производственному принципу представителей предприятий и учреждений, а также объединений однородных мелких трудовых коллективов, колхозов, совхозов и т.д.

В дальнейшей перспективе мы допускаем возможность и полного отмирания партий в обществе самоуправления. Иначе говоря, вытеснение их гуманитарными научно-исследовательскими институтами или ассоциациями ученых, единомышленников,

которые будут предлагать избирателям свои программы, принципы и методы решения проблем общества и своих кандидатов на возглавление исполнительной власти.

Такова в общем виде концепция автора.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РАБОЧИЕ И ДИССИДЕНТЫ*

ГЛАВЫ ИЗ СТАТЬИ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ДИССИДЕНТЫ О РАБОЧИХ

Необходимо констатировать печальное положение: у большинства рабочих нет огульного пренебрежения к интеллигенции как таковой, а у значительной части интеллигенции к рабочим такое пренебрежение есть. Особенно у гуманитарной и столичной интеллигенции.

Рабочие в большинстве своем подходят к интеллигенции дифференцированно: отличают, скажем, людей коррумпированных и

---

* Сокращенный вариант статьи, опубликованной (в полном виде) в журнале „Сучасность”, (№ 2 — 1980). Написана она была в конце 79 г., т.е. до начала „польского лета” 80 года.

подхалимствующих от интеллигентов других типов и относятся к ним соответственно.

Интеллигенты же как правило валят всех рабочих в одну кучу и часто судят о них по людям из сферы обслуживания, толпящимся у винных отделов в магазинах и приходящих в дома для ремонтных работ. Пренебрежение к народу (и к рабочим) имеет разные степени и оттенки: от скепсиса до настоящей народофобии. Увы, подобные настроения и подход распространены и среди диссидентской интеллигенции. Напомню для примера „Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?” А.Амальрика, „Мысли врасплох” А.Синявского, „Люди воздуха” Г.Померанца. Рабочих Г.Померанц там определяет как „класс двоечников”, т.е. плохо учились, не смогли попасть в ВУЗы и пошли в рабочие!

Видный теоретик и ветеран правозащитного движения Борис Шрагин считает, что если „интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых”, то „массы — слепы, безответственны.” („Противостояние духа”, стр. 216, Лондон, 1977). Рабочие здесь включены в массы.

Отсюда Шрагин делает вывод: диссидентам-интеллигентам нет смысла *добиваться идейного влияния* на „массы”. Рельефным выражением этой концепции представляется ответ Шрагина кому-то из левых итальянцев уже в эмиграции. Итальянец спросил Шрагина, почему советские диссиденты не идут к рабочим, не пытаются их привлечь, не включают в свои требования соблюдение прав рабочих? Шрагин дает такой ответ: „Милый, — отвечал я ему, — ведь было все это в нашей истории, ведь нынешний режим и установился в результате действий „партии нового типа”, которой удалось возбудить недовольство рабочих и крестьян, чтобы опираясь на него захватить власть. Невозможно приниматься за одно и то же дважды.” (там же, стр. 15)

Тяжело вспоминать подобное сейчас, на фоне событий в Польше!*

Выделю взгляды интеллигентов и диссидентов из среды русских авторитаристов и националистов. Они, видимо, вообще не признают „классовых” (иначе социологических) понятий, и рабо-

---

* Имеются в виду события 1976 года.

чих для них не существует, а существует лишь „Великий Русский Народ”. Но за красивыми словами о русском народе у них чаще всего скрывается недоверие к народу, сегодня реально существующему (советские люди, а не русские!), недоверие и неприязнь, намного превосходящие скепсис части либеральной интеллигенции. Именно поэтому русские националисты выступают как правило против демократии вообще, и для русского народа — в особенности.

Едва ли не единственным исключением из авторов Самиздата представляется Надежда Мандельштам, которая не только долго жила среди рабочих, но и сама работала ткачихой на фабрике. И это обстоятельство является, очевидно, одной из главных причин того исключительного уважения, с которым она пишет о рабочих в своих „Воспоминаниях”. „В эпоху почти всеобщей трусости и подлости так называемого образованного общества, — свидетельствует она, — у рабочих оставалось понятие пролетарской совести, от которой они не желали отказываться.”

Уничижительное отношение среди советской интеллигенции к народу и к рабочим начинают замечать уже и за рубежом. Вот что говорит, к примеру, по этому поводу видный деятель пражской весны, бывший председатель Союза Писателей Чехословакии, а ныне профессор Сассекского Университета в Англии Эдуард Гольдштукер в беседе с Д.Урбаном (для РСЕ/РС) в августе 79 года:

„Русский народ представляет собой для советских руководителей загадочное и опасное чудовище: он в цепях, он столетиями был скован цепями, и даже, разорвав свои цепи, он угрожает посетить вокруг хаос и бедствия. В 68 году мы, чехословацкие коммунисты, чьи собственные связи с народом были весьма тесными, с чувством потрясения увидели, что советские руководители боятся русского народа, но что было еще более ужасно, мы обнаружили, что и некоторые советские инакомыслящие тоже живут в страхе перед своим народом! Они представляют себе этот народ как какую-то темную, анархическую, не поддающуюся управлению массу; этот „темный народ” — своеобразная лава, которая затягивает и топит вас, если вы не защищаетесь от нее барьерами.”

Но все это относится к прошедшему времени: до рабочих высланий в Польше в 76 году, эффективно поддержанных поль-

ской интеллигенцией и продемонстрировавших великую силу солидарности, и до возникновения в СССР независимого профсоюза под руководством В.Клебанова. После упомянутых событий отношение советских диссидентов к рабочим не могло не измениться. Это проявилось в выступлениях ряда видных диссидентов как в СССР, так и за рубежом, во внимании к рабочим вопросам со стороны Московской группы „Хельсинки” и в постановке рабочего вопроса в центр последних (1980 г.) Сахаровских Слушаний в Вашингтоне.

Однако, есть все основания полагать, что этого еще далеко не достаточно, и движение либеральной интеллигенции навстречу рабочим носит все еще поверхностный характер. В среде советских диссидентов, не говоря уж об остальной интеллигенции, бытует убеждение, что польский рабочий класс представляет собой какое-то исключение и уж с советскими-то рабочими вообще ничего общего не имеет.

Печальное тому свидетельство я увидел в самиздатском журнале „Поиски” (№ 5 — 1979.) В кругах либеральной интеллигенции, сообщается в журнале, распространено мнение, что „наш народ никогда не взбунтуется из-за отсутствия мяса, а лишь если его заставят работать,..и поскольку это ему не грозит, то данный режим стабилен”.(см. Пинхас Подрабинек и Петр Егидес „Некоторые актуальные проблемы демократического движения в нашей стране”.)

Или вот в журнале „Сучастность” (№ 1 за 79 г.) была опубликована статья ветерана демократического движения Бориса Вайля, в которой он свое мнение о том, что советские рабочие в массе своей приемлют существующий режим, аргументирует тем, что они-де „исправно голосуют на выборах за „блок коммунистов и беспартийных” и они же „в солдатских шинелях оккупировали Венгрию и Чехословакию”.” Трудно здесь удержаться от саркастической реплики, что и польские рабочие раньше точно тем же занимались!

И все это печальное положение как бы обобщает Валерий Чалидзе в книге „СССР — рабочее движение?” („Хроника—Пресс, Нью-Йорк, 78). Он пишет: „Контакты свободного профсоюза с правозащитным движением были бы только полезны. Однако, я не исключаю, что в таких контактах могут быть непредвиденные трудности, тем более, что в правозащитном движении большин-

ство деятелей принадлежит к интеллигенции, а в профсоюзе — к рабочим и служащим. *Для тех, кто представляет себе социальную ситуацию в России, будет легко понять, насколько трудным может оказаться взаимопонимание между представителями разных слоев общества.*” (Подчеркнуто мною — В.Б.)

Даже если предположить, что я ошибаюсь, говоря об отсутствии среди большинства рабочих *огульной* неприязни к интеллигенции, то все равно главную ответственность за эту „ситуацию” несет интеллигенция, тем более свободомыслящая. Понятие интеллигенции происходит от слова интеллект, а главным признаком интеллекта представляется способность к анализу и дифференцированию. Любая предвзятость и огульность в суждениях, в том числе и по отношению к классам и национальностям, несовместима с интеллигентностью и непростительна при любых смягчающих объективных обстоятельствах и ситуациях.

Пожалуй самое удивительное, что все кто считают, что рабочие в СССР приемлют режим, или что им, якобы, присуще стремление к черной анархии, совершенно забывают о „странной” волне массовых выступлений рабочих в защиту своих прав, прокатившейся по стране в начале 60-х годов. В Самиздате упоминается около 14 городов, в которых имели место тогда массовые волнения рабочих, подавленных как правило с крайней жестокостью, вплоть до применения разрывных пуль, как то было в Новочеркасске. И при этом неизвестно, чтобы где-либо демонстранты учиняли грабежи, хулиганство и вандализм.

Эта волна рабочих выступлений до сих пор остается неизвестной большинству интеллигенции, в силу чего скептики никак не могут осознать тот факт, что *рабочие в СССР поднялись на борьбу за свои права раньше интеллигенции.* Представим: если бы уже тогда, в начале 60-х, существовало нынешнее правозащитное движение интеллигенции и поддержало бы рабочих столь же энергично, как польское диссидентство, что было бы?! Какой резонанс вызвали бы эти выступления в стране и мире?

Как говорится, история могла бы пойти иначе.

ИСТОКИ ПРЕНЕБРЕЖЕНИЯ

Откуда исходит пренебрежение или скепсис по отношению к рабочим в среде либеральной интеллигенции?

Истоков много. Прежде всего — это результат большой разобщенности различных социальных слоев, характерной для тоталитарных условий. Нет никакой самостоятельной общественно-политической жизни, объединений, партийной борьбы, когда возникает необходимость познавать социальную структуру общества.

Гуманитарии не заинтересованы в глубоком знании народа еще и потому, что знание это почти невозможно реализовать ни в литературе, ни в гуманитарных науках, где образы людей из народа необходимо подгонять под готовые клише. И столичные интеллигенты порой лучше знают мир и Запад (тут хотя бы литература есть в их распоряжении), чем свой народ.

Отсюда и суждение о рабочих промышленности — по сектору „обжужливания”, по улице или двору. Часто в моих спорах с интеллигентами о рабочих в конце концов обнаруживалось, что истоки негативного отношения к ним коренятся в памяти о детстве, когда ребята с улицы или двора издевались или били „интеллигентика”. Я называю это „комплексом Пушкина”. Была у нас такая собачка, которую однажды прибили какие-то жлобы с улицы, и она на всю жизнь затаила ненависть ко всем простым людям.

Кроме того, нередко обнаруживается, что серьезное сближение с народом у иных интеллигентов из числа диссидентов происходило только в лагерях, где господствует блатной элемент.

Но есть и чисто интеллектуальные причины негативного отношения к рабочим. Это „реактивное” мышление: отталкивание в противоположную крайность от всего, что связано с представлением о марксизме, в том числе, от концепции о пролетариате как об избранном народе, гегемоне и т.д. А также — реакция на принижение интеллигенции официальной пропагандой: прослойка, призванная служить народу и т.п. Отсюда: пора нам служить самим себе! Реакция, доходящая порой до сословного шовинизма.

В результате значительная часть советской интеллигенции

представляет собой зеркальную противоположность интеллигенции дореволюционной, с ее неумеренным преклонением перед народом.

Для части интеллигенции негативное отношение к народу, к рабочим — безусловно и аргумент для оправдания своего бездействия: чего, мол, можно добиться с таким народом?

Но самым глубинным источником народофобии, на мой взгляд, является деморализация значительной части интеллигенции, более всего гуманитарной, вынужденной заниматься *производством* лжи. Ложь неизмеримо сильнее деморализует того, кто ее производит, нежели того, кто ее потребляет! А за деморализацией неизбежно следует и умственная ущербность.

Негативное отношение ко всему народу без разбора, подкрепляемое глупейшими теоретическими аргументами, — увы, не единственный симптом этой ущербности. Неожиданная, например, враждебность к Западу, вспыхнувшая у большинства диссидентов в эмиграции, или то же стремление части оппозиции к новому авторитаризму авторитарной стране (от несвободы к несвободе!) — не есть ли это симптомы той же ущербности или „умственной поврежденности”, по выражению Герцена?

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ „ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РАБОЧИЕ, ДИССИДЕНТЫ”

После „польского августа” 80 года моего оптимизма по отношению к советским рабочим, разумеется, поубавилось. (Подробнее см. статью „Почему советские рабочие пассивнее польских?”).

Но в еще большей степени польские события и их предыстория убавляют оптимизма по отношению к советской интеллигенции и советскому диссидентству. И не только из-за того, что польское диссидентство, в отличие от советского, было ориентировано на сотрудничество с рабочими. Несоизмерим с советским уровнем общий количественный и качественный уровень польского диссидентства в среде интеллигенции. То есть уровень интеллектуальный, моральный, уровень ответственности.

И в любом случае нам, российским интеллигентам, лучше думать о том, почему мы сами так „отстаем” от польской интеллигенции, нежели вновь всю ответственность валить на других, в данном случае на рабочих.

Кто знает, как велик вклад польской интеллигенции и диссидентства в то, что представляет собой сегодня польский рабочий класс? Может быть, этот вклад имеет решающее значение?

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В СССР В НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ*

Второго июня исполнилось 20 лет со дня жестокого подавления рабочей демонстрации и забастовки в Новочеркасске в 1962г. Эти рабочие выступления были апогеем целой серии рабочих волнений, прокатившихся по стране в начале 60-х годов. Сейчас, когда мы стали свидетелями исторических польских событий, полезно вспомнить и о волне рабочих выступлений в СССР. Выступлений, столь трагически закончившихся, как в отношении человеческих жертв, так и в отношении безвестности и безрезультатности. Волна рабочих выступлений того времени не только не получила поддержки со стороны интеллигенции, но даже и не была ею замечена. В своей совокупности, как волна, „революта”, кризис, она остается неосознанной и по сей день.

Подробности событий, о которых пойдет речь, известны мне либо по рассказам очевидцев, либо по пересказам, поэтому за полную достоверность всех деталей я, разумеется, не могу ручаться.

---

* Опубликовано в журналах: „Сучасность” — США, октябрь 78 г.; „Панорама” — Италия, 1.5.79 г.; „Критик” — Англия, №- 10—11, 79; „Альтернатива” — Франция, №- 3 — 80.

Об отдельных забастовках на заводах слухи стали распространяться уже в конце 50-х годов, но с 60-го по 62-ой годы по стране, по ряду городов прокатилась волна особенно серьезных рабочих выступлений, принимавших порой характер восстаний, которые подавлялись властями с безоглядной жестокостью. Мне известно, что подобные волнения имели место в этот период в 14-ти городах: Александрове, Муроме, Нижнем Тагиле, Новочеркасске, Темир-Тау, Одессе, Днепродзержинске, Лубнах, Куйбышеве, Кемерово, Кривом Роге, Грозном, Донецке, Ярославле и, возможно, еще в ряде других мест.

Необходимо отметить, что в тот момент в стране не было, казалось бы, каких-то особых причин для возникновения волны рабочих выступлений. Правда, летом 62-го года были резко, вдвое, повышены цены на мясо и мясные продукты, что и послужило одной из причин выступления рабочих в Новочеркасске, но большая часть волнений в других местах происходила до этого момента. Свои соображения о причинах возникновения рабочих волнений в тот период я выскажу позже. Сейчас я перейду к рассказу о том, что мне известно об этих событиях.

ТЕМИР-ТАУ (Казахстан)

В этом городе осенью 59-го года произошло, видимо, первое серьезное выступление рабочих.

По слухам, восстание началось 3 октября в палаточном лагере, где жило около трех тысяч молодых рабочих, занятых на строительстве. Эта молодежь, прибывшая сюда главным образом из Украины и Белоруссии, была недовольна чрезвычайно плохими жилищными условиями и низкой заработной платой, которая была к тому же гораздо ниже зарплаты рабочих, привезенных в Темир-Тау из Болгарии, Польши и Румынии.

Рассказывают, что группа из 50-ти, приблизительно, человек подожгла помещение столовой в знак протеста против плохой пищи. Затем эти рабочие отправились в Восток (новый район Темир-Тау), где захватили на базаре съестные продукты. Когда милиция попыталась остановить их, рабочие послали в лагерь за подкреплением, а сами соорудили баррикады и стали бросать в милиционеров камнями.

Более полутора тысяч рабочих из лагеря присоединились к стоящим на баррикадах.

На следующий день из Караганды было прислано несколько грузовиков с солдатами регулярных частей. Но рабочие захватили машины и отобрали у солдат оружие, так как солдаты не решились пустить его в ход.

После этого происшествия власти поняли, что восстание принимает серьезный оборот, и стали перебрасывать в Темир-Тау большие войсковые подразделения.

Местные власти послали к рабочим группу партийных активистов города, которые пытались вступить с ними в переговоры, взывая к их „коммунистической сознательности”, но успеха не имели. Армейским частям был отдан приказ начать наступление. В бою было убито, по слухам, свыше сотни рабочих. Остальные и даже многие просто наблюдавшие со стороны люди, были погружены в грузовые машины и увезены в неизвестном направлении.

АЛЕКСАНДРОВ (Владимирская область, Р.С.Ф.С.Р.)

О событиях в Александрове, имевших место летом 61-го года, я слышал от многих людей, в том числе, и от одного моего близкого знакомого, находившегося во время волнений в городе. Его рас-

сказ я беру за основу. В главных пунктах он совпадает с другими версиями.

События в Александрове начались с того, что в милиции умер рабочий одного из заводов города. (Название завода я, к сожалению, не запомнил). Он был задержан, якобы, за пьяное хулиганство и умер, как сообщила милиция, от инфаркта. Но по городу поползли слухи, что рабочий скончался от побоев. В маленьком городе люди хорошо знают друг друга и часто связаны родственными узами с местной милицией. Здесь необходимо отметить, что жестокое избиение людей в милиции с тяжелыми, порой смертельными исходами было и раньше широко распространено, однако, это не приводило к серьезным возмущениям.

В данном же случае произошло иначе. На заводе, где работал умерший в милиции рабочий, люди стали требовать от администрации расследования. Директор, сравнительно молодой человек, потребовал произвести эксгумацию трупа в присутствии врача завода. И ему каким-то образом удалось этого добиться. Выяснилось, что рабочий умер действительно от побоев. Директор завода потребовал привлечь виновных к уголовной ответственности. Милиция обратилась за защитой в Москву, к своему высшему руководству. Оттуда нажали, и местная прокуратура не дала санкции на расследование и привлечение виновных к ответственности.

Рабочие завода, где работал убитый, объявляют забастовку протеста и идут к городскому отделению милиции. К ним присоединяются рабочие и с ряда других предприятий города. У многих в руках плакаты, требующие привлечь к суду убийц из милиции и положить конец произволу и беззаконию. Как потом выяснилось, плакаты эти были накануне сделаны заводским художником. (Ему положено заниматься оформлением так называемой наглядной агитации и пропаганды.)

Демонстранты подошли к зданию милиции и стали требовать начальство. Существует версия, что была выделена делегация рабочих для переговоров, и ее арестовали, когда она вошла в здание. По другой версии „просто” из окон милиции раздались выстрелы, или кто-то сначала бросил камень в окно. Толпа штурмовала здание милиции. Милиционеры бежали. Здание было разгромлено и подожжено.

Толпа рабочих и жителей двинулась к тюрьме, за стенами которой укрылись милиционеры и руководящие партийные кадры города. Подойдя к тюрьме, стали требовать руководителей на переговоры и освобождения арестованных рабочих, кидали камни через стену. Но открылись ворота тюрьмы и пропустили солдат с автоматами. Последовал приказ к толпе разойтись. Затем, предупредительный залп в воздух. Толпа качнулась назад, потом обратно — на солдат. Солдаты не стреляли и перемешались с демонстрантами. Солдат не трогали, их агитировали, объясняли им в чем дело. Но раздался звук рожка на сбор, и солдаты стали выбираться из толпы к воротам. Ворота открылись — солдаты ушли внутрь.

Через некоторое время солдат снова вывели из ворот тюрьмы, и на этот раз было объявлено, что огонь будет открыт по толпе, если люди не начнут расходиться. Толпа не расходилась. Последовал приказ стрелять, но солдаты вновь стреляли лишь в воздух, и вновь толпа смешала их строй. По призыву рожка они опять сгруппировались у ворот и отступили внутрь. Больше солдат не выводили.

Рассказывали, что некоторые люди уже сами начали расходиться от тюрьмы, когда увидели, что к площади подходят части совсем других солдат, сплошь из „нацменов”, только офицеры — русские. Солдаты из Дивизии Особого Назначения, сокращенно: ДОН, которых впоследствии в народе хлестко окрестили ДОНскими казаками! И эти открыли огонь по людям! Началась паника, давка, и гибель людей под пулями и под ногами толпы.

Мой знакомый, который в это время гостил в городе у своих родственников (он жил и работал в Москве), услышав выстрелы и крики, выскочил из дома и увидел, что по улице бегут люди, а за ними — милиционеры, на бегу стреляя из пистолетов. Озверевшие, вырвались они из тюрьмы, когда толпа побежала под очередями „Донских казаков”. Мой знакомый рассказывал: на его глазах молодой парень, почти мальчишка, бросился от милиционеров через забор, но на самом верху забора один из них срезал его выстрелом из пистолета. Парень свалился за забор, и милиционер этот выстрелил в него еще раз сквозь штакетник, в упор.

Город был несколько дней оцеплен войсками, по улицам ходили патрули, ночами производились аресты. Рассказывали, что демонстрантов фотографировали, и из милиции, и из тюрьмы, и

потом брали всех, кого засняли и опознали. Говорили, что число погибших доходило до сотни. Родственникам не разрешили их хоронить. Некоторых арестованных выпустили, некоторые исчезли. Объявлено было о суде над тремя людьми, точнее о приговоре. Это были: директор завода, с которого все началось, врач и художник. Все трое были расстреляны!

ДНЕПРОДЗЕРЖИНСК (Украинская ССР)

Волнения в этом городе произошли летом 1962 года. Вот как они описаны в анонимном сообщении, циркулировавшем в Самиздате.

„Это произошло буквально через несколько дней после публикации Указа ПВС* УССР об усилении борьбы с пьянством. (23 — 25.6.62).

Был нерабочий день — суббота или воскресенье. После свадебного ужина в одном из домов подвыпившие гости и новобрачные вышли гулять на улицу, как это обычно принято в провинциальных городах. Через весьма короткий промежуток времени гулявшие были задержаны патрулем милиции и им было предложено пройти в отделение милиции. Не столько сам факт задержания, сколько грубость милиционеров вызвали возмущение прохожих и задержанных. Они плотным кольцом окружили милиционеров и требовали отпустить людей. Милиции пришлось срочно вызвать специальный автомобиль. Скандал разрастался. Четверо из задержанных сами согласились войти в автомобиль, поскольку многие из прохожих вызвались следовать за машиной, с тем чтобы на месте, в отделении милиции свидетельствовать в пользу задержанных.

---

* Президиум Верховного Совета Украинской ССР (В.Б.)

Приблизительно на середине пути милицейская машина, столкнувшись с грузовиком, загорелась. Машину окружила толпа. Спасаясь от огня, из кабины выскочили милиционеры. Прохожие обнаружили, что эти милиционеры были в нетрезвом состоянии, и стали требовать, чтобы они выдали ключ от кузова. Милиционеры ключ выдать отказались, уверяя, что внутри машины никого нет. Огонь охватил между тем уже весь автомобиль, и милиционеры, опасаясь взрыва, попытались скрыться. Но в это время к месту происшествия подоспели отставшие от машины свидетели и закричали: „Товарищи, там, внутри, люди!“. Кузов машины вскрыли.

Двое из находившихся в кузове уже были мертвы. Один скончался сразу же после того, как вскрыли кузов, еще один вскоре после этого — в больнице. Разъяренная толпа с криками: „Фашисты! Бей их! Пьяницы!“ — бросилась к отделению милиции и разгромила его. Дежурный офицер успел сообщить по телефону в горком КПСС о случившемся.

Толпа кинулась к горкому КПСС. Дежурный по горкому (был выходной день), уже предупрежденный о появлении толпы, вышел на крыльцо и попытался вступить в переговоры с людьми, однако вскоре, раздраженный язвительными репликами, стал угрожать людям тюремным заключением и расправой.

Тогда толпа принялась бить стекла в горкоме и устроила погром внутри здания. Дежурный по горкому, запершись в здании, звонил в это время к первому секретарю горкома на квартиру.

Первый секретарь немедленно связался с войсками (род войск не установлен), и около трех полков прибыло приблизительно через час к зданию горкома. После первого предложения разойтись по домам, солдаты открыли огонь из автоматов.

Число жертв осталось неизвестно.

ОДЕССА

Я был в Одессе примерно через год после беспорядков, но уже не помню в 61-ом году они там произошли, или в 62-ом. Повод к возмущению был весьма специфичен для Одессы.

В городе должны были состояться какие-то выборы, и в это же время шло следствие по крупному уголовному делу, связанному с бандитизмом и грабежом. В ходе расследования выяснилось, что в деле этом был замешан высокопоставленный чиновник города, выдвинутый кандидатом на выборах! Однако судебные власти попытались замять его дело, и он, главное, остался в списках кандидатов! Об этом стало известно в городе. Перед зданием суда собралась большая толпа. Люди пытались организовать демонстрацию, но были разогнаны милицией и войсками. В этом случае обошлось без стрельбы. Беспорядки вспыхивали в тот день и во многих других местах города перед официальными учреждениями.

Интересно, что одной из мер, взятых впоследствии перепуганными властями, было запрещение продавать в городе винов розлив, в ларьках! Одновременно это и дискредитация протестовавших граждан: спьяну, мол, ударились в политическое хулиганство!

Беспорядки в Одессе могут показаться несерьезными по сравнению с событиями в других местах в тот период, но если думать: когда и где раньше люди в СССР пытались бы стихийно и в большой массе протестовать против выдвижения недостойного человека в органы власти?!

КУЙБЫШЕВ

Я был в Куйбышеве в середине 60-х годов в командировке на одном из заводов. Попав в город, зашел в кафе и хотел выпить

знаменитого жигулевского пива. Официантка в кафе посмотрела на меня с удивлением: „Вы что — приезжий? Пиво у нас можно достать только в магазине или в ресторанах.” И тогда же в кафе посетители мне объяснили, что после беспорядков в городе, случившихся в 62-ом году, пиво больше не продается вразлив, в кафе или в ларьках. (Как и вино в Одессе!)

Потом от разных людей я узнал подробности об этих беспорядках.

Примерно за месяц до них в Куйбышев должны были пожаловать высокие гости: Хрущев и Д.Неру. Намеревались они посетить и знаменитую Куйбышевскую ГЭС им. Ленина, которая находится примерно в 60-ти километрах от Куйбышева. Но почти все избы в деревнях Куйбышевской области были крыты соломой. Как при царе горохе! Когда я впервые, помню, увидел там эти соломенные крыши повсюду, у меня глаза на лоб полезли от удивления. К тому времени я уже много поездил по стране, но нигде такого не видел и не предполагал увидеть!

Так вот, перед приездом Хрущева и Неру по высочайшему повелению из Москвы с заводскихстроек забрали дефицитный шифер и, сбросив солому, покрыли им крыши всех деревень вдоль шоссе из Куйбышева к ГЭС! Я потом ездил туда и видел, как в деревнях по шоссе среди свежих шиферных крыш изредка темнели пятна старого шифера. На остальных избах, значит, была солома.

Кроме этих „потемкинских” крыш соорудили в столь же спешном порядке на Куйбышевской плотине модерновое кафе „Отдых” с вогнутой к земле (!) крышей. После дождя воду с этой крыши приходилось откачивать насосами! Со всей области в кафе согнали самых смазливых официанток и навезли дефицитной снеди: икру, фрукты и т.д. Но приезд гостей сорвался почему-то. Девушек пришлось распустить по домам, а яства отправили в обкомовскую столовую!

Все это опять же не было новостью для советских людей. Где-нибудь, каждый с подобным сталкивался. И никакой реакции не было, если только ворчание или анекдоты. На этот же раз в городе стало нарастать возмущение. И в этот момент приехал Хрущев, один, без Неру. Приехал и пожелал выступить на митинге. Его пытались осторожно отговорить, но Хрущев любил „побеседовать с народом!”

На митинг людей сгоняли через парткомы, в первую очередь — партийных, „передовиков” производства и т.д. Но позаботились и о войсках, в дополнение к милиции и местным сотрудникам КГБ. Видимо, что-то чувствовали необычное в настроении людей. Солдаты стояли в переулках и дворах вокруг площади, на которой должен был состояться митинг.

Когда Хрущев появился на трибуне и начал говорить, на площади стал нарастать шум, дерзкие возгласы, и даже свист. Хрущев сбился, оторопел и, забыв отстраниться от микрофона, с возмущением спросил кого-то из стоявших рядом „отцов” города: „Что за хулиганов вы здесь собрали?!” — вся площадь услышала его вопрос! Понеслись крики, улюлюканье, свист. Хрущев пытался еще что-то кричать в микрофон, но его увели с трибуны, и предложили всем немедленно расходиться. Из переулков вышли войска и стали рассекать и теснить толпу. Было много пострадавших от давки. После этого и запретили в Куйбышеве пиво продавать в розлив!

Помню, как в том самом кафе „Отдых” на плотине Куйбышевской ГЭС, один посетитель, тоже, видимо, приезжий, захотел пива. Получив сердитый отказ, попросил вина, но и вина не оказалось. — Что же у вас есть?! — спросил он раздраженно. — Водка есть! — последовал ответ официантки. Водка, видимо, подумал я, по мнению властей не способствует политическому хулиганству!

Между прочим, узнал я тогда от местных хозяйственных руководителей, что при строительстве плотины (в сталинские времена) вода однажды прорвала временную дамбу, и под ней тогда погибло около тысячи человек, заключенных, строивших Куйбышевскую ГЭС им. Ленина.

НОВОЧЕРКАССК

Выступление рабочих в этом городе, расположенном в Донбассе неподалеку от Ростова на Дону, было, очевидно, самым

крупным из всех и самым известным. Повод — повышение в стране вдвое цен на мясо и молочные продукты и одновременное понижение на 30% расценок за работу на электровозостроительном заводе Новочеркасска. Три дня город был фактически во власти рабочих. Железнодорожники, чтобы воспрепятствовать переброске войск в город, приварили к рельсам груженные товарные вагоны. Сообщение по одной из важнейших в стране магистралей — Москва — Ростов — было прервано почти на неделю. По многим версиям, начальник гарнизона покончил с собой, когда солдаты гарнизона не стали стрелять в рабочих. По другой версии, он покончил с собой как только получил приказ стрелять. „Умиrotворили” город „донские казаки”. О том, как это происходило, подробно написано в обращении группы правозащитников во главе с Сахаровым и Григоренко, выпущенном летом 1977 года в связи с 15-ой годовщиной Новочеркасских событий. Вот слегка сокращенный текст этого обращения, озаглавленный:

„ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ...

Проклятье и вечный позор.”

„По улицам Новочеркасска льется многолюдная демонстрация. Над колоннами красные знамена, портреты Ленина, транспаранты с мирными лозунгами. Внешне похоже на первомайскую манифестацию. Но это не она. Это народный протест.

Накануне Советское правительство вдвое повысило цены на мясные и молочные продукты. Одновременно на крупнейшем заводе города (электровозостроительном) были на 30% снижены расценки. И труженики не выдержали. Объявив забастовку, они вместе с семьями вышли на улицу.

На площади в центре города путь демонстрантам преградили пехота и танки. Длительная заминка. Затем затрещали автоматы. Стреляли в демонстрантов — в детей, женщин, мужчин. Сраженные *разрывными* пулями люди падали и умирали на мостовой — у подножия памятнику Ленина и вокруг него по всей огромной площади и на прилегающих улицах. Это произошло 20 лет назад — 2 июня 1962 года в стране, называющей себя *социалистической*.

И руководила подавлением этого выступления трудящихся группа членов ЦК Коммунистической партии Советского Союза во главе с двумя членами Политбюро — Фролом Козловым и

Анастасом Микояном. Непосредственное руководство расстрелом было возложено на командующего Северо-Кавказским военным округом генерала Плиева и первого секретаря Ростовского обкома КПСС Басова. И они „блестяще” справились с этой задачей.

Когда на площади произошла заминка — а она была вызвана тем, что солдаты местного гарнизона отказались стрелять в безоружных людей, — генерал Плиев быстро подменил их солдатами нерусских национальностей из других частей округа. И те выполнили поставленную им задачу. После того, как они совершили свое черное дело, их тоже сменили. К чему рассматривать убитых и искалеченных тобою безоружных мирных людей! К тому же, прибывшей смене патронов с разрывными пулями предусмотрительно не дали, что позволило впоследствии утверждать, будто убийства на улицах города совершены вражескими агентами, поскольку у Советской Армии патронов с разрывными пулями на вооружении нет.

„ПРАВДА”, да и ни одна другая из советских газет, словом не обмолвилась о Новочеркасских событиях. А власти приняли меры, чтобы не выпустить сведений об этом из города и погасить толки внутри него. Новочеркасск оцепили войсками. Ни в город, ни из него никого не пропускали. В городе шли повальные обыски и аресты. Отбирались поголовные подписки о неразглашении. Трупы и раненых убрали. И ничего до сих пор не известно ни о тех, ни о других.. Семьи убитых и раненых выселены в отдаленные местности. Проведена серия судебных процессов. Два из них „открытые” (вход по пропускам!). На одном из этих процессов судили 9 мужчин (всех приговорили к смертной казни) и двух женщин (к 15 годам каждую).

И сейчас еще нет точных данных о количестве погибших. Только на площади осталось 70—80 трупов. Сколько умерло или добито раненых, сколько расстреляно по суду, продолжает оставаться тайной.

Жертвы эти нельзя ни забыть, ни простить!

Мы призываем объявить 2 июня днем памяти жертв произвола, днем борьбы против кровавого террора властей.”

Это обращение подписали: В.Бахмин, Е.Боннер, Т.Великанова, З.Григоренко, П.Григоренко, К.Грауцкас, А.Лавут, М.Ланда,

О.Лукаускайте, Н.Мейман, О.Мешко, Ю.Мнюх, А.Полищук, В.Пяткус, А.Сахаров, Ф.Серебров, В.Слепак, В.Турчин, Э.Финкельштейн, Т.Ходорович.

Здесь необходимо отметить одно чрезвычайно характерное обстоятельство. В СССР никогда не применялись против массовых демонстраций какие-либо иные средства, кроме пуль и танков. Никто в СССР никогда не видел грузовиков с водометами, оружия для слезоточивого газа или резиновых пуль. Возможно они и не производятся. „Рабочее государство” предпочитает физически уничтожать своих недовольных трудящихся.

Живя в Советском Союзе, время от времени натыкаешься на какие-то факты, которые неожиданно открывают перед тобой всю глубину человеконенавистничества, имманентно присущего режиму. К таким фактам относится, например, применение психиатрии против диссидентов и, вот, пуль и танков против мирных демонстраций. Вдумаемся, что стоит за этим последним феноменом. Тут и поощряющее отсутствие гласности, и азиатское пренебрежение к человеческой жизни, и сталинский оскал послесталинского руководства. Физически уничтожая недовольных, Сталин исходил из принципа, что лучше уничтожить любое число невинных людей, нежели упустить одного виновного, т.е. недовольного. Действовать таким способом в обычное время современные вожди уже не могут. Но когда люди выходят на демонстрацию, власти перестают церемониться.

Сбить человека водой, газом, резиновой пулей, дубинкой, чтобы он потом поднялся, ушел живым, обозленным, и продолжал сеять смуту, и чтобы остальные не боялись вновь выйти на демонстрацию, — этого власти допустить не могут. Они готовы бить рабочих разрывными пулями и давить детей танками, как то было при разгоне молодежной демонстрации в Тбилиси 56 году, лишь бы не допустить возникновения цепной реакции бунта. Ведь случись такое, властям в Москве не придут на помощь „братские” танки извне, а свои могут дрогнуть.

ВЛАДИВОСТОК

В этом городе произошло в те годы событие чрезвычайное — восстание на флагманском крейсере Тихоокеанского флота. Формально оно не относится к категории рабочих выступлений, но важно для понимания психологических причин всей волны возмущений в начале 60-х годов, и, кроме того, следует иметь в виду, что рядовой состав военного флота в СССР формируется главным образом из рабочей молодежи.

Дело началось с того, что командир крейсера запретил показывать матросам привезенный на корабль *советский* фильм, посчитав его идеологически порочным. Командование в Советской армии имеет право на дополнительную цензуру произведений литературы и искусства перед их распространением в армии. В частности, в 60-е годы в армии была запрещена подписка на журналы „Новый мир” и „Юность”, которые в те времена рассматривались политуправлением армии как идеологически опасные.

Когда на крейсере стало известно о запрещении кинокартины, несколько матросов пошло к командиру просить об отмене этого запрета. По уставу советской армии, существующему со сталинских времен, любое коллективное обращение может рассматриваться как бунт и, следовательно, виновные могут быть отданы под суд военного трибунала. И командир крейсера арестовал пришедших к нему матросов как бунтовщиков.

После этого уже большая группа матросов бросилась к командиру и стала требовать освобождения своих товарищей. Командир отдал приказ арестовать всю эту группу и при первом же признаке сопротивления приказал вооруженной охране крейсера стрелять. И крейсер восстал. Командир корабля и большинство офицеров были арестованы, часть офицеров присоединилась к матросам. Было принято решение прорываться в Японию и там просить политического убежища. По одной из версий восставший крейсер передал воззвание к экипажам других кораблей во Владивостоке, призывая их к солидарности и к протесту против произвола командования. Но экипажи других кораблей не поддержали восставших. Было, видимо, потеряно какое-то время, пока прини-

малось решение идти в Японию, и командование на кораблях и на берегу успело прийти в себя. Восставшему крейсеру был предъявлен ультиматум: либо капитуляция, либо крейсер будет атакован с моря, с воздуха и с берега. В случае капитуляции всем восставшим, разумеется, была обещана пощада. И крейсер капитулировал.

По слухам, часть матросов была расстреляна, а часть отправлена на урановые рудники, где и исчезла бесследно.

— Странные дела начали твориться, — сказал мне один молодой штурман торгового флота, от которого я впервые услышал об этом восстании. — Все, вроде, за Советскую власть, за социализм, а бунтуют то там, то тут?

В чем тут, действительно, дело? Попытаемся разобраться. Пришел XX съезд. Волна разоблачений сталинских зверств и уродств, как сверху, так еще больше снизу — от освобождавшихся заключенных, медленно распространялась по стране. Но через некоторое время вслед за ней стало распространяться и разочарование в послесталинском руководстве. Жульническая денежная реформа Хрущева в 60-ом году довершила это разочарование. В то же время отсутствие заметных политических репрессий способствовало некоторому уменьшению страха перед властями, кем-то воспринималось и как ослабление, одряхление власти. И начало устанавливаться к властям такое отношение: ладно, сидите там на своих теплых местах, пока у вас еще хватает силы их удержать, играйте в свою игру, в строительство коммунизма и т.д., *но не заигрывайтесь!* Не те времена. Хватит!

И когда власти, поощряемые хрущевской непоследовательностью, начали то там, то тут „заигрываться”, переступать границы незримого соглашения — будь то убийство людей в милиции, или наглое наступление на материальные интересы рабочих, или, вот, военный трибунал из-за какой-то кинокартины, — то люди этого уже не выдерживали.

Но, второй важный вопрос: почему схлынула волна рабочих выступлений, не вызвав цепной реакции, как, скажем, в Польше?

Укажем на две причины: необъятность страны и отсутствие информации. О волнениях в каком-либо месте слухи до других мест доходили с большим опозданием. И только слухи доходили, в которые всегда трудно полностью верить. Сравним, к примеру, с Ленским расстрелом в 1912 году, о котором вся страна узнала через один-два дня и прямо из газет: достоверно и с подробностями! Вряд ли и в Советской России все осталось бы по-прежнему, если бы и советские газеты стали хоть как-то сообщать в тот период об одном возмущении рабочих за другим, и о том, как их подавляли!

И думая об этом, вдруг вспоминаешь, что тогда — в начале 60-х — не существовало и зарубежной радиоинформации о внутрисоветских событиях! Почему? Да потому, что еще не существовало тогда правозащитного движения в среде интеллигенции. И не существовало, стало быть, нынешней информационной цепочки: диссиденты — иностранные корреспонденты — „радиоголоса“. Не говоря уже об отсутствии других возможных и важных формах поддержки рабочих со стороны диссидентов из интеллигенции.

Таким образом, мы приходим к неожиданному открытию, что столь третируемый многими диссидентами за свою пассивность „простой народ“ (т.е., главным образом, рабочие) в Советском Союзе пытался подняться *раньше* интеллигенции. (Заметное правозащитное движение началось с 1965 года, с процесса над Синявским и Даниэлем.) Но на это обстоятельство никто не обратил внимания, волна рабочих выступлений осталась незамеченной и не помешала появлению потом многочисленных заявлений в Самиздате о холопской пассивности советских рабочих и т.п. Сейчас правозащитное движение начало обращать внимание на рабочий вопрос лишь в результате нового пробуждения рабочих плюс польский пример.

Однако, вернемся к началу 60-х годов. Наткнувшись (в условиях безгласности) на жестокую реакцию властей, выступления рабочих, естественно, прекратились. Они оказали минимальное, близкое к нулю влияние на атмосферу в стране, а на самих рабочих произвели, пожалуй, даже негативный, деморализующий эффект.

Я неоднократно наталкивался среди рабочих на высказывания такого рода, что в случае серьезном власти не преминут воспользоваться силой, *как то было в Новочеркасске*". Среди рабочих о волне возмущений в начале 60-х знают и помнят лучше, чем в среде интеллигенции. Но память эта служит тормозом. Терпеть поражение и погибать без какой-либо поддержки общества, без какого-либо отзвука, без смысла — память о подобном никогда еще никого не вдохновляла. И кто знает, может быть, в начале 60-х из-за пассивности интеллигенции была упущена (на какое время?!) возможность „польского развития” в Советском Союзе.

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЕ РАБОЧИЕ ПАССИВНЕЕ ПОЛЬСКИХ? *

Цель этой статьи — не оправдывать или обвинять советских рабочих, а попытаться разобраться.

Прежде всего отметим, что пассивность рабочих в СССР весьма относительная. Достоверно известно множество случаев забастовок, а также демонстраций и волнений. Особенно сильная волна забастовок и выступлений рабочих за свои права прошла по СССР в начале 60-х годов. Автор собрал сведения, в том числе и по Самиздату, что подобные выступления имели тогда место в 14 городах Советского Союза.

Последние крупные забастовки произошли 6-7 мая 1980 года на автозаводе в г.Тольятти и 8-9 мая на автозаводе в г.Горьком. Они закончились удовлетворением требований рабочих (улучшение снабжения в городе и ряд других) и обещанием не применять ни к

---

* Опубликовано: ж-л „22” — Израиль, №- 17 — 81; «Chronique des petites gens d'URSS” — Париж, 1981 — сборник докладов участников конференции „Положение трудящихся в СССР” (Марсель, ноябрь 80 г.); „Листы” — Италия, №- 10, 81 г.; еженедельник „Новый Американец” — США, №- 103, 82.

кому репрессий. Пока нет сведений, чтобы это обещание было бы нарушено. 1-2 октября 80г. успешная двухдневная забастовка имела место на тракторно-ремонтном заводе в Тарту, Эстония. Кроме того, в 78-79 годах в СССР были, как известно, предприняты попытки создания независимых профсоюзных ассоциаций: „Свободного профсоюза трудящихся” — по инициативе донецкого шахтера Клебанова и СМОТа (Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся). Обе попытки вызвали жесткие репрессии властей с применением психушек. Клебановский профсоюз был разгромлен властями и КГБ. СМОТ, видимо, еще держится.

Наконец, в последние годы стало известно много случаев индивидуального выступления рабочих с публичной — в Самиздате — критикой порядков в стране. Поступают сведения и о том, что много неизвестных никому рабочих содержится в психиатрических тюрьмах за их индивидуальные диссидентские выступления. По подсчетам московской группы „Хельсинки” (документ №- 100), с августа 78 по август 79 из 107 лиц, арестованных по политическим обвинениям — 49 рабочие. Для сравнения: из 700 человек, проявивших какую-либо диссидентскую активность до 68 года, было лишь 6% рабочих.

Но при всем при том ясно, что по активности в отстаивании своих прав и интересов никакого сравнения советских рабочих с польскими быть не может. И это отставание советских рабочих предстанет еще более тревожным, если учесть, что их положение по всем составляющим хуже, чем у польских рабочих! В том числе и по мясу, потребление которого в СССР (на душу населения) примерно в полтора раза меньше, чем то было в Польше перед началом последних забастовок (в июле 80 г.).

Сейчас в советской диссидентской среде, особенно в эмиграции, распространен мистический взгляд на национальную природу русского народа, с объяснением на этой основе его прошлого и настоящего. Но мне чуждо представление об исключительности русской нации. Одинаково чужд подход и так называемых „русофилов”, и „русофобов”. В сущности, и те и другие утверждают исключительность русской нации. Первые видят ее потенциальным спасителем мира от скверны коммунизма и безбожия, включая сюда и „смердящую западную демократию”. „Да грядет русский

Бог во спасение миру!” — (В.Осипов „Земля”, №- 2, Самиздат). Вторые — носителем и вместилищем извечного рабства, определившим появление большевизма и сталинизма. Или в духе Чаадаева видят миссию (опять же — миссию!) русского народа — служить примером для всех, как *не надо* жить.

Да, русский народ отстал в развитии к демократии от западноевропейских народов, от Северной Америки, Австралии, Японии, но не так давно и многие из этих народов и стран „отставали”!

До сталинских времен поведение русского рабочего класса было вполне адекватным его положению и легко объяснимым. Едва народившись, пролетариат в России уже начал обычную для себя борьбу за свои интересы и права. Никакое, тогда совсем еще недавнее, рабское прошлое не мешало выходцам из крепостной деревни — к тому же неграмотным или малограмотным — участвовать в массовом забастовочном движении, создавать нелегальные профсоюзы, кассы взаимопомощи. Во время двухмесячной забастовки в Иваново-Вознесенске летом 1905 года был создан первый в истории Совет Рабочих Депутатов (или уполномоченных, как тогда говорили) — новая форма демократии. То есть был совершен творческий акт.

Вполне адекватной времени и условиям была и реакция рабочих России на империалистическую войну с Японией 1904—05 года.

Столь же адекватна была их реакция на участие России в первой империалистической войне и на нежелание или неспособность Временного правительства вывести страну из этой войны, провести земельную реформу, а также установить контроль над промышленниками.

Любителям идеализировать старину нужно подумать, многим ли отличались в принципе окопы трехлетней мировой войны, в которые царские власти загнали более 10 млн. человек, от последующего „Архипелага ГУЛага”? Не надо забывать и того, что Белые, двинувшись на большевиков с программой полной реставрации прошлого, тоже толкали народ к большевикам, присвоившим себе к тому же эсеровскую земельную программу.

Адекватно было поведение рабочего класса и его представителей в партии и после гражданской войны, когда стали проявляться тоталитарные и госкапиталистические черты нового

строю. Это, например, Кронштадтское восстание, рабочая оппозиция в партии и массовый выход рабочих из партии, это — многочисленные забастовки во времена НЭПа.

В том, что победила все-таки тоталитарная тенденция, тоже нет ничего мистического. Для этого достаточно вспомнить о смертельной усталости народа после двух войн (мировой — 3 года и гражданской — столько же) и двух революций. Вспомнить, что масса активных людей полегла в этих войнах и революциях, что более всех был прорежен и разметан именно рабочий класс и до того относительно малочисленный — менее 5% населения. Ну и конечно, приплюсовать сюда надо и отсутствие демократических навыков и традиций, и просто малограмотность народа и рабочих. В этих условиях приходится удивляться скорее тому, что тоталитаризму все-таки было оказано заметное сопротивление.

Объяснимо поведение рабочего класса и в сталинские времена. Гнет и террор достигли невиданной силы. К тому же рабочий класс в результате форсированной индустриализации был на 80—90% разбавлен крестьянами.

И вот, лишь в послесталинские времена — и чем дальше, тем больше — становится явно неадекватной реакция советских рабочих на свое положение и положение в стране вообще.

Попробуем разобраться, в чем тут может быть дело.

Начнем с причин объективных, лежащих *вне рабочего класса*. *Первая из них*. В СССР машина угнетения значительно более мощная, чем в странах Восточной Европы, и в Польше в частности. Мощность подавления и большая жестокость объясняются и тем, что сохранность всей советской империи, от ГДР до Сахалина, зависит от благополучия властей СССР. И им в случае массового возмущения в стране никто извне не поможет! Равно власти в СССР лишены и возможности пугать свой народ „братской помощью”, как то делают польские власти, чтобы удержать поляков в границах. Властям СССР остается лишь жестоко давить массовое рабочее движение в зародыше, не рискуя играть в либерализм. Отсюда „психушки” для лидеров рабочего движения и танки с разрывными пулями для рабочих демонстраций. В сочетании, конечно, с пряником: удовлетворением требований отдельных крупных и дружных рабочих коллективов, дисциплинированно проводящих забастовки. Лишь бы не возникла цепная реакция!

Репрессивная мощь советского государства усиливается и возможностью использовать людей разных национальностей для перекрестного подавления массовых волнений. Русские воинские части подавляют волнения в нерусских краях, и наоборот. В Новочеркасске русские части отказались стрелять в рабочую демонстрацию, командир покончил с собой. Подавляли там рабочих войска из Дивизии Особого Назначения — ДОН. (Уже получивших в народе прозвище ДОНских казаков!) Рядовой состав этих войск — малообразованные рекруты из мусульманских, среднеазиатских или кавказских народов. У польских властей таких возможностей нет! Как видим, многонациональность и межнациональные антагонизмы — факторы в *тоталитарных* условиях не разрушающие, а *укрепляющие* империю (по крайней мере, в мирное время).

Вторая объективная причина — отечественное происхождение режима. Он не навязан и не поддерживается извне, власти не являются ставленниками оккупантов.

В Польше национализм — реакция на советское угнетение — является фактором, *укрепляющим солидарность рабочих*, помогающим им находить общий язык между собой и даже с некоторыми представителями властей. Усердствующий чиновник воспринимается там как коллаборант, и многие чиновники искренне или на всякий случай потворствуют диссидентству.

Чтобы понять значение этого фактора, надо представить себе, что под Москвой стоят не русско-советские войска и „ДОНские казаки” под русскими офицерами, а, скажем, китайские войска, и не Ленин на своем броневике, а Мао на танке ввез в Россию тоталитарный социализм!

В СССР рабочий класс теперь везде многонационален и перемешан. Особенно в РСФСР, где наиболее сильно развивается промышленность и куда рабочие кадры стягиваются из всех республик. И национальные моменты, национализмы лишь *ослабляют его солидарность*. Более всего, разумеется, ослабляет русский национализм, как национализм народа, находящегося в положении угнетателя. Национализм в этом случае везде и всегда принимает характер шовинизма и провоцирует антирусские настроения в нерусских краях и республиках.

Третья объективная причина видится в колоссальных пространствах России и СССР. Несвободе очень вольготно живется на больших просторах! В условиях цензурируемой прессы, о событиях, например, в Новочеркасске люди в Москве стали узнавать лишь через несколько недель, а о восстании на флагманском крейсере во Владивостоке (также в начале 60-х годов) многие в центре вообще не узнали. Кроме того, сведения, доходящие в виде слухов, не вызывают и полного доверия. Даже если эти „слухи” ретранслируются западными радиостанциями.

Здесь пора отметить, что оценивая действие всех упоминаемых факторов, мы не должны забывать, что они усиливают друг друга. Говоря и думая об одном из факторов, мы должны все время видеть все факторы в совокупности и взаимодействии, должны интегрировать их. Мощный и жестокий аппарат подавления, отечественное происхождение режима, плюс отсутствие национальной солидарности и межнациональные антагонизмы, плюс огромные пространства страны — все это в совокупности и способствует консервации тоталитаризма в СССР, и во многом объясняет, на мой взгляд, относительную пассивность советского рабочего класса.

Четвертый и последний объективный фактор — это отсутствие серьезной поддержки со стороны других слоев советского общества.

Такой „польский” фактор, как церковь, независимая и влиятельная, вообще отсутствует в СССР. Исключение составляет лишь маленькая Литва. Что же касается интеллигенции, то диссидентское движение в ее среде прежде всего значительно малочисленнее, чем то имеет место в Польше. Причин этому здесь свой ряд, в который входят и многолетний сталинский террор, косивший лучшие головы среди интеллигенции целыми пластами, и, увы, сильнейшее моральное разложение, а следовательно и интеллектуальное вырождение, захватившее широкие слои интеллигенции, более всего гуманитарной. Ложь сильнее деморализует не тех, кто ее вынужден потреблять, а тех, кто ее производит, пускай тоже вынужденно. А главный производитель лжи — гуманитарная интеллигенция. Не случайно она дает и самую малую — в отличие от всех других стран — долю диссидентов. (По подсчетам А.Амальрика — около 22%). Приблизительно две трети диссидентов выходят из интеллигенции технической.

В довершение ко всему диссиденты из интеллигенции часто настроены очень элитарно и эгоцентрично по отношению к другим слоям общества, включая рабочих*. Дело порой доходит до настоящего сословного шовинизма. Все это — патологическая реакция на народничество и большевизм старой интеллигенции.

Есть часто у интеллигентов и явный страх перед рабочими. Убеждение, что случись что, и они будут лишь грабить, жечь и убивать. Тот факт, что было уже много массовых выступлений рабочих, и они обходились без насилия и вандализма, эти интеллигенты не хотят принимать во внимание. Некоторые из них испытывают и страх, что рабочие вновь потянут дело к какому-нибудь новому социализму, демократическому, а ведь социализма демократического быть не может, потому что не может быть никогда. До сих пор ведь нет нигде!

Между прочим, о рабочих интеллигенты часто судят по деклассированным, деморализованным и до предела алкоголизированным людям из сферы обслуживания, или „обжуливания”, как ее называют. В СССР, в условиях государственного капитализма в экономике эта сфера обречена на массовую коррупцию и преступность.

И вот, в результате всего этого рождается такая поразительная фраза в обращении к польским рабочим группы ведущих советских диссидентов во главе с Сахаровым: „Ваша борьба *восстанавливает* честь рабочего класса”. Польского или вообще мирового или, может быть, русского? Я убежден лишь в том, что А.Сахаров не был автором этого обращения, и дал согласие на подпись заочно, из Горького. Ему органически чужд любой шовинизм, как национальный, так и классовый. Прочитав фразу о восстановлении чести, я вспомнил высказывание одного литератора из нашей новой эмиграции: „...рабочие — всегда опора коммунизма или фашизма, и их в будущей России надо загнать вниз, на галеры! Дать им туда телевизоры и прочие блага, но держать их на галерах!”

Если считать, что рабочие везде и всегда были опорой коммунизма или фашизма, то тогда польские рабочие, конечно

* Все это не относится к интеллигенции заводской, которая в СССР, как нигде, близка к рабочим по своим интересам и характеру. Но она не может выполнять функцию гуманитарной интеллигенции.

же, восстанавливают честь рабочего класса. (Но я не могу в ответ быть таким же щедрым и сказать, что польская интеллигенция восстанавливает честь класса интеллигентов, особенно советских!)

Разумеется, польские события и проявление зачатков рабочего движения в СССР сдвинули многих советских диссидентов-интеллигентов в сторону рабочих, но до польских степеней сотрудничества и взаимоуважения — еще как до луны! А ведь не рабочие интеллигенцию, а интеллигенция должна рабочих сдвигать и подталкивать.

Подытожу. Если представить себе диссидентскую активность советской интеллигенции в виде вектора, то окажется, что он не направлен в сторону рабочих и очень мал по модулю.

Диссидентская активность советской интеллигенции уступает активности польской интеллигенции, по крайней мере, не меньше, чем советские рабочие уступают в активности польским.

Ну, а теперь мы должны отметить *субъективные факторы* пассивности. Факторы, которые я буду далее приводить, существуют и в Польше, но надо иметь в виду значительно более короткий срок их существования там и меньшую интенсивность по сравнению с СССР.

Рабочие при тоталитарном социализме, не имея возможности защищать себя обычными для рабочих коллективными методами (профсоюзы, забастовки и т.д.) вынуждены, чтобы как-то улучшить свое положение, действовать главным образом индивидуально: либо выслуживаться перед начальством в качестве „передовика труда”, а попросту — штрейкбрехера (что, надо отдать должное, наименее популярный способ), либо воруя, вынося с фабрики все, что можно вынести и продать*, или выполняя „левую” работу, т.е. на неофициального заказчика и на продажу. Широко распространены и методы „полузабастовок” маленьких групп рабочих, когда они начинают делать вид, что работают, или находят (или создают!) уважительные причины, чтобы сидеть

---

* Воровство, „выносительство”, приняло столь широкие масштабы, что власти, испытывая острый дефицит рабочей силы, вынуждены были Указом Верховного Совета СССР от 13.12.77 г. отменить уголовное преследование за кражи на заводах на сумму не выше 50 рублей, постановив в этих случаях применять административные наказания и штрафы.

сложив руки до тех пор, пока начальство с помощью приписок к отчетности о фиктивно выполненной работе не повысит им сумму очередной зарплаты или премиальных.

Все эти методы, разумеется, чреватые деморализацией и создают атмосферу круговой поруки между начальством и рабочими. Начальство смотрит сквозь пальцы на воровство и махинации рабочего лишь до тех пор, пока он ведет себя лояльно. Таким коррумпированным рабочим очень рискованно подниматься на какое-либо диссидентство, а если они и решаются, то тут же „сгорают” по уголовным статьям. Среди таких рабочих больше всего и сильнее всего процветает и пьянство. Некоторые инфантильные диссиденты из интеллигенции видят в рабочей коррупции борьбу с режимом, но это, конечно, никакая не борьба, а скорее капитуляция, отказ от настоящей борьбы и путь на дно общества.

Насколько сильно влияет этот фактор на общую пассивность советских рабочих, иными словами, какая доля рабочих вовлечена в коррупцию, сказать никто не может из-за отсутствия настоящей социологии в СССР.

Как никто не может сказать, насколько влияет и другой субъективный фактор пассивности — пьянство. Есть интеллигенты и диссиденты, которые убеждены, что пьянствуют и являются полными алкоголиками почти все рабочие. Это, конечно же, чепуха. Тревожнее вопрос — как широко и глубоко уже повреждено потомство рабочих-алкоголиков за долгие годы советского безвременья?

Дай бог, чтобы решающими факторами, определяющими относительную пассивность советских рабочих, оказались внешние, объективные факторы, а не эти — последние, внутренние, могущие стать необратимыми.

Во всяком случае, чем дольше будет удерживаться тоталитаризм в СССР, тем больше будет и опасность необратимой деморализации и алкогольной дегенерации большинства рабочих.

Вот на такие мрачные мысли наводит сравнение польских рабочих с советскими. А этот вывод в свою очередь напоминает, что существующий в СССР режим в совокупности с его военной и атомно-ракетной мощью может оказаться апокалиптическим для человечества.

РУССКИЙ ОППОЗИЦИОННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ — ОТКУДА ОН? *

Мир обратил внимание на оппозиционный русский национализм лишь после появления националистической публицистики Солженицына. Однако, национализм этот проявился значительно раньше, в середине 60-х годов. Небольшие националистические группы и их деятельность находились тогда в тени демократического, правозащитного движения. Освещенные и согретые неожиданной поддержкой Солженицына, русские националисты активизировались и вышли на авансцену. Вокруг Солженицына сложилась особая, элитарная группа националистов, представленная в сборнике „Из-под глыб”.

С националистических знамен сняли камуфляжные демократические чехлы и многие эмигрантские группы. Журнал „Часовой” (Брюссель) поспешил заявить устами нового эмигранта националиста Удодова, что националистическое, или как его еще на-

---

* Опубликовано в журналах „Сучасность” — США, № 7—8, 78 г. и „Partisan Review” — США, № 1, 80 г.

зывает Удодов — „народномонархическое движение”, нисколько не слабее шумно разрекламированного на Западе „демократического” (кавычки Удодова), которое, добавляет в этом же номере журнала (№- 1 — 76) его редактор В.Орехов: „взлелеено за границей с помощью иностранного капитала и существует исключительно в еврейских кругах”.

Оппозиционный русский национализм (в СССР) сразу же заявил себя сторонником великой России, противником демократии и западной цивилизации, ну и конечно социализма, „привнесенного” с Запада (разумеется, евреями!)

Вот выдержки из программных работ и заявлений наиболее известных националистических групп.

Группа Фетисова-Антонова, „Слово нации”: „Демократические институты не несут с собой исцеления, скорее наоборот — усугубляют болезнь. Поэтому для нас не столько важна победа демократии над диктатурой, сколько идейная переориентация диктатуры, своего рода идеологическая революция...

...Античный мир погиб в хаосе вследствие распространения космополитических идей. Мы же стремимся к возрождению национального чувства в перемешивающемся мире, к тому, чтобы каждый осознал свою личную ответственность перед нацией и перед расой...

...Беспорядочной гибридизации должен быть положен конец”. (Цитируется по ж-лу „Посев”, №- 5—72 г. Орган НТС)..„В работах Фетисова, — писала „Хроника”, — историческое развитие человечества изображалось как борьба порядка и хаоса, причем хаос воплощался в еврейском народе, две тысячи лет наводившем в Европе беспорядок, пока на пути этого хаоса не встали германское и славянское начала: тоталитарные режимы Гитлера и Сталина.” (Аннотация в „Хронике текущих событий”, №- 7).

Из обращения трех религиозных националистов, в том числе известного в оппозиционных кругах иеродиакона Варсонофия (цитируется по „Вече” №- 3): „Нельзя молчать, когда общеочевидной стала чрезвычайно возросшая опасность со стороны организованных сил широкого сионизма и сатанизма... Многие из этих богохульников и разрушителей наших национальных, культурных и духовных ценностей нашли себе сейчас приют в сионистских центрах стран Запада, прежде всего в США, где функционирует

церковь Сатаны, пользующаяся привилегиями „религиозного” учреждения... Ныне общеочевидной истиной стал факт, что мировой сионизм ведет коварную борьбу и против нашего государства извне и изнутри.”

Игорь Шафаревич („Из-под глыб”, стр. 101, 112—113): „Национальный сепаратизм выступал как разрушающая старую империю сила и стимулировался пустотой, которая создавалась в душах уничтожением чувства общеимперского единства, высокой объединяющей цели.”

В.Максимов (из интервью ж-лу „Сучасность”, апрель 75 г.): „Мы, русские, можем предъявить большие претензии украинскому народу, потому что в большинстве своем Центральный Комитет, наше правительство, подчеркиваю, в большинстве — слагается из людей украинского происхождения.”

А.Солженицын („Из-под глыб”, стр. 27): „Государственная система, существующая у нас, не тем страшна, что она недемократична, авторитарна — в таких условиях человек еще может жить без вреда для своей духовной сущности.”

„Татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды.” (там же, стр. 141).

Думаю, что этого достаточно. Национализм в народе, национально никем не угнетаемом, да еще находящемся в положении угнетателя, абсурден и не может реализоваться иначе как шовинизм и черносотенство.

На появление русского оппозиционного национализма остро реагировали, конечно, и диссиденты национальных меньшинств и республик СССР. И главным образом, увы, усилением антирусских настроений.

Причем, если умеренные, демократические националисты нерусских народов СССР встретили русский шовинизм с великой досадой и смятением, то радикальные — злорадно: „Мы же всегда говорили, что горбатого только могила исправит!”

Солженицын и Шафаревич с тревогой предупреждают о „десятибальном” накале национальных страстей в стране, что, мол, может кончиться кровью. И они правы. Но после того, как они начали раздувать огонь русского национализма, накал этот поднялся еще выше.

И поэтому полезно, думается, спокойно разобраться, какую

почву под собой имеет оппозиционный национализм в русском обществе и каковы причины его зарождения.

Прежде всего хочу оговориться. Из-за отсутствия элементарных демократических свобод в СССР, в том числе, и свободы социологических исследований, все суждения об обществе и людях СССР могут быть только приблизительными, рассудит тут история. До той же поры на вопрос, сидит ли шовинизм в русском народе, я позволю себе ответить вопросом: *в каком русском народе?*

На основании своего жизненного опыта* я пришел к убеждению, что сейчас существует ТРИ русских народа, весьма различающихся по своей социальной психологии.

Первый такой народ — крестьянство, которое составляет сейчас примерно 20% русского населения СССР и продолжает быстро уменьшаться за счет ухода колхозников в города и индустриализации сельского хозяйства. Крестьянство я знаю плохо, однако ясно, что не от деревни будет зависеть социально-политическое будущее России и СССР.

Второй народ — это, на мой взгляд, люди из сферы обслуживания, торговли, ремесел, мелкие служащие, включая и рабочих сферы обслуживания.

Третий народ — рабочие, техники, инженеры и служащие промышленности. Удельный вес — около 50% без учета рабочих, занятых в сфере обслуживания и сельского хозяйства. Слой этот растет, хотя рост его в целом должен, видимо, замедлиться. Но будет продолжаться и ускоряться рост инженерной группы.**

---

* 5 лет преподавания в школах рабочей молодежи, около 10 лет работы журналистом по промышленности и науке, два года — в социологической лаборатории Новосибирского Университета. Плюс общий жизненный опыт.

** Кроме этих трех слоев, я вижу в современном советском обществе еще три слоя: партократию, гуманитарную интеллигенцию и научно-техническую, в которую входят ученые и инженеры, находящиеся вне промышленности. Эти три слоя к народу, в традиционном понимании, уже отнести нельзя.

Охарактеризую вкратце два последних „народа”.

Самым важным из них без сомнения является „заводской народ” — инженерно-рабочий слой. По-моему, этот слой в СССР как нигде монолитен. Результат специфических советских условий и относительно долгого их существования.

Важнейшим элементом мировоззрения людей этого слоя мне представляется все большее понимание того обстоятельства, что авторитарный порядок — порядка принести не может! А в порядке заводские люди заинтересованы как никто. От него зависит их материальное благосостояние, моральная удовлетворенность работой, здоровье. Поэтому очень ошибается Андрей Амальрик, когда он и инженерно-рабочему слою адресует свои хлесткие слова („Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?”), что „для русского народа свобода ассоциируется с анархией”. Анархия для заводских инженеров и рабочих уже прочно ассоциируется с **НЕСВОБОДОЙ!** И давно стоит им поперек горла.

Все более ясно осознают они, что только демократия сможет принести им действительный и справедливый **ПОРЯДОК**. И в моральном отношении также заводской народ представляется мне сегодня менее всего пострадавшим от тоталитаризма. И не только мне. Я всегда ссылаюсь и сейчас вновь сошлюсь на мнение Надежды Мандельштам, которая хорошо знала заводскую среду: сама работала на фабриках ткачихой после ареста ее мужа. С большой теплотой вспоминает она об окружавших ее там людях. Она пишет: „На производстве люди живут своей жизнью и остаются людьми... живут своей особой, вполне человеческой жизнью, которая их вовсе не механизмирует, не делает „массой”. („Воспоминания”, стр. 276).

„Особенность” этой жизни заключается в том, что в ней нет места острой конкуренции и есть необходимость солидарности.

А теперь о главном для нас сейчас вопросе: об отношении к национальным проблемам в заводской среде. Я буду говорить о „заводском народе” в РСФСР, который лучше знаю.

В рабочих коллективах можно встретить людей самых разных национальностей — результат форсированной индустриализации и тяжелой войны, принудительной и полудобровольной миграции населения в многонациональной стране-империи.

Люди различных национальностей не держатся изолированно

— перемешиваются, пережеиваются, учиняют одним словом „беспорядочную гибридизацию”. По известным мне выборочным данным, уже около половины семей в крупных промышленных центрах РСФСР „межнациональны”. И этот процесс перемешивания прогрессирует. Отсюда и крики националистов: „Положить конец беспорядочной гибридизации!” Трудно надеяться, чтобы человек, сам наполовину русский по происхождению, или имеющий смешанную семью, или детей полукровок, товарищей и друзей — людей различных национальностей, и давно ко всему этому проивыкший, вдруг начал бы бить себя в грудь: „Мы, русские! Россия для русских!” и тому подобное.

И серьезных национальных проблем в заводской среде нет. Я не только наблюдал это своими глазами, но и всегда расспрашивал „нацменов” на этот счет. Даже евреи, рабочие и инженеры, редко жалуются на антисемитизм „сбоку” и „снизу”.

Между прочим, об этом пишет и Надежда Мандельштам: „Насчет юдофобства я могу по своему опыту сказать, что в народе его нет. Оно всегда идет сверху. Я никогда не скрывала, что я еврейка, а во всех этих семьях — рабочих, крестьян,.. ко мне относились как к родной”. („Воспоминания”, стр. 362). Не надо, думаю, доказывать, что там где нет юдофобии, как правило, не бывает и всяких других национальных фобий. Во всяком случае среди русского народа в самой России.

Лишь среди самых темных заводских людей мне приходилось иногда встречать этакий примитивный шовинизм: русский человек, мол, шире, душевнее „других наций” и т.п., но все это в незлобной, неагрессивной форме.

Но если инженерно-рабочий слой, „заводской народ”, — сплошное Вавилонское столпотворение, то зато начальство высшее, самодуры и эксплуататоры, почти поголовно — чистые русаки!

Они не состоят в родстве с немецкими императорами, не являются обрусевшими выходцами из Европы, не служат иностранному капиталу и даже не говорят между собой по-французски, лишь хорошо владеют, по анекдоту, „основными двумя русскими

языками: административным и матерным!”* Поэтому втолковать русским рабочим, что они национально угнетены, боюсь, будет очень трудно.

Как же относятся в заводской среде к национальным проблемам в рамках и масштабе Советского Союза?

Об этом в заводской среде думают мало: не до того, да и информации не хватает. Это стоит где-то на дальнем плане. Существует, конечно, привычка к большой стране, но существует одновременно и распространяется понимание, что это и беда большая: Россия велика и обильна, можно все портить и разбазаривать! И крепнет сознание, что рано или поздно последней империи в мире придет конец, что это всем пойдет на пользу и, прежде всего, России. Я часто слышал: „Все нас не любят или ненавидят. Зачем это нам? Пусть живут как хотят! Россия и без того страна большая и богатая”.

Миф о том, что русские живут беднее всех в СССР, в заводской среде мало популярен, ибо жизненный уровень рабочих в РСФСР в целом выше, чем в республиках. Особенно если о нем не судить только „от живота”, а учитывать и все остальные составляющие: жилищные условия и условия труда, сн. бжение, отдых, возможности для учебы, медицинское обслуживание и степень произвола властей. Общеизвестный в стране факт миграции рабочих преимущественно с национальной периферии в крупные промышленные центры РСФСР — а не наоборот! — красноречиво свидетельствует о том, где лучше условия для жизни и работы.

Конечно, рабочие знают, что деревня в России живет беднее, чем во многих других республиках. Но они знают также, что земля и климат в России, как правило, менее благоприятны для сельского хозяйства. Нерусские деревни в таких условиях влачат уж совсем нищенское существование.** Исключение во всем составляет Прибалтика, но кто не понимает причин!

* Утверждение В.Максимова, что большинство в ЦК и правительстве состоит из людей украинского происхождения, не соответствует действительности, даже если судить о национальности по происхождению. Более того, в последние годы украинцы (по происхождению) на ключевых постах заменяются русскими кадрами.

** Русские националисты, доказывая особую угнетенность русского народа ссылкой на бедственное положение русской деревни, „забывают”, что и при „национальном” царском режиме было то же самое с той лишь разницей, что тогда в деревнях жило более 80% русского населения, а сейчас — лишь 20%!

Короче, в заводской среде я не вижу никакой серьезной почвы для русского национализма, наоборот — вижу серьезную преграду для него. Не только из-за многонациональности заводской среды, но и из-за крайней озабоченности социальными и материальными вопросами, для решения которых националистам предлагать нечего.

Разумеется, если в случае какого-либо острого кризиса власти решатся повернуть на откровенно неонацистский путь, видя в нем последний шанс для себя, а инженерно-рабочий слой и интеллигенция не смогут воспрепятствовать этому, то в шовинистический угар, нагнетаемый пропагандой, может впасть и часть заводских людей, наиболее темная. Но активной роли они в этом случае играть никогда не будут.

Другое дело — *обслуживающий слой*. В советских условиях он оказывается более разобщенным и деморализованным, чем где-либо и когда-либо. Здесь под советскими условиями я имею в виду не только тоталитаризм, лишаящий людей возможности какого-либо единения (инженерно-рабочий слой объединяют условия труда), но и государственный капитализм, при котором сектор обслуживания и торговли находится в самом ужасном положении как в материальном, так и моральном отношении. Тут и необходимость воровства, и тяжелейшие условия труда, и неуважение к труду обслуживания в обществе (в стране, где „любой труд почетен“!), и еще многое другое. Деморализующее влияние оказывают и привилегированные клиенты, большинство из которых представляют собой лакеев — по моральному облику. А что может быть хуже, чем быть лакеем у лакеев!

В результате большая часть людей здесь в одно и то же время забита и агрессивна. Среди них широко распространены всевозможные фобии: к инородцам, иностранцам, интеллигентам, студентам, к автомобилистам, туристам и друг к другу. Раздражение от тяжелой жизни расплзается в стороны и развивается мизантропия. Распространена в этом слое также и ностальгия по сильной сталинской власти, в которой многие здесь видят защиту от произвола маленьких тиранов местного значения.

Из-за существования этого слоя и вызывает тревогу русский национализм, который может тут найти благодатную почву для массовых всходов. Правда, лишь при условии, если в этом будут

заинтересованы и власти. Сам по себе обслуживающий слой настолько уж разобщен и деморализован, что, на мой взгляд, совершенно не способен к каким-либо самостоятельным, серьезным действиям.

Но как, почему и в какой среде возник оппозиционный русский национализм, если для его возникновения совершенно нет никаких реальных причин? Наоборот, слегка прикрытый официальный великорусский национализм, казалось бы, должен был вызвать отталкивающую реакцию у всех оппозиционно настроенных к режиму людей. И у большинства из них вызывает!

Указание на одну из причин дает нам время появления оппозиционного национализма, особенно время его наибольшего расцвета. Появление — начало 60-х годов, наибольший расцвет — после 68-го года.

Шестидесятые годы — время крушения иллюзий на возможность либерализации режима сверху, а период после 68-го года — время отчаяния, которое вошло в души мыслящих людей после того, как в Прагу вошли советские танки. Это также и время жестокого террора против демократического движения. Это, наконец, время эмиграции, которая есть признак и следствие отчаяния. Режим оказался более прочным и не столь уж одряхлевшим, чем это многим ранее казалось.

Но когда какая-либо социальная формация исчерпывает всякий объективный смысл своего существования, — в советском случае — способствовать индустриализации — однако продолжает существовать, то патологические явления в обществе делаются неизбежными. Возникновение русского оппозиционного национализма и представляется одним из таких явлений.

Думаю, что если бы продолжался процесс либерализации и демократизации, начавший вовлекать в себя после 20 съезда многих активных людей страны, в том числе и многих нынешних русских националистов, то никакого оппозиционного национализма не возникло бы и в помине. В рамках этого процесса совершилось бы раскрепощение и очищение русской культуры, за что тогда уже начала борьбу демократически настроенная интеллигенция. Начала эта интеллигенция, именно она, и борьбу против фальсификации русской истории, за сохранение лучших традиций, памятников старины и т.д.

Следующие указания на причины возникновения и исходную среду оппозиционного национализма мы можем увидеть в его мировоззрении и характерных качествах.

Мы видим тут: а) ненависть к интеллигенции, к „образованцам”. В самиздатских работах демократического направления также встречается немало критики в адрес советской интеллигенции, но критика эта не принимает характера фобии и не содержит обвинений в русофобии, в преклонении перед Западом и в еврейской инфильтрации.

б) Ностальгию по сильной, авторитарной власти, а то и открыто по сталинизму, по „сталинской демократии” (см. книги Шевцова, Семанова, Кочетова), по сталинской борьбе за „русские” традиции. „Сталин пресек антинациональный шабаш троцкистов” — Осипов („Площадь Маяковского”, „Грани” №- 80, 71 г.)

в) Низкий уровень культуры у большинства националистов.

г) Нелюбовь, а то и ненависть к демократии и непонимание ее сути. Или понимание, что демократия несовместима с Великой Россией! За неприязнью к демократии проглядывает и нардофобия. „Ленивым, нерешительным, трусливым, заболоченным и отживающим этносом” называет „Вече” современный русский народ. У Солженицына: „беснующиеся массы” и „Как же народу было сохраниться?” („Образованщина”), презрение к „советским людям” даже и „русской крови”. Но какой же тогда русский народ они любят? — спросим себя попутно. Очевидно, абстрактный, будущий, он же бывший (в их воображении), который был „духовно здоров” и т.п. „Тысячу лет жила Россия с авторитарным строем и к началу XX века весьма сохранила духовное здоровье народа,” — Солженицын („Письмо к вождям Советского Союза”).

Очень характерно, что у нерусского национализма нет презрительного отношения к своему, реально, сегодня существующему народу.

д) Наконец, у большинства русских националистов всегда просматривается юдофобия и ксенофобия.

Все эти черты указывают, что оппозиционные националисты либо прямо относятся к обслуживающему слою, либо ориентируются на него.

Далее, низкий уровень культуры большинства оппозиционных националистов говорит о их принадлежности к так называемой

полуинтеллигенции. Тоталитарный государственный капитализм в изобилии плодит полуинтеллигенцию, и она выходит главным образом из обслуживающего слоя. Сказывается тут с одной стороны некачественное, поспешное, почти принудительное „всеобщее” образование, необходимое для форсированной индустриализации и для нужд пропаганды, а с другой — жалкое положение сферы торговли и обслуживания, характерное для госкапитализма. В результате люди, которые по своим склонностям и способностям должны были бы пойти, скажем, в приказчики, предпочитают идти в писатели.

В последний раз сошлюсь на Надежду Мандельштам. Продолжу тот фрагмент из ее „Воспоминаний”, где речь шла об отсутствии национальных фобий в заводской среде. „В семьях рабочих, крестьян, мельчайших служащих, — пишет Н. Мандельштам, — я не слышала ничего похожего на то, чем запахло в высших учебных заведениях в послевоенный период, и, кстати, пахнет и сейчас. Самое страшное — это полуобразование, и в полуобразованной среде всегда найдется почва для фашизации, для низких форм национализма, и вообще для ненависти ко всякой интеллигенции. Анти-интеллигентские настроения страшнее и шире, чем примитивное юдофобство, и они все время дают себя знать во всех переполненных людьми учреждениях, где люди так яростно отстаивают свое право на невежество.” (Стр. 362)*

В этом коротком фрагменте, если всмотреться, содержатся почти все отправные точки излагаемой мною концепции.

Наконец, обратим особое внимание на пункт „б” — ностальгия по сильной власти, а то и прямо по Сталину и „сталинской демократии”. На мой взгляд, это ключевой пункт.

Что давало сталинское время полуинтеллигенции? Чем, вообще, хорошим отличалось это время? Да главным образом — высокими темпами индустриализации и развития государственного аппарата. Инициативные и честолюбивые люди изо всех слоев общества легко продвигались по иерархическим лестницам, включая и партийно-правительственную. Способствовали этому и сталинские массовые чистки. При необходимости, можно было помочь себе: расчистить путь вверх с помощью доноса! („сталинская демократия”).

* Н. Мандельштам работала в гуманитарных институтах и их имела в виду.

Но к тем же 60-м годам темпы экономического развития стали падать, еще раньше прекратились массовые чистки. На нижних ступенях иерархических лестниц и на подходе к ним начали скапливаться молодые кадры полуинтеллигенции. Труднее, чем прежде, стало им пробиваться и по партийным лестницам, еще труднее — в литературе, искусстве, науке. Занимавшие здесь „ключевые” посты интеллигенты не только не давали хода полуинтеллигенции, но и презрительно третировали ее. Тогда-то и стал подниматься ропот и начала вырабатываться программа для атаки!

Прежде всего, конечно, евреи виноваты: засели везде, и чужих, мол, не пускают! Значит, „организованные силы широкого сионизма”. И помогают им гнилые русские интеллигентки, опутанные евреями или продавшиеся им. Смотри „произведения” Шевцова, Кочетова и др. Характерно тут и объяснение по Солженицыну позиции Сахарова.* И все они преклоняются перед этой „растленной” западной демократией, да еще и атеисты, как правило. Трусливые же партийные бюрократы цацкаются с ними, с этими ревизионистами и сионистами! Сталина на них нет!

Вот программа оппозиционного русского национализма и готова. Знамя поднято. Разумеется, с самого начала не без попустительства и помощи КГБ и застрявших на высших ступенях партийной лестницы „ястребов”-карьеристов. (См. приложение.)

Потом под это знамя начнут стекаться люди и по другим причинам и мотивам: отчаявшиеся, мизантропы, „сексоты”, полууголовники. Последние по принципу, воспетому в магнитофонном самиздате: „Зачем мне считаться шпаной и бандитом, не лучше ль податься мне в антисемиты...” Примкнут к ним и просто пажоны в погоне за новой модой. Официальная идеология уже всем осточертела, не быть инакомыслом — все равно что записаться в идиоты, а так — ты и в оппозиции, и не в лагере!

К числу „примкнувших”, конечно, относится и Солженицын.

---

* „Эта горячность, (с которой, мол, Сахаров критикует его, Солженицына) несвойственная Сахарову, выразила горячность того слоя, который без гнева не может слышать слов „русское национальное возрождение...” Такова горячность — не лично Сахарова, но широкого слоя в образованном классе, чьим выразителем он невольно стал.” („Континент” № 2, стр. 359). Потом, в „Теленке” Солженицын уже назовет вещи своими именами и прямо напишет, что Сахарова опутали евреи, „чужие этой стране” и пекущиеся „как всегда только э своим”. („Бодался теленок с дубом”, стр. 403-404)

Механизм его примыкания должен был быть, вероятно, весьма сложным и оригинальным, как и сама его личность. Но каким бы ни был этот механизм, часто апокалипсическим представляется мне тот факт, что во главе великорусского оппозиционного национализма стоит не какой-либо мелкий человек, а большой писатель, автор „Архипелага"! Сравнение с Достоевским тут не должно успокаивать: Россия тогда не была тоталитарной термоядерной сверхдержавой и шла на подъем во всех сферах жизни, и кроме Достоевского, были еще и Толстой, и Герцен, и другие власти-тели дум.

Новая идеология, разумеется, начала вскоре отрываться от своей пуповины, самодовлеть, истинные мотивы стали вытесняться в подсознание.

Проследим бегло, как зарождалось и развивалось националистическое движение на практике.

1957 год. Хрущев, напуганный венгерскими событиями, кладет руль вправо. Литературные ремесленники-полуписатели во главе с „бешеной тройкой": В.Кочетов, Н.Грибачев, А.Сафронов, — решают, что пришло время для массовой расчистки литературной лестницы от ревизионистов и сионистов. То есть, от настоящих писателей.

Полуписатели объединяются и подписывают коллективный донос-обращение к верхам с требованием чистки. Копию доноса в виде серии статей Сафронова под названием „Во сне и наяву", содержащих проскрипционный список писателей, Кочетов печатает в „Литературной газете", где он тогда был главным редактором. Все поименованные в доносе ждут репрессий. для начала исключения из ССП. Но Хрущев спохватывается, останавливает кампанию, начатую опять же не без помощи кого-то сверху, и слегка дает доносчикам по рукам. Кочетова заставляют уйти из „Литературки" „по собственному желанию".* Обиженные доносчики, Кочетов, Шевцов и др., садятся писать свои знаменитые пасквилы, пропитанные ненавистью к захватившей „все" ключевые посты

---

* Инициаторы этого обращения-доноса завели в нем отдельный список „пособников" — тех, которые отказывались подписывать обращение. И внесли в него тогдашних редакторов „Правды" и „Известий"! Эта наглость, видимо, способствовала провалу начинания. Именно после этого раздался грозный звонок Кочетову из ЦК. и публикация статьи Сафронова была остановлена.

проевреенной, прозападной интеллигенции и возмущением против партийного руководства, не решающегося по-сталински расправиться с этими недобитыми врагами.

Так рождается полуоппозиционный русский национализм. „Полуоппозиционный, очевидно, потому, что участники этого „движения” находились уже на весьма высоких ступенях карьерных лестниц и им не хотелось слишком рисковать — слететь вниз.

Движение это захватывает журналы „Молодая гвардия”, „Наш современник”, концентрируется вокруг „Общества по охране памятников старины”, создает свой „Русский клуб”, получает поддержку от журналов „Огонек” (Сафронова) и „Октябрь” (Кочетова). И все это, конечно, не без помощи „национал-большевиков” в партийном руководстве.

Оппозиционные группы националистов на низах возникают позже, в середине 60-х годов. Люди из этих групп, не занимая никаких ступеней, более откровенны и радикальны, но и они постоянно заявляют о своей лояльности к властям, не посягают на авторитарную структуру режима, не поддерживают, атакуют демократическое движение. Главное свое отличие от верхней фракции полуоппозиционных националистов они видят в своей религиозности и считают поэтому свой национализм истинным; считают, что русский национализм не может быть отделен от православия, точнее, от панправославия. „По суху приходят к нам лже-пророки — и мы принимаем их. „Бог не есть Бог русских, но всего мира”, — говорят они... Но слова их — ложь. Бог живых не может быть Богом мертвому миру... Да грядет русский Бог во спасение миру!” (В.Осипов, предисловие к ж-лу „Земля”, Самиздат, №- 2, август 74 г.)

Характерная особенность оппозиционных националистов — их малочисленность. Документы их в самые лучшие времена подписывало максимум где-то около десятка человек.

В статье „На возврате дыхания и сознания” Солженицын убедительным образом, сам того, конечно, не желая, показывает, как мала социальная база русского авторитарного национализма: „Среди советских людей, имеющих неказенный образ мнений, почти всеобщим является представление, что нужно нашему обществу: ...свобода и парламентская многопартийная система. Сторонники этого взгляда объемлют и всех сторонников социа-

лизма и шире того... В этом *почти полном единодушии* сказывается наша пассивная подражательность Западу". („Из-под глыб" стр. 23. Подчеркнуто мною — В.Б.)

И если сила верхней фракции националистов только в поддержке властей, то нижней — в поддержке авторитета Солженицына, ну и опять же властей. В этом отношении показательна история журнала „Вече" — единственного периодического органа националистов нижней фракции.

В то время (71—73 годы), когда КГБ с особой яростью атаковало правозащитное движение и его главный орган „Хронику текущих событий", арестовывало или изгоняло из страны всех, кого подозревало в причастности к „Хронике", журнал „Вече" продолжал преспокойно выходить, вплоть до 75 года. И вдруг Осипов, редактор „Вече", распространяет заявление, что КГБ готовит против него провокацию. А вскоре, как гром с ясного неба, появляется заявление *всех* членов редколлегии „Вече" во главе с Овчинниковым, заместителем Осипова, что Осипов исключается из редколлегии за „аморальность и интриганство"! Редактором избирается Овчинников, и выпускается еще один — последний номер „Вече", уже без Осипова. Он в свою очередь с небольшим числом друзей делает заявление, что акция редколлегии против него инспирирована КГБ, и что Овчинников — старый агент КГБ. И это, конечно, была чистая правда. Овчинников в 50-х годах был в бегах на Западе, полтора года работал на радио „Освобождение" (ныне „Свобода"), а потом перебежал обратно и выступил с разоблачением деятельности империалистов, ЦРУ, радио „Освобождение" и т.д. Комментарии, как говорится, излишни.

Люди, знавшие Осипова, убеждены в его непричастности к КГБ, и факт его сотрудничества с Овчинниковым и другими предавшими Осипова членами редколлекгии говорит о том, как мал был у него выбор сотрудников. После исключения из „Вече", Осипов с помощью Родионова основал новый журнал „Земля" (вышло два номера), но после ареста Осипова и этот журнал прекратил свое существование.

Примерно в это же время как-то сама собой сошла на нет и активная деятельность остальных националистических группок. Элитарная группа замолкла вскоре после высылки Солженицына.

Почему власти разогнали националистическую оппозицию?

Возможно, стало неудобно перед Западом давить только демократов, а может также и перед национальными партийными кадрами в республиках: слишком разителен был контраст с жестоким преследованием нерусских националистов.*

Возможно, была у властей и надежда, что русское националистическое движение расколется демократическое. Яркий пример — угроза Сахарову (в 75 году) от имени ЦК „Русской христианской партии” расправиться с его родственниками-евреями (зятем и внуком Янкелевичами), если Сахаров не прекратит деятельности, „враждебной русскому народу”. Скорее всего, это была прямая акция КГБ, но в любом случае это показывает, как власти относятся к оппозиционному русскому национализму и какой видят его роль.

Александр Янов в статье „На полпути к Леонтьеву” (сб. СССР — Демократические альтернативы”) и в ряде других своих работ сравнивает нынешних русских оппозиционных националистов со славянофилами. Он напоминает о процессе сближения славянофилов от поколения к поколению с царской охранкой и их эволюции к черносотенству. Янов видит в этом характерный цикл русской истории и на этом основании предсказывает сближение современных славянофилов с „верхней (в партии) фракцией национал-коммунистов” — по типу: от Аксакова к Леонтьеву и Шарапову. Но на мой взгляд, Янов слишком увлекается историческими параллелями.

Мне видятся разительные отличия современных русских националистов от славянофилов первых поколений. Те состояли в элите общества, а нынешние находятся в положении, скорее, разночинцев.

Далее, взгляды славянофилов были неизмеримо более обоснованы, а потому — искренни, и идеалистические мотивы преобладали в их деятельности. Россия тогда еще действительно стояла на распутье между Востоком и Западом, и для того, чтобы продолжать идти „своим” путем, ее не надо было поворачивать на 180 градусов, да еще и прыгать назад через две-три исторических эпохи, как того хотят Солженицын и его единомышленники. Для

---

* По данным московской группы „Хельсинки”, 80% политзаключенных в СССР — участники национальных движений в нерусских республиках. Более всего — украинцы и литовцы.

большинства нынешних славянофилов славянофильская программа — лишь условное знамя и маска для борьбы за место под солнцем и для компенсации культурной или творческой неполноценности. Лишь антисемитская компонента у них вполне органична! Большинство нынешних националистов с самого начала были подобны черносотенцам, и с самого начала были близки с „охранкой”. (Черносотенцы тоже были ядовитыми грибами на гниющем теле зажившегося на свете царского режима.) Никакой эволюции у нынешних нельзя обнаружить. Семанов и Шиманов, Фетисов и Антонов, ВСХОН и „ВЕЧЕ” существовали еще до появления Солженицына и Шафаревича в „национальном лагере”, а не наоборот, как представляет дело Янов. (См. приложение.) Степень откровенности разных современных русских националистов Янов выдает за этапы эволюции националистического движения. Эволюцию прошли лишь отдельные личности, опять же Солженицын, Шафаревич, Осипов и, возможно, кто-нибудь еще, но это была эволюция из лагеря демократического в лагерь националистический.

Подытожу. Стагнация режима и его живучесть послужили, видимо, главными причинами возникновения русского оппозиционного национализма.

В своей сути он представляет собой бунт полуинтеллигенции против интеллигенции и дряхлеющей партократии, не способной тем или иным способом возродить динамизм режима и открыть полуинтеллигенции путь наверх.

Почву русский национализм имеет главным образом в обслуживающем слое, а потенциальным союзником — партократию.

И все это вместе создает *известную* опасность впадения режима в случае какого-либо острого кризиса — в откровенный неонацизм, возможно, с примесью православного клерикализма. Иначе говоря, впадения в полный маразм, что, конечно, режим не спасет, но может продлить его существование и привести к новым жертвам.

Не желая становиться в позицию пророка-запугивателя, я подчеркиваю: создает *известную* опасность, то есть не слишком уж большую.

Кроме всего прочего, власти не могут не понимать, что в случае перехода к откровенному великорусскому национализму, они не только до предела восстановят против себя демократическую

общественность мира (в том числе и еврокоммунистов) и население республик, но и собственно Российскую Федерацию быстро доведут до катастрофы. Ведь добрая половина людей в РСФСР — инородцы, полукровки, из смешанных семей и т.д. — окажутся людьми второго сорта, чужими, под подозрением (как сейчас евреи), и это, естественно, доведет до предела стагнацию и дезорганизацию экономики. Нацизм может иметь прочные корни лишь в национально однородной стране с малочисленным и активным нацменьшинством — в качестве козла отпущения.

Однако с нацистской опасностью все же необходимо считаться, а главное, необходимо считаться с тем, что русский национализм, как в меньшей степени и любой другой, разъединяет людей и идет тем самым на пользу режиму и во вред многонациональному демократическому движению, которое единственно и способно решить главные проблемы СССР, в том числе и национальные.

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СБОРНИКА

Статья эта была написана примерно в 1978 году. Сейчас, после начала польских событий, русский оппозиционный национализм, видимо, уже совсем обречен. По крайней мере, очень надолго. Обречены его надежды на какую-то широкую поддержку и резонанс в обществе. Националистические группки ущербных или нанятых властями людей могут существовать и появляться. (И в Польше появилась националистическая и антисемитская группа „Грюнвальд“.) Но подавляющее большинство будущих диссидентов, скорее всего, будут „делать жизнь” с Леха Валенсы, или (интеллигенты) — с Яцека Куроня.

Еще сравнительно недавно, в декабре 1979 года в статье „Персидский трюк” Солженицын писал: „религиозные силы в нашей стране одни только и представляют неразрешимую проблему для

советского правительства...” (Маневрируя, Солженицын сокращает полное наименование этих сил: националистическо-авторитарно-религиозные.)

Сейчас трудно без грустной улыбки читать эти слова. Даже как-то стыдно делается за Солженицына и его людей. В религиозном на 80% польском обществе, сумевшем отстоять независимость своей церкви, и национально однородном, потребовалось мощное правозащитное движение интеллигенции и „классовое” движение рабочих. Что же говорить о роли религиозных и националистических сил в обществе советском, на 80% нерелигиозном и национально насквозь перемешанном?!

Не последнюю роль сыграло в Польше и то обстоятельство, что религиозное движение там ничего общего не имеет с русским, представленным Солженицыным, Шафаревичем, ранее „Вече” и т.д. А именно: не претендует на руководство государством, не противопоставляет себя другим движениям, выступает за демократию и даже за демократический социализм.*

Л. Валенса после успешных переговоров с властями не раз говорил: „Поляк с поляком всегда найдут общий язык!” Но он перестал так говорить после инцидента в Быдгоще, когда поляки полякам начистили физиономии, а также после появления „Патриотического объединения Грюнвальд” с его главным лозунгом: „Солидарность должна быть польской!” (чуть не написал „русской”!) Между прочим, нехороший, жуткий свет бросает эта группа „Грюнвальд” на Солженицына и русских оппозиционных националистов, утверждающая подобно им, что именно евреи, в форме чекистов и коммунистов, были главными мучителями польского народа и остаются (в „форме” сионистов и диссидентов) его главными врагами.**

Но вернемся к советской действительности. Веским подтверждением отсутствия национальной разделенности („нацио-

---

* Сомневающимся в искренности этих выступлений рекомендую книгу А.Михника „Диалог: Церковь — левые”, и в ней особо — текст Свентокшеской проповеди кардинала Вышинского.

** Так как пресса русской эмиграции не публиковала ответ „Солидарности” на провокацию „грюнвальдовцев” в годовщину погрома польской интеллигенции в 68-м году, считаю необходимым поместить его на страницах этой книги. (Следует за статьей „Феномен Солженицына”).

нального самосознания” — по Солженицыну) в инженернорабочем слое Советской России, а также подтверждением самого факта существования такого слоя* — представляется профсоюзная группа Клебанова.

Национальность членов объединения и кандидатов в документах не обозначена. (И это тоже характерно!) Судить же о национальности по именам, как, впрочем, и по 5-му пункту, очень трудно. Ни тот, ни другой признак не отражают истинного критерия: национального самоопределения по культуре. Но при всем том все же ясно, что доля нерусских в объединении была весьма велика. Судя по фамилиям и именам она составляла более 30%.

Однако, самое поразительное тут и характерное — это реакция русских националистов в эмиграции.

Теоретик НТС Дм.Поспеловский в своей объемистой работе „Русский национализм, марксизм-ленинизм и судьбы России” („Грани”, ноябрь 79, стр. 438) призывает своих единомышленников:

„...задуматься и над тем, что первое низовое оппозиционное движение послесталинской эры, охватившее по меньшей мере около 200 человек в самых различных местах СССР, — „Свободный профсоюз трудящихся” — *внеационально по своему характеру* и обратилось за содействием к правовому демократическому движению, а не к националистам. По стратегии и тактике своих действий его можно было бы назвать первым эхом в рабочих массах интеллигентского Демократического движения. Какие-либо далеко идущие выводы отсюда делать преждевременно, но это явление заставляет *насторожиться* и не спешить со скороспелыми заключениями о массовости национальных платформ в современной России.” Отмечу, что указанное обстоятельство насторожило не только оппозиционных русских националистов. Представитель ВЦСПС, председатель профсоюза горняков в ответ на запрос английского профсоюза горняков о судьбе Клеба-

---

* Из 45 активистов профсоюзного объединения Клебанова, биографии которых даны в документах объединения, 36 человек имеют высшее образование, судя по специальностям. Это инженеры промышленности, преподаватели, бухгалтеры и т.д. Сам Клебанов, начав путь с рядового шахтера, к моменту создания профсоюза был уже инженером-проектировщиком. Из кандидатов в профобъединение, специальности которых указаны, ИТР-овцев 38 человек. (Всего кандидатов — 110).

нова и его товарищей заявил, что, кроме всего прочего, Клебанов, мол. никакой не русский рабочий, а еврей; более того, он имеет богатых родственников-сионистов в Израиле, и это они из Израиля и подбили его создать профсоюз!

Однако, пример Польши, высвечивая бесперспективность и беспочвенность русского оппозиционного национализма, в то же время высвечивает и симптоматичность его для патологического состояния какой-то значительной части русского общества. Боюсь, что очень значительной части, т.к. имеются и другие симптомы, о которых речь впереди.

ПРИЛОЖЕНИЕ. В „Континенте” №№ 27-28 были опубликованы заметки Михаила Хейфеца „Русский патриот Владимир Осипов”. В этих заметках Хейфец излагает то, что рассказывал ему в лагере Осипов о своей деятельности и жизни. Рассказывал с тем, чтобы Хейфец, который должен был освободиться значительно раньше Осипова, опубликовал его воспоминания. Воспоминания эти представляют, на мой взгляд, интерес во многих отношениях. В том числе, с удивительной откровенностью, иллюстрируют главные пункты изложенной в моей статье концепции. Вот наиболее важные выдержки из заметок Хейфеца.

„— Люди, которые идейно поддерживали „Молодую гвардию”, — рассказывал мне Осипов, — были смертельно оскорблены разгромом ее редакции. Многие из них занимали важные кресла и кабинеты и считали, что, являясь „русскими патриотами”, являются первыми защитниками советской власти. И вдруг она дала им такой пинок под задницу! Они-то и дали мне первые средства на издание журнала и первые литературные связи.” („К” — №28, стр. 141)

„— Я сильно боялся, — признавался Осипов, — когда на обложке нелегального журнала открыто ставил свое имя, фамилию, адрес. Совсем недавно отсидел семь лет — и снова в зону идти? Но подумал, что, если меня арестуют, останется в истории след: не молчали в России, когда разогнали, когда заткнули рот патриотической редакции „Молодой гвардии”. Дело русских патриотов не

умерло даже в советские дни, и это должны узнать наши потомки.

Но его не арестовали, — пишет М. Хейфец, — КГБ поставил его под свой контроль и пытался использовать в своих интересах.” („К” — N⁰28, стр. 141-142)

„... Светлана выражала в редакции точку зрения тех кругов, которых Осипов полуиронически называет „мои шовинисты” (демократ Сергей Солдатов обозначил их „национал-большевиками”). Но не ей, конечно, доверено было стать их вожаком. Идейным выразителем интересов этой фракции стал член редколлегии Иванов-„Скуратов”, старый товарищ Осипова, продавший его некогда в КГБ.

Круг осиповских „шовинистов”, — замечает М. Хейфец. — это, по-своему, интересное общественное явление...” („К” — N⁰28, стр. 142)

„Шовинисты” часто занимают (или мечтают занять) места в официальной иерархии, иногда они сидят даже в значительных кабинетах по „идеологицкой части” (им, например, удалось свалить антагониста, заведующего отделом пропаганды ЦК Яковлева, отправив его послом в заокеанскую Канаду)” („К” — N⁰28, стр. 143).

„Осипов не мог не признать: если Единая, Неделимая, Могучая Россия есть благо, тогда Сталина следует признать великим русским государственным деятелем. Или — или... Чего ж тут от правды бегать!”

„Нет, не из одних тактических соображений — заключает М. Хейфец — Осипов утверждал на суде, что его журнал был „политически лояльным”, и не по либерализму власти разрешали несколько лет выходить журналу — пусть незарегистрированному, но открытому, с обозначением на обложке фамилии редактора и адреса редакции.” („К” — N⁰28, стр. 153)

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ *

ДВА ВИДА ПОСТЕПЕННОСТИ

Среди советских диссидентов, в том числе и среди левых — сторонников демократического социализма, распространено убеждение, что революции происходят главным образом в результате деятельности революционеров и приносят всегда только зло. Популярно мнение, что даже и реформы надо всегда проводить очень осторожно и постепенно, особенно в экономике.

Но необходимо выяснить, о какой постепенности в каком случае может идти речь? Ведь можно сказать, что постепенность бывает *эволюционной* и *революционной*. Так, если система в целом сносно функционирует, но имеет недостатки и проблемы, то в этом

---

* Опубликовано в ж-ле „Сучасность” — США №7-8, 79г. и в „Новом Американце” — США, №104, 82г.

случае реформы надо проводить, разумеется, очень осторожно и медленно с тем, чтобы получать полную картину влияния каждой отдельной реформы на всю систему. В этом, эволюционном, случае постепенность может измеряться многими годами, тогда как массивное и быстрое проведение реформ может действительно вызвать крах всей системы.

Но если система работает плохо и ото дня ко дню деградирует, если она явно изжила себя и, как умирающий, существует лишь благодаря инъекциям извне и безжалостной эксплуатации людей и ресурсов, если становится очевидным, что порочен сам принцип работы системы, как это имеет место в СССР, — то в этом случае необходима кардинальная перестройка всей системы, фактически создание новой системы. То есть, необходимы революционные преобразования. И именно эволюционная постепенность здесь может привести экономику к развалу или параличу.

Если надо менять принцип работы системы, то перестраивать все ее звенья и механизмы надо как можно быстрее. Относительная постепенность тут должна, очевидно, обеспечивать не бесперебойную работу старой структуры, а бесперебойность работы по ее перестройке, чтобы эту работу не дезорганизовать и *не затянуть!*

Распространено мнение, что брежневские реформы второй половины 60-х годов были плохи своей поверхностностью. На самом же деле захлебнулись они более всего из-за эволюционной постепенности их проведения. Поверхность этих реформ, и медлительность их проведения произрастали из одного и того же корня: неспособности брежневского руководства (или нежелания, страха) менять принцип работы всей системы.

Не менее важно учитывать здесь и психологический фактор.

Сейчас недовольство жизнью среди рядовых советских людей в большой степени вытеснено в подсознание. Но с началом каких-то демократических перемен это недовольство выйдет на поверхность, и людям будет очень трудно терпеть *эволюционную* постепенность этих перемен. Обязательно найдутся и радикалы, которые будут подталкивать массы к решительным действиям. И взрыва будет избежать практически очень трудно. Излишняя постепенность и осторожность в этом случае могут также дать время и возможность для подготовки какого-нибудь контрреволюционного путча. То есть, эволюционная постепенность при

необходимости революционных преобразований может дать обратный результат: вызвать взрыв — революционный или контр-революционный.

История содержит тому достаточно примеров. Последний из них — развитие событий в Чехословакии в 1968 году. Остановимся на этом примере подробнее.

Ота Шик в беседе с Джорджем Урбаном, опубликованной отдельной брошюрой („Ахберг”, 1975), рассказывает: „Имея перед собой пример венгерских событий 56-го года, нам было ясно, что мы должны с максимальной осторожностью, большим терпением и большой тактической ловкостью продвигаться вперед, чтобы избежать провокаций Москвы.” (В период *разработки* реформ. — В.Б.)

„Когда я оглядываюсь теперь, — продолжает Шик, — на наши терпеливые приготовления, я вынужден повторить еще раз: мы попытались сделать лучшее и в создавшихся условиях не сделали ничего плохого, — по крайней мере, так думаю я. Но, к сожалению, в последней фазе (после января 68 г., при *проведении* реформ. — В.Б.) некоторые вещи заскользили у нас из рук. Одно обстоятельство мы все же не учли, продумывая наши реформы, которые мы так терпеливо подготавливали и шаг за шагом контролировали. В последней фазе возник новый элемент, который ускользнул из-под нашего контроля: некое *самовозгорание* всего нашего движения, которое в конце концов охватило *все население* страны. Военная оккупация не заставила себя ждать.”

Отчего же произошло это самовозгорание?

Ота Шик отвечает: „Вразрез с бытующим мнением, правительство Дубчека не было правительством, поддерживающим реформы, а было правительством компромиссов и промедлений. Оно состояло из двух групп: из „ортодоксов” и из убежденных сторонников реформ.”

Ситуация, заметим, неизбежная в любом случае и в любой стране.

И, как рассказывает далее Ота Шик, „было очень трудно разобраться, против кого следует бороться, а кого следует поддерживать...” Иными словами, трудно было решить, где сторонники постепенности, а где — просто враги реформ! „Одни из новых руководителей были вполне серьезно за реформы, — говорит Ота

Шик, — но другие просто ставили палки в колеса реформаторскому движению. Они саботировали все.” И это естественно вызвало раздражение в стране.

„Повсюду, — свидетельствует Шик, — образовывались группы с различными мнениями и интересами, пытавшиеся *быстрее продвинуть вперед реформистское движение*. Эти группы образовали, так сказать, свой момент силы, который уже никто не мог контролировать. С этого момента вопрос уже не стоял: „да или нет”, а был: „когда русские войска вступят в Чехословакию?”

Единственный шанс, по мнению Шика, мог дать скорейший созыв XIV партсъезда, намечавшегося вначале на апрель 68 года.

„Избранные делегаты, — продолжает Шик, — были хорошими и опытными людьми, которые были душой и телом преданы делу реформистского движения,..а до апреля русские еще не приняли никакого решения,.. они чувствовали себя все еще наблюдателями, они выжидали. Если бы мы сумели созвать наш съезд в апреле, тогда мы выбрали бы новое руководство, сумели бы укрепить нашу политику и взяли бы в свои руки контроль над реформистским движением, и таким способом, что наши советские критики вынуждены были бы держать своих коней в узде... Разумеется, я не могу с полной уверенностью сказать, что оккупация была бы предотвращена, но только тогда для нас мог быть хороший шанс... Однако, нам не удалось убедить Дубчека созвать съезд до апреля. Разногласия между сталинским и реформистским крыльями руководства вынудили Дубчека медлить... Когда он наконец решился созвать партийный съезд в сентябре, это оказалось слишком поздно. Советские руководители уже приняли решение оккупировать страну еще до партийного съезда.”

„В течение десяти лет, — подытоживает Шик, — мы шаг за шагом, сантиметр за сантиметром шли по пути нашему без каких-либо отступлений... Но когда дело дошло до того, чтобы убедить руководство в необходимости созыва съезда до апреля, мы потерпели неудачу, первую за десять лет. И это обернулось фатальным поражением. Когда мы поняли, что партийный съезд не будет созван до сентября, нам стало ясно, что мы проиграли.”

На этом конкретном примере мы видим, как излишняя медлительность в проведении революционных реформ (а реформы „Пражской весны” были таковыми) чревата самыми серьезными последствиями.

Оценивая этот пример, мы должны иметь в виду, что народ Чехословакии весьма уравновешенный, с демократическими традициями, и жилось ему до Дубчека много лучше, чем жили и живут люди в СССР. И все же произошло „самовозгорание” из-за медлительности правительства!

Что же может в подобной ситуации произойти в Советском Союзе? (Оккупацию может заменить переворот со стороны „ортодоксов”, какая-нибудь пиночетовщина).

РЕВОЛЮЦИЯ И СТРАХ ПЕРЕД НЕЙ

А теперь о самом остром вопросе: об отношении к классической революции, с насилием и кровопролитием. Дискутировать на тему о том, что все революции — дело рук подстрекателей и всегда приносят только зло, думается, нет смысла. Это чистейший пример *реактивного* мышления. Но как бы мы ни относились к революциям, как бы ни хотели избежать „полной” революции (а в этом мы все едины), в СССР она все-таки не исключена. Достаточно вспомнить о „странной” волне рабочих выступлений в СССР в начале 60-х годов:

И если в результате чего-либо в Советском Союзе начнет нарастать революционная ситуация, а демократически настроенная интеллигенция будет выступать против революции, то это никак не будет способствовать уменьшению кровопролития и насилия. При том, что экстремисты и радикалы обязательно найдутся — в первую очередь из среды той же интеллигенции — и не будут сидеть сложа руки.

В какую далекую эпоху были сказаны сакраментальные слова о „русском бунте, бессмысленном и беспощадном”, а у нас по-прежнему модно пугать ими друг друга. Да разве крестьянские восстания, например, в Западной Европе были более мягкими и

осмысленными? И таким ли уж, как в пугачевские времена, бессмысленным и жестоким было участие народа в революции 17-го года, если спокойно посмотреть? И не вожди ли обоих лагерей, вышедшие как правило из образованного общества, толкали массы к жестокости и беспощадности?

Да, в народе сейчас накопилась злоба, и моральный уровень многих оставляет желать лучшего. Но трудно и не видеть, как все-таки изменилось большинство людей — и по образованности, и по интересам, и по опыту. „Всеим народом мы чему-то научились.” (Н.Мандельштам). Невозможно не видеть, как сильно изменилась и структура общества, 50% которого теперь составляет монолитный по своим социальным интересам и характеру инженерно-рабочий слой, или если угодно — класс, новый класс в истории!

Не может не оставить следа в памяти и психике людей и кровавый, концентрированный опыт XX века, пройденный страной. Опыт исторический могут усваивать, между прочим, не только одни интеллигенты!

Наконец, нельзя забывать и о том, что действие всегда равно противодействию. Для того чтобы злоба разгулялась, необходима серьезная противодействующая враждебная масса. И в 17—20-х годах в России была такая „масса”. Был относительно многочисленный класс буржуазии и купечества, и дворянство, и вышедшее из него офицерство, и казачество. И помощь была извне, оккупанты, чехословацкий корпус, начавший гражданскую войну, и „белополяки”, была, наконец, и темная огромная крестьянская масса, колебавшаяся из стороны в сторону.

А сегодня кто будет стоять насмерть за режим? Кадры КГБ, да, может быть, еще их „особые полки”. Но этого очень мало. Классов-то все-таки нет таких, как прежде. Бюрократия, возможно, и класс, но, как говорится, Федот да не тот! Сражаться они не способны, зато способны впадать в паралич при кризисной ситуации. Остается регулярная армия? Но пропаганда: „Советская армия — армия народа, армия рабочих и крестьян” — в этом случае работает бумерангом.

Многие пугают: русских будут резать в республиках!

Экссессы, конечно, будут, но не надо преувеличивать слепую русофобию и глупость нерусских народов. Да и войска-то в республиках русские, и русское население в этом случае они возь-

мут под свою защиту. Потом будут, разумеется, великие проблемы с национальным вопросом. Но они будут в любом случае после падения или ослабления тоталитарного режима, каким бы образом это не произошло.

Если трезво разобраться, то полная, классическая революция в Советском Союзе мало реальна, вследствие хотя бы малочисленности сил, заинтересованных в контрреволюции и способных к сопротивлению. Случись в стране возмущение польского масштаба, и советские власти, которым помощи извне ждать не придется, скорее всего впадут в панику и пропустят, а то и вытолкнут к рулю реформаторов. Другое дело — какого направления?! Тут очень многое будет зависеть от интеллигенции. Если интеллигенция, повторю, увидев вышедший на улицы народ, вместо того чтобы поддержать его, возглавить и одной рукой давить на власти, требуя демократических реформ, а другой — сдерживать эксцессы и страсти (и своих радикальных коллег), если вместо всего этого интеллигенция в панике бросится врассыпную, то вероятность всяких злокачественных последствий резко возрастет.

Страх перед революцией в среде диссидентов является и одной из причин пренебрежения к социальным и экономическим требованиям рабочих и нежелания искать поддержки с их стороны.

Страх перед революцией — одна из причин пренебрежения к разработке социально-экономических программ, альтернативных тоталитарному социализму.

Сейчас положение начинает меняться к лучшему (действует польский пример и возникновение рабочего диссидентства в СССР), но основания для тревоги остаются, т.к. концепция *абсолютного* и безусловного неприятия революции в любых ее видах и случаях продолжает господствовать в диссидентских кругах, подкрепляемая уничижительным мнением о народе, о советском рабочем классе, как о темной и пьяной массе, свободу сопоставляющей с анархией и т.д.

А в итоге приходится вспомнить вновь Надежду Мандельштам, которая писала, что наибольшие опасения в случае какого-либо кризиса у нее вызывает не народ: „Своеволие народа — стрельба в воздух!“ („Вторая книга“, стр. 321), — а советская интеллигенция, или так называемое образованное общество. И

дело тут не только в возможной трусости интеллигентов, но и в возможности метаморфозы иных интеллектуалов, которые сегодня презируют всяческую революцию и революционеров, а завтра они же могут стать крайними радикалами.

ПОДПОЛЬНАЯ ИЛИ ОТКРЫТАЯ БОРЬБА?

Призывая сказать „А”: признать революцию в России возможным и необязательно катастрофическим явлением, — я не призываю сказать „Б”, т.е. не ратую за создание какой-либо подпольной революционной партии или движения.

Чем более тоталитарен и жесток режим, тем бессмысленнее и опаснее любое подпольное движение, опаснее для морального духа диссидентов и для будущего страны. Чем жестче режим, тем глубже должны уходить диссиденты в подполье и, следовательно, дальше от общества. Больше должно быть дисциплины и меньше внутренней демократии. То есть, чем более тоталитарен режим, тем тоталитарнее должно быть и антирежимное подполье. Чем это кончается, мы уже знаем.

Уже в эмиграции у меня состоялся любопытный разговор с одним из руководителей НТС. Я спросил его, почему они держат в программе призыв к подпольной и даже террористической деятельности в виде т.н. городской и прочей партизанщины? Вплоть до „эксов” в пользу бедных!

— Мы агитируем людей против режима и не имеем морального права снимать с себя ответственность за возможные эксцессы, последствия... Мы должны их направлять, эти последствия, на благие цели, — ответил руководитель. Или, сказал „А”, говори и „Б”! Советские власти, выходит, правы, обвиняя диссидентов в лицемерии, когда диссиденты заявляют, что выступают против насилия, и в то же время, мол, толкая к нему народ своей „агитацией” и критикой режима.

На самом же деле *моральная* ответственность диссидентов здесь состоит в том, чтобы всячески, словом и примером, агитировать против подпольщины и насилия.

Если революция все же случится, не они будут тому причиной, а упорство властей, упрямо игнорирующих необходимость проведения демократических реформ. И именно расширение социальной базы правозащитного и оппозиционного движения дает наибольший шанс заставить власти пойти на эти реформы и предотвратить тем самым опасность „полной” революции. Расширению же социальной базы, повторю, мешает как страх перед революцией, так и революционная подпольщина.

ПОЗДНЕЙШЕЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Но каково же все-таки должно быть отношение к полной, классической революции — в прошлом и в будущем?

Сахаров считает, что революции производят такие разрушения во всех сферах жизни, что это не оправдывает даже самые благие их объективные цели. Но нельзя отрицать тот факт, что революции или сокрушительные войны и нашествия, выполнявшие их роль (роль „повивальной бабки” по Марксу), были **ОДНОЙ** из главных движущих сил истории.

Исходя из этого, марксисты считали, что если для свержения и замены одного классового, насильнического строя другим были необходимы революции или катаклизмы насилия, то уж для установления принципиально нового, бесклассового строя необходима Великая Революция, Великое Насилие. „Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...”

Но насилие всегда порождает насилие, говорили и говорят моралисты, и притягивает всяческую нечисть: властолюбцев, садистов, убийц, авантюристов, демагогов и просто психопатов.

В лучшем случае это прекраснoдушная наивность, отвечали на это марксисты, в реальности означающая сохранение классового, насильнического общества. Это общество может допускать игру в демократию лишь до определенного предела, до серьезной угрозы своим основам. История человечества, мол, ясно показывает, что люди не способны добровольно отказаться от своей власти и привилегий.

И та и другая сторона были правы, и не было видно выхода.

И сегодня мы — приверженцы демократического социализма — должны были бы сделать следующий вывод. Все досоциалистические революции были целесообразны потому, что их объективной целью была замена одного насильнического строя другим, и средства соответствовали цели.

Но для утверждения строя, *свободного от насилия*, вооруженная революция, физическое насилие — непригодно. Создание такого строя может происходить лишь путем *эволюционной* революции, т.е. путем радикальных реформ и быстрой перестройки всей системы без нарушения правопорядка и демократических принципов*.

Значит по-прежнему нет выхода? Люди, классы ведь не способны добровольно отказаться от привилегий и власти. Но так ли это? Разве человечество не способно все-таки меняться? Если люди до сих пор не могли обходиться без пресловутой „повивальной бабки” Маркса, так разве из этого следует — что и никогда не смогут?

Значит — что же: предлагается ждать еще неизвестно сколько, пока природа и культура людей изменятся? Но уцелеет ли до тех пор человечество, и смогут ли терпеливо ждать тех светлых времен поколение за поколением угнетенные, обездоленные и эксплуатируемые, особенно во „втором” (социалистическом) и третьем мире?

Да, в принципе ждать необходимо, но разумеется не пассивно.

Нетерпением мостятся дороги в ад. Новейшая русская история тому последний яркий пример. Но предлагается не только ждать, а

---

* Всем сторонникам социализма, и прежде всего еврокоммунистам, на довод след за первым шагом — утверждением, что при современной демократии можно придти к социализму мирным путем, сделать второй шаг: признать и понять, что к социализму вообще можно придти *только* мирным путем!

и взглянуть отстраненным взглядом на современное человечество и происходящие в нем процессы, особенно на „растленном” и „деградирующем” Западе. Но что же там можно увидеть, кроме „небывалого апокалипсического кризиса”: морального падения, бездуховности, засилья потребительской психологии и т.д., а вместе с этим и разгула терроризма? — Кризиса, который столь ярко живописуют западные крайне левые и правые, многие советские диссиденты в эмиграции и советская пропаганда.

Всех этих людей хочется спросить: а что, моральный уровень западного общества был выше 30—40 лет назад, когда по миру распозалась коричневая чума фашизма и был в силе и почете красный тоталитаризм? Или этот уровень был выше в начале века, когда западные цивилизованные страны сцепились в позорной войне из-за националистических амбиций и дележа колоний? Когда ненасытный и ничем не ограничиваемый капитализм регулярно ввергал мир в самоубийственные кризисы перепроизводства, о которых сегодня и помыслить страшно. Или был выше этот уровень в XIX веке — веке колониального грабежа, засилья империй, перманентных войн, жестоких революций и контрреволюций, кастовой демократии и чудовищной эксплуатации рабочих и даже их детей?

Дальше в глубь веков идти, думается, нет смысла.

Да, в мире есть сейчас многое из того, о чем кричат безоглядные пессимисты и пророки всех политических мастей.

Но неужто невозможно заметить и разительные перемены в том же западном мире развитых демократических стран? Разве сейчас мыслимо в этом мире многое из того, что еще совсем недавно было там в порядке вещей?

Мыслима война между западными державами? Мыслимы нацизм, старые экономические кризисы, работа на фабриках с 8 лет и по 16 часов (для взрослых), кровавые расправы западных войск в восставших колониях при полном спокойствии в метрополиях? А глядя из этого недавнего прошлого, можно было себе представить такие явления нашего времени, как правозащитное движение, Всеобщая декларация прав человека, международные правовые пакты, гуманитарные статьи в международных соглашениях? Или предвидеть успешную борьбу с расизмом, добровольное освобождение многих колоний, деятельность *общественной*

организации „Эмнести Интернейшнл” (несколько сот тысяч членов в десятках стран!), разоблачение Уотергейта и массовую победоносную борьбу против войны во Вьетнаме, куда более чистой, чем прежние колониальные войны? Да, наконец, мыслим ли был и еврокоммунизм с каким ни на есть, но отказом от диктатуры пролетариата и от ставки на „повивальную бабку”? Мыслимо ли было все это еще каких-нибудь 50 лет назад!? Во гневе не надо забывать оглядываться.

Невиданная оргия физического насилия в XX веке, включая сталинизм, не прошла, видимо, бесследно, стала наверно апогеем и началом конца многотысячелетней эпохи насилия. И современный терроризм не является ли его агонией, результатом отчаяния всяческих экстремистов, теряющих почву под ногами?

Могут сказать, что нынешнее миролюбие Запада — результат страха перед термоядерным оружием. Да, верно. Но из одного этого страха все новые явления не вывести. (Например, правозащитное движение, борьбу с расизмом и колониализмом, отказ от диктатуры пролетариата и многое другое) и не способствует ли этот страх пробуждению чувства ответственности в людях и понимания неприемлемости насилия?

И может быть, стоит подумать, особенно приверженцам Солженицына, не происходит ли сейчас в мире, в первую очередь в Западном (который именно поэтому и остается „первым” миром), не происходит ли нечто небывалое прямо на наших незрячих глазах? Не являемся ли мы современниками начала Величайшей революции в истории человечества, революции против физического насилия?

И если мы действительно являемся современниками такой революции, и если она победит — и физическое насилие окажется окончательно заблокированным, то откроется, наконец, реальная возможность и для реформистского, *единственно возможного* пути к свершению социалистической „эволюционной революции”, к построению общества социалистического самоуправления. Можно сказать, что мы здесь приходим к новой трактовке теории „перманентной революции”: революция против физического насилия, насилия *с пистолетом в руке*, должна предшествовать революции против скрытой формы насилия *с чековой книжкой и кнопкой государственной власти* под рукою.

Но как же тогда можно говорить о допустимости физической революции в СССР? Увы, СССР находится еще в старой эпохе, как и страны третьего мира. И ликвидация тоталитарного режима в СССР каким бы то ни было путем: революционным, полуреволюционным или, в идеале, реформационным, — обеспечит, думается, победу начавшейся сейчас революции против физического насилия в мировом масштабе. Запад и демократическая Россия совместными усилиями смогут быстро потушить очаги насилия и в третьем мире. Теперь уже ясно, что демократизация не заказана и в Китае, не исключено, что она может там начаться раньше чем в СССР.

УРОКИ ПОЛЬСКОГО ДЕКАБРЯ*

Прежде всего отметим, что сейчас мало кто уже сомневается в том, что 13 декабря в Польше произошла всего лишь иммитация установления военной диктатуры. Спектакль этот был, очевидно, проведен по инициативе партийных аппаратов КПСС и ПОРП. К партийному аппарату мы причисляем и руководство армией и органами безопасности. В целом, круг тех людей, которые даже формально никем не выбраны, но всем и всеми руководят, включая и вождей партии, особенно когда последние уже еле волочат ноги. И именно чиновникам партаппарата, их власти, привилегиям и благополучию, в первую очередь угрожают демократические реформы, в то время как вожди партии, как то было в Чехословакии в 68, могут реформы возглавлять, укрепляя свой личный авторитет. В Польше рабочее самоуправление на предприятиях и его центральный орган — общественный совет народного хозяйства, призванный контролировать экономическую

---

* Опубликовано в еженедельнике „Новый Американец”, — США, №0- 109. 82 г.

политику правительства, за которые воевала СОЛИДАРНОСТЬ, должны были существенно ограничить власть партийных аппаратов всех уровней и функций и подать дурной пример всему лагерю реального социализма. И столкновение было, видимо, пред-решено, когда СОЛИДАРНОСТЬ весной 81 года начала борьбу за введение самоуправления и экономической автономии предприятий, что тут же было „переведено” партийным руководством, как „отход от государственной собственности к групповой”. (См., например, доклад Кани на съезде ПОРП в июле).

По данным Государственного департамента США и сообщениям польских послов в Вашингтоне и Токио, оставшихся на Западе, введение военного положения начало подготавливаться с марта 81-го! (Плакаты о военном положении были напечатаны в СССР в сентябре.)

Важен вопрос, какова была степень добровольности в действиях польского партаппарата. Думается, что прискорбной и опасной иллюзией было бы считать, что военное положение введено исключительно под давлением Москвы. Проведение по всей стране драконовских мер с введением военного положения и, тем более, сохранение в тайне подготовки к нему было бы совершенно невозможно без кровной заинтересованности со стороны партийного аппарата ПОРП, без высокой степени *солидарности* этого аппарата. В высшей степени справедливо, на мой взгляд, писал по этому поводу советолог Эйбрахам Брамберг, американец польского происхождения: „Сказать, пользуясь образным замечанием Збигнева Бжежинского, что Ярузельский действовал „по советской доверенности” — значит не сказать главного. Ярузельский действовал также от имени тех самых темных сил внутри Польши, которые дьявольской хваткой стремятся сохранить свою былую власть и бывшее могущество, которые ничего не пожалеют ради того, чтобы не допустить внутренней демократизации, которые заплатят любую цену, чтобы удержать в своих руках Польшу.”

Или мнение совсем другого человека, одного из руководителей бельгийской компартии, депутата парламента Жака Нажеля, в конце января вернувшегося из Польши. Выступая на пресс-конференции, Нажель сказал: „Разумеется, СССР подливал масла в огонь. Разумеется, СССР усиливал свое идеологическое и дипломатическое давление на Польшу, ..но не это было решающим фак-

тором. Главная причина (введения военного положения — В.Б.) носила внутренний, а не внешний характер... При однопартийной политической системе, — пояснил бельгийский коммунист, — неременным условием демократизации общества является демократизация партии. Но в польской партии засели твердолобые догматики, которые всячески цепляются за власть.”

Вопроса о том, насколько дело здесь было в догматизме, мы коснемся в дальнейшем. Сейчас же отметим, что эти так называемые догматики, а точнее и проще — кадры партаппарата ПОРП, поначалу делали, возможно, ставку на раскол СОЛИДАРНОСТИ, постоянно провоцируя радикальное крыло в профсоюзе выступить против умеренного руководства Валенсы, для чего власти систематически нарушали собственные обязательства и обещания, зафиксированные в многочисленных соглашениях с профсоюзом, или применяли насилие. Например, как то было весной 81 года в Быдгоще, где силы безопасности подвергли жестокому избиению представителей СОЛИДАРНОСТИ и крестьян, или осенью в Силезии, где была отравлена каким-то газом большая группа шахтеров. Разочаровавшись в этой тактике, или параллельно с ней польские власти с благословения советских (кто здесь сказал „А” — неважно!) начали готовить введение военного положения. Середина декабря была избрана, очевидно, в расчете на мороз, зиму, когда бастовать, лишившись к тому же всего руководства, очень тяжело, да еще в преддверии Рождества, святого праздника для религиозных поляков. Здесь необходимо отдавать себе отчет в том, что если бы рабочие смогли ответить на введение военного положения и арест их товарищей, ими избранных в руководящие органы профсоюзов, всеобщей забастовкой, то продолжение военного положения стало бы весьма проблематичным.

Но перейдем к еще более важным вопросам в нашем анализе. Что было самым неожиданным в событиях, последовавших за 13 декабря? Очевидно, это послушность польской армии. Послушность армии, в которой служат дети, братья и отцы поляков, в большинстве своем состоявших членами СОЛИДАРНОСТИ, (или „Сельской солидарности”), католической Церкви и все вместе — членами польской Нации. Когда читаешь подробности в сообщениях и документах из Польши о жестоких расправах с людьми озверевших штурмовых отрядов

„органов безопасности” на глазах и под прикрытием армии и осознаешь, что по сей день не было ни одного случая возмущения среди польских солдат и офицеров, становится очень грустно. Вряд ли будет преувеличением сказать, что такого поведения польской армии не ожидал никто в мире, включая членов СОЛИДАРНОСТИ и их союзников из польской интеллигенции. Все ждали беду только через вторжение и гадали, как оно на этот раз может быть проведено.

Необходимо отметить, что польская армия принесла колоссальное облегчение советскому руководству. Советские войска никогда бы не смогли так неожиданно и чисто „подмести” всех активистов СОЛИДАРНОСТИ и их союзников, и тем парализовать польский рабочий класс. Кроме того, советское вторжение могло бы привести к партизанскому вооруженному сопротивлению, а на международной арене — к неизмеримо более тяжелым для СССР последствиям, нежели сейчас. И что, наверное, важнее всего — „вторжение” польской армии, самооккупация глубоко подрывает дух людей, их веру друг в друга, в *солидарность* народа. О национальном унижении и говорить не приходится. Сейчас уже венгры и чехословаки выглядят куда лучше.

И вот мы подходим к очень важному вопросу: о чем говорит послушность польской армии?

Считалось, что решающими факторами „польского чуда” были польские национализм и религиозность, не имеющие себе равных в других соцстранах. Лех Валенса любил говорить по поводу своих переговоров с властями: „Поляк всегда сможет договориться с поляком!” И вот теперь ясно, что значение упомянутых факторов было преувеличено, как в представлении самих членов СОЛИДАРНОСТИ и их союзников, так и внешних наблюдателей. В порядке грустной шутки можно сказать, что марксизм отомстил полякам за то, что им так напрочь пренебрегали! Классовые интересы (или попросту — шкурные!) вновь оказались сильнее национальных, которые к тому же проявили свою неопределенность. Ярузельский и стоящие за ним поляки считают себя патриотами, спасающими Польшу от советского вторжения и расправы.

И кто знает, как пошли бы события, не будь у польских рабочих иллюзий насчет силы национальной и религиозной солидар-

ности. Как минимум, они могли бы лучше подготовиться к удару Ярузельского. Так считают и многие оставшиеся на свободе активисты СОЛИДАРНОСТИ. В частности, они утверждают, что можно было бы лучше следить за действиями армии и органов безопасности и не допустить захвата почти всех активистов профсоюза, что было главным условием успеха чрезвычайных мер Ярузельского, гарантией против всеобщей забастовки. И кто знает, решились бы власти вообще на военную авантюру, если бы они видели, что СОЛИДАРНОСТЬ готова к отпору, к борьбе. Как не известно, решились бы на вторжение в Чехословакию и советские руководители в 68 году, если бы правительство Дубчека готовило свою страну к сопротивлению.

Некоторые считают, что и там и тут не решились бы!

Но другие думают иначе.

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС в одном из польских репортажей привела слова вышедшего из партии польского коммуниста, члена СОЛИДАРНОСТИ: „Полтора года мы создавали нечто единственное в своем роде и прекрасное. Мы верили: на этот раз нам удастся преобразовать социалистический строй, изменить самый социализм, сделать строй справедливым и жизнеспособным. Теперь я вижу: ЭТОГО НИКОГДА НЕ БУДЕТ! Не может быть коммунизма без танков.”

Тут мы подошли к самому важному, думается, вопросу, поставленному польскими событиями: возможно ли вообще когда-либо какое-либо эволюционное развитие к демократии в соцстранах? Ведь на веру в такую возможность зижделось все правозащитное движение в этих странах. Но если даже в Польше в уникальных условиях, в атмосфере небывалого подъема и единения казалось бы всего общества и при отсутствии угрозы для партаппарата полной потери власти („большой брат” стоял рядом) эволюционное развитие все же оказалось заблокированным, то что же говорить о других странах „реального социализма”, и особенно о возможности эволюции в Советском Союзе?!

Существует, конечно, Чехословацкий пример (68 года), когда само партийное руководство начало демократические реформы. Но мы не знаем, как развернулись бы события, если бы и в Чехословакии дело подошло вплотную к организации самоуправления и передачи органам самоуправления соответствующей власти.

Кроме того, чехословацкая партия была еще относительно молода и потому могла быть еще „засорена” коммунистами-идеалистами первого призыва.

Бельгийский коммунист Жак Нажель называет организаторов военного положения в Польше догматиками. Солженицын видит все зло в самой коммунистической идеологии (что это такое сегодня?), а редакция „Континента” даже написала, что события в Польше являются „новым преступлением международного большевизма, выступившего под маской Военного Совета Национального Спасения.” (РМ, 31.12.81)

Мне же думается, что важнее принять во внимание то, в каком богатстве жили и живут партийно-государственные чиновники (аппаратчики) в Польше. Судя по ставшим известными фактам, они здесь, возможно, превзошли даже своих советских коллег. А люди ведь никогда и нигде, при любых идеологиях и без оных не стремились добровольно уступать свои блага и привилегии. В условиях же недемократических, авторитарных или тоталитарных, кабинеты власти неизбежно заполняются людьми самого низкого уровня нравственности, какой только существует в данном обществе. И за время пребывания в кабинетах власти (в недемократических условиях) уровень нравственности этих людей опускается еще ниже. В этом, очевидно, и все дело.

Значит так или иначе, а эволюционная демократизация соцстран невозможна? Думается, что для категорического негативного ответа — „невозможна!” — нет достаточных оснований. Ведь мы все-таки не знаем, как пошли бы события в Венгрии и Чехословакии, если бы не было советского вторжения. Да и в Польше не знаем, что было бы, будь СОЛИДАРНОСТЬ готова к репрессивному удару властей! Безусловно лишь то, что польские события сокрушают широко распространенные среди диссидентов (особенно советских) примитивные и расплывчатые представления о возможной эволюции к демократии в соцстранах, как о процессе сугубо постепенном, почти стихийном, без хорошо организованных массовых движений и ассоциаций, без четких программ и, главное, без готовности к любым сюрпризам сверху.

Иначе можно сказать, что польские события не дают достаточных оснований говорить о необходимости для сокрушения тоталитарного социализма — полной, классической революции с

применением вооруженного насилия, но достаточно оснований дают сторонникам демократии в соцстранах думать о том, как в будущем предотвратить применение насилия *со стороны властей* в ситуации, аналогичной польской. В этом, вероятно, состоит главный урок „польской зимы“.

Две руки, как мы видим, есть у партаппарата: армия и органы безопасности. Последнюю можно считать правой рукой. С ее помощью главную черную работу по удушению СОЛИДАРНОСТИ провел польский партаппарат, и с ее же помощью армию сохранял в подчинении, вторую свою руку. И задача активистов демократического и рабочего движения в соцстранах состоит, очевидно, в том, чтобы каким-то образом ослабить, если не отрубить правую руку партийной власти с самого начала мирной, „эволюционной“ революции. Говорить сейчас о каких-то конкретных для этого шагах и способах — несерьезно. Все будет зависеть от ситуации. Но для пояснения или наметки можно поставить вопрос, не должно ли в будущем в число главных требований массовых движений (наряду с требованиями о праве на независимые профсоюзы и забастовки) входить и требование роспуска войск ГБМВД и создания общественного контрольного Совета над данными ведомствами (с правом вето и т.д.), комплектуемого выборным путем из представителей главных независимых сил и ассоциаций? Без успеха в этом пункте — теперь это уже должно быть очевидно — бессмысленно идти на соглашения по всем другим требованиям, прекращать забастовочную борьбу и т.д. Любые соглашения и завоевания могут быть в один миг ликвидированы партаппаратным чудовищем о двух руках. Между прочим, рядовой состав милиции может быть заменен через обычный призыв на срочную службу (в милицию!). „Срочный“ служащий, солдат ли, милиционер, всегда много ближе к народу, чем бессрочный. (Плюс контрольный Совет).

В общем же, и здесь марксизм может злорадствовать! Он ведь всегда твердил о необходимости ликвидации чиновничества (в нашем случае — это партаппаратчики!), органов охраны и замены регулярной армии отрядами вооруженного народа (по швейцарскому образцу, например). Все эти три требования вместе — это, конечно, уже полная революция, а одно из них (по поводу охраны) — минимально необходимое условие для поддержания эволюционной демократизации.

Но все это, повторю, говорится лишь для пояснения мысли, по принципу „если бы начинать все сначала!” Однако, как известно, ничего сначала не начинается, и условия не повторяются. Не повторялись они и в интересующих нас предыдущих сходных (по целям) событиях (в Венгрии, Польше, Чехословакии). Повторялся пока, увы, лишь результат: поражение демократического процесса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сейчас уже отчетливо наблюдается привычная картина: в упор не хотят люди или смелости не имеют видеть могильные холмы над похороненными в Польше иллюзиями, особенно люди в российской эмиграции.

Авторитарные националисты не хотят видеть универсального значения польского предостережения по поводу надежд на национализм и религиозность, но и боятся говорить что-либо об уроках по поводу эволюции, чтобы не выказать ненароком, что вообще в нее никогда не верили! Лишь намекают: „Наверно, компартию, взявшую власть, оттеснишь! Кто, когда и где ее оттеснил?”*

И либералы боятся заикнуться на эту тему, по противоположным причинам. Ведь эволюция — их почва!

И в то же время и те и другие рады, что теперь — после 13 декабря — они уже смогут напрочь игнорировать и главный конструктивный урок эпохи „Солидарности”: органическое стремление трудящихся в странах государственного социализма к строю социалистического (на базе групповой собственности на средства производства) самоуправления. Политическая пресса российской эмиграции всех оттенков, до 13 декабря отчаянно старавшаяся не замечать и не отмечать борьбы польских рабочих за самоуправление, теперь уже даже само это слово поспешила забыть, вытеснить из сознания. „Не спутаем: „Солидарность” вдохновлялась вовсе не социализмом, а — христианством.”**

* Из статьи Солженицына „Главный урок”.

** Там же.

Словно и не знают, что даже кардинал Вышинский выступал за социалистическое самоуправление, а Папа Римский специально этому посвятил „энциклику о труде”.

Не знаю как в Польше, но в российской среде неспособность видеть реальность и осознавать уроки истории — сохраняет удручающие масштабы.

РЕАКЦИЯ, РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛИЗМ*

После всех революционных эпох, как правило, наступает реакция, которая вместе с благотворной переоценкой ценностей, идей и идеалов несет с собой упадок духа и новые другого знака крайности, а тем самым — угрозу новых катаклизмов!

В этой склонности кидаться из крайности в крайность, особенно гипертрофированной у интеллигенции в России, видится одно из самых опасных свойств человеческой природы. Сейчас же, тем более в такой стране, как Советский Союз, — атомной супердержаве, подобная реакция представляется особо опасной и для народов СССР, и для всего человечества.

Одним из характерных проявлений нынешней реакции представляется и распространенное в среде советских гуманистов упование на возрождение религии (прежде всего, конечно, православия), как *панацеи* от всех бед как условия *необходимого*

---

* Опубликовано в ж-ле „22” — Израиль, № 9, 79 г.

и достаточного для „спасения России”, а затем и всего мира...

О распространённости такой „реактивной” переоценки *социальной* роли религии в среде советской интеллигенции говорит и факт возрождения попыток создания „новой” рациональной религии без трансцендентного и мистического элемента и соединения подобной религии с социализмом, подведение ее в качестве духовной основы под здание нового гуманного и демократического социализма. В связи с этим феноменом хотелось бы высказать здесь ряд соображений.

Наиболее серьезные усилия по созданию новой рациональной религии и ее соединению с социализмом предпринимает, я думаю, Валентин Турчин в книге „Инерция страха”*

Турчин считает, что социализм и прежде привлекал к себе широчайшие слои людей своей *скрытой* религиозностью.

Таковую Турчин усматривает в направленности социализма к единению людей. Это стремление Турчин считает религиозным. В религиозном чувстве и сознании Турчин видит два компонента: веру в трансцендентность Духа (в Бога, в бессмертие души) и стремление к единению людей. Однако, по мысли Турчина, беда была в том, что идеологи социализма и более всего марксисты отвергали религиозную сущность социализма и стремились придать ему научный характер, насилуя и социализм, и науку. В конечном итоге марксизм сотворил идеологического кентавра — смесь псевдорелигиозного догматизма с псевдонаучным доктринерством, чем безусловно усилил привлекательность своего социализма в эпоху всеобщего почтения ко всему научному.

Турчин полагает, что религиозная суть социализма должна быть признана, и социализм в качестве новой религии (без веры в трансцендентность Духа, в Бога и т.д.) должен придти на смену традиционным, устаревшим, по мнению Турчина, религиям. Социализм должен стать новой и глобальной религией человечества, способствуя интеграции общества на новом, духовном и культурном уровне. На уровне, высшем по сравнению с интеграцией экономической, характерной для капитализма, и механической, насильственной, казарменной, характерной для современного тоталитарного социализма.

---

* Издательство „Хроника-Пресс”, Нью-Йорк, 1977.

На мой взгляд — на взгляд сторонника нового, демократического социализма и человека неверующего — здесь все хорошо, кроме представления о таком социализме, как о новой религии, да еще глобальной. Я вижу в этом неосознанную, может быть, уступку распространенным среди советских диссидентов „реактивным” религиозным настроениям, которые видятся мне часто следствием либо страха перед вновь обретенной внутренней свободой, либо непривычки жить без универсальной, все объясняющей идеологии.

Социализм, думается, может стать новой глобальной религией человечества, как предсказывает Турчин, лишь в том случае, если он действительно обладает имманентной религиозностью. Но нет никаких серьезных оснований для такого представления, если, конечно, не принимать всерьез усилий советской пропаганды заимствовать религиозные формы и методы для воспитания слепой веры в догмы официальной идеологии.

Если не принимать гипотезы о существовании трансцендентных сил, то „религиозное” стремление к единению надо признать вытекающим из природы человека, существа наделенного сознанием и осознающего смертность всего живого, именно из стремления найти защиту от страха перед временем и смертью. „Бог есть боль страха смерти!” — говорит у Достоевского Кириллов. Вся нашу жизнь, все наши усилия в течение всей жизни и каждого дня можно представить, как борьбу со временем, влекущим нас к концу, как стремление наполнить время и тем самым растянуть его и притормозить его бег.

Но как и чем можно наполнить время, находясь в одиночестве? И поэтому нашу жизнь можно представить и как ежеминутную борьбу с одиночеством, с отчуждением всяческим (от людей, общества, истории).

Страх перед Смертью, очевидно, все объясняет в человеческой природе: стремление к Добру и Злу, альтруизм и эгоизм, способность к сопереживанию и бесчувственность, стремление к единению и его антипод — стремление к самоутверждению.

Иными словами, для людей неверующих нет никакого смысла вводить термин „религиозное” для объяснения любых фундаментальных стремлений и потребностей человека. Лишь неосознанность истока этих стремлений может вызвать предположение об их религиозном характере.

В социальной жизни стремлению к самоутверждению соответствует направление к индивидуализму и либерализму, а стремлению к единению — коллективизм и социализм. Но важнейшим мы должны признать стремление к единению. Ибо единение дает человеку и наиболее сильную защиту от страха перед Временем и Смертью, и реальные формы бессмертия: в детях своих (единение в семье), и в делах и памяти людей (единение в обществе). Если человек не ожесточен жизнью, здоров психически, не потерял благорасположения к людям, то и к самоутверждению он стремится *для единения с людьми*, чтобы быть им нужным. И в этом случае самоутверждения ищет, что называется, на добром поприще. Лишь ожесточенный сердцем человек к самоутверждению стремится *для господства над людьми* (на любом поприще!); для удовлетворения своей агрессивности (для отвода вовне своего стремления к смерти — по Фрейду).

И если говорить, что социализм привлекает к себе людей своей скрытой, якобы, религиозностью, то можно сказать, что и религия привлекает своей социалистичностью, так как и она дает людям чувство (или иллюзию) единения или „свободы, равенства и братства”. Заметим снова: если всмотреться в свое подсознание, то именно „братство” здесь самое важное. Свобода и равенство — главным образом необходимые условия для братства.

И религия, и социализм привлекают к себе людей по одной и той же в сущности причине: отвечают стремлению найти защиту от страха перед Временем и Смертью. Но социализм, если стоять на той же точке зрения, всего лишь политическое движение к созданию социальных условий для более полного единения людей. (В идеале даже лозунг марксистского социализма „Пролетарии всех стран — соединяйтесь!” подразумевался как переходный к лозунгу „Люди всех стран — соединяйтесь!”).

Пойдем дальше. И социализм, и религия не только притягивают, но и отталкивают людей по сходной причине! Ущемляют стремление к самоутверждению, к индивидуализму. Нарушают, точнее, нарушали до сих пор гармонию между двумя этими фундаментальными стремлениями человека.

„Если не я за себя, то кто за меня? А если я только за себя, то зачем я?” (Гилель). Либерализм и индивидуализм толкали чело-

века быть только за себя, а социализм и религия* мешали человеку быть за себя. (Протестантство — очевидная попытка снять это противоречие).

И во всех случаях (а не только в одном — социалистическом, как утверждает, например, И. Шафаревич в книге „Социализм“) это приводит к противоречию с природой человека, к глубокой неудовлетворенности и деморализации людей.

И, думается, целью „моделирования“ нового, гуманного и демократического социализма должно быть не воплощение его в новую религию, а разработка и создание такой новой социальной структуры и такого нового социалистического мировоззрения, которые могли бы способствовать нарастанию гармонии между стремлением к самоутверждению и единению. Я разделяю убеждение, которое находит теперь все новых и новых приверженцев, что искомой структурой является общество социалистического самоуправления с особой, высшей представительной демократией в политической сфере и с преимущественно групповой собственностью на средства производства и рыночной системой в экономической сфере.

Участники движения „Третий путь“ в Европе так, к примеру, формулируют цель этого движения: „Оно должно вести нас к большей свободе, *индивидуализму и либерализму* в духовной и культурной жизни, к более широкой демократии в государственной и политической жизни и к новой, ассоциативной, товарищеской форме социализма в хозяйственной жизни“.

Приятно удивляет здесь, что авторы этой формулировки, молодые люди, не прошедшие нашего тоталитарного опыта, не ограничились словом „свобода“, а поняли необходимость добавить, подчеркнуть: „к индивидуализму и либерализму...“ Не побоялись употребить эти презренные для старых социалистов слова!

Но стремление видеть в социализме новую религию Турчин мотивирует еще и следующим соображением. Существует мнение, что якобы одна из главных задач любого мировоззрения — *отыскание* цели жизни. И Турчин, признавая, что только религия способна к этому, хочет видеть в будущем гуманном социализме

---

* Речь идет прежде всего о христианской религии.

новую глобальную религию человечества без веры в Бога, но с верой в абстрактно формулируемую Высшую или Сверхличную Цель.

Однако философия общества социалистического самоуправления (а Турчин в целом сторонник такой системы) не должна, думаю, ставить своей задачей поиск и формулировку Высшей Цели жизни по той простой причине, что она *давно уже известна людям!* Если, конечно, исходить из того, что Цель должна соответствовать человеческой природе, а не чему-то внешнему.

Известный советский врач-хирург Н.Амосов опубликовал в 60-х годах книгу-эссе „Мысли и сердце”. В ней есть такой эпизод. Автор размышляет о своих сотрудниках, задаваясь вопросом: у кого какая цель в жизни? У одного это, скажем, карьера, у другого — семья, у третьего — что-то еще или ничего нет, никакой ясной цели. А про одного из сотрудников Амосов бросает: ну, а ему, впрочем, и не нужна никакая особая цель, потому что он по-настоящему добрый человек!

Вот и все. Вот и сформулирована Высшая и Сверхличная Цель жизни: приумножать Добро в мире, оставить добрый след. Цель, давно известная людям, дающая им защиту от страха перед Временем и Смертью и делающая осмысленными и незфемными все наши остальные, „особые” цели. И иной Высшей Цели человеку не найти. Вопрос состоит в том, *как* ей следовать, и иметь к тому желание, мужество, а также и возможность.*

Поэтому и нет нужды, думается, искать замену традиционным религиям, которые дают в сущности тот же самый ответ, только заменяя слово „Добро” словом „Бог”. Притом, что следовать заветам Бога для верующих оказывается делом столь же трудным, как и заветам Добра для неверующих. Наверное, даже труднее, потому что до конца поверить в Бога и в бессмертие души большинство людей не может — особенно на современном уровне

---

* Понятие Добра, как и Бога, подвержено, разумеется, постоянному развитию, углублению, переосмысливанию и т.д. И так же подчиняется принципу „апофеизма” или несводимости к какому-либо составляющему понятию. Утверждение социализма и нового социалистического мировоззрения (и их эволюция) будут, конечно, способствовать и эволюции понятия Добра, то есть Высшей Цели.

развития и наблюдая творимые в мире ужасы, ужасы, совершаемые, увы, и людьми верующими.

Именно эта невозможность для мыслящего существа *без сомнения* верить в Бога и в загробную жизнь души предопределяет неспособность религии служить панацеей от всех бед. Сомнение это, всегда живущее в подсознании, то есть неполная вера, лишь усиливает напряжение суетных страстей.

Помни о смерти! О страшном Суде! О спасении души! — твердит религия. — А если ничего нет после смерти?!

„Если Бога нет, то все дозволено!“ — Вдумаемся. Ведь нет более страшной и деморализующей формулы. За нею — отчаянное стремление подавить это апокалипсическое *для верующего* сомнение. За нею — неверие верующего!

— Вы верите в бессмертие души? — в глубоком смятении спросил меня однажды пожилой религиозный человек (зная, что я — неверующий). Господи! Как жаль мне стало этого человека. Сомнение противоположное: а вдруг Бог есть? — не разрушает душевного равновесия неверующего и может послужить лишь дополнительным стимулом вести себя достойно!

Но когда опора всех духовных сил в Вере?.. „Если вам труден путь Веры, берегитесь, чтобы он не стал для вас дорогой в ад!“ (Ницше). Есть ли Бог, нет ли его — в любом случае все дозволено!

Выбор в любом случае за нами, за нашей совестью.*

Но, может быть, религия — опора для совести, для нравственного сознания, без которых — теперь это мы уже все понимаем — невозможно создание гуманного социализма? Сомнительно! Окинем взглядом всю кровавую историю религиозных войн и наш повседневный опыт. Слишком много было и есть бессовестных и безнравственных людей среди верующих. А ведь нет ничего страшнее человека верующего, но безнравственного.

Короче, уж коли традиционные религии *сами по себе* не способствуют повышению нравственного уровня в обществе, то чего же

---

* Откуда совесть? От Бога? Сомнительно. Тогда она должна бы быть малость покрепче и пораспространенней! Для меня отсюда главное сомнение в существовании Бога. Ведь наличие совести не уменьшает „дарованной нам Богом“ свободы выбора между Добром и Злом, а увеличивает как компас — свободу путешественника.

ждать от каких-либо новых, *рациональных религий*?* Нам вряд ли есть на что-либо иное надеяться, кроме как на развитие такой социальной структуры, при которой будет расширяться возможность реализации самого важного и великого права человека, права *делать добро!* Права *быть добрым*, и через то добиваться и самоутверждения, и единения с людьми. Без возможности делать добро — реальное и серьезное — только единицы могут оставаться добрыми и порядочными людьми. И бесплодны без этого надежды на нравственное и духовное самоусовершенствование, на внутреннюю свободу и т.п. Если вдуматься, разве не для реализации — в конечном итоге — этого великого права ведется и вся борьба за „частные” права человека?

Наконец, стремление воплотить новое социалистическое мировоззрение в новую глобальную религию человечества представляется не только бесполезным, но и опасным! Ведь вновь может возникнуть соблазн представить это мировоззрение всеохватывающим и самодостаточным, единственно верным и истинным!

Я разделяю точку зрения, что мировоззрение нового социализма не должно быть ничем больше, нежели суммой взглядов и принципов желательного социально-экономического развития в направлении большего соответствия с природой человека. Социализм, зиждящийся на мировоззрении, не претендующем подменить собой религию, не претендующем на глобальность, самодостаточность и универсальность, оставляет свободу для развития любого иного мировоззрения и философии, хотя, конечно, при этом он может оказаться непривлекательным для людей приверженных или привыкших к универсальной идеологии и не приспособленных к плюрализму. Но это и неплохо, что такие люди не будут примыкать к борьбе за новый социализм!

В заключение позволю себе вкратце изложить вывод, сделанный мною в книге „Свобода, власть и собственность”.

---

* Я далек от того, чтобы отрицать позитивную роль религии в истории, в том числе в формировании этических принципов, то есть в осознании природы человека. Но роль эта уже в прошлом, хотя религия помогает и сейчас и будет помогать многим жить и *оставаться людьми*, как, впрочем, помогает и будет помогать другим *оставаться нелюдьми*.

содержащий попытку более широкого обобщения затронутых выше проблем.

Сознание — этот венец творения — дает нам и великую силу: способность к творчеству, к познанию и подчинению природы, — и столь же великую слабость: осознание своей смертности.

Не дано нам лишь познать, сумеет ли и успеет ли человечество создать условия, достаточно защищающие людей от страха перед Временем и Смертью, до очередного пароксизма этого страха, когда будут пущены в ход сокрушительные силы природы, открытые и подчиненные гением человеческого сознания.

Если мы не успеем или не сможем создать такие условия или если это вообще не под силу всем мыслящим существам во Вселенной, тогда мы обречены. И сознание следует признать излишеством, перехлестом природы, а наши надежды на усовершенствование социальных условий — утопией.

Но так как познать судьбу свою и всех мыслящих существ нам не дано, то и не стоит впадать в панику от чего бы то ни было. „Жертвой стать всегда успеешь!”

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ*

(ИЗ СЕРИИ: „ЗАПАДНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ“)

Развалины древнего итальянского города Остии-Антики на меня произвели впечатление даже большее, чем развалины Помпеи. Отчасти, может быть, потому, что попали мы в Остию неожиданно. Мы краем уха услышали, что недалеко от нашего городка Витинии находится Остия-Антика, где интересно погулять, и как-то солнечным зимним днем сели на поезд и приехали туда, совершенно не представляя, что нас ожидает. Вышли мы на станции, пошли по аллее, обсаженной живописными итальянскими соснами, дошли до ворот какого-то парка, купили билеты и пошли дальше, все еще ничего не подозревая. Надписи-то у ворот итальянские мы прочесть не смогли. И вдруг увидели за соснами, что дорога входит в раскопки древнего города: увидели выступающие из земли стены тесно лепящихся друг к другу миниатюрных домов, а под ногами — уже знакомые каменные плиты древних римских дорог, гладко отшлифованные веками. В зазорах и трещинах, расширенных временем, росла трава. Все чаще стали попадаться упавшие или все еще стоящие колонны,

* Опубликовано в еженедельнике „Новый Американец“ — США, №- 107, 82 г.

легкие, светлые, изумительные по своей пропорциональности. И, наконец, мы увидели первые статуи, настоящие шедевры, стоявшие вот так вот просто под открытым небом, — голубым, итальянским небом, — среди молчаливых, спящих вечным сном стен древнего города, поросших травой и кустами. Вокруг не было ни души, стояла глубокая, мягкая тишина, и все было окутано в золотую паутину зимнего, но всегда теплого в Италии солнечного света.

И здесь, не в музейных залах, особенно осязаемой была изумительная красота и гармоничность этих античных скульптур. Здесь они были у себя дома, на своем месте, под своим небом. Буквально физическое наслаждение доставляло созерцание их теплой, почти живой мраморной плоти, хотелось прикоснуться к мрамору пальцами, и невольно вспоминался миф о Пигмалионе. Жутковато становилось при мысли, что все эти скульптуры сделаны несколько тысяч лет назад, когда люди в других местах еще ходили, наверное, в звериных шкурах.

Но, пожалуй, больше всего поразил амфитеатр в центре этого мертвого города. Мы увидели довольно высокие стены, этажа в два—три, с проходами под арками и с каменными лестницами по стенам. Я взбежал по одной из таких лестниц, и мне открылся сразу весь амфитеатр, нисходящие ряды мраморных скамей и внизу, перед подковой амфитеатра я увидел просторную площадку-сцену, обсаженную яркими вечнозелеными соснами с маленькой изящной мраморной колоннадой в центре и группой скульптур, стоявших между соснами и колоннами. Сцена-площадка, зеленая, поросшая травой, была усыпана крупными, круглыми сосновыми шишками, похожими на те, что у нас растут на кедрах. Солнце уже садилось, и его лучи золотили сосны, колонны, статуи. Дух захватывало. Какое тонкое чувство красоты должно было быть у создателей этого театра, какой утонченной культурой должны были обладать люди той невообразимо далекой эпохи! И какой полной жизнью жили они! И вот, остались только камни, и только трава, сосны, и ящерицы живут в их городе, когда-то полном голосов, страстей, мысли, творчества. Тут невольно начинаешь думать о смысле жизни и о необъяснимых никакими пыльными историческими книгами причинах исчезновения древних цивилизаций. Около средневековых или варварских развалин

никогда не возникает такого щемящего недоумения. И как-то я понял, в чем тут дело. Варварские или средневековые руины воспринимаются как нечто промежуточное в развитии, как его низшие ступени, и вполне естественным кажется, что они пришли в упадок, заброшены. Так смотрим мы на пустую куколку, из которой вылупилась бабочка. В развалинах же античных городов мы видим кладбище совершенной, законченной цивилизации, к тому же очень близкой и понятной нам, — театры, стадионы, библиотеки, храмы, водопровод, совершенное искусство и философия, которые и по сей день служат для нас непревзойденными образцами, и тут же — сексуальная мозаика на стенах и публичные дома! И то, что мы находимся сейчас примерно в той же фазе, — усиливает смутнение. Но я не сторонник утверждения, что все возвращается на круги своя, хотя какое-то подобие, конечно, имеется в кругах развития человечества. Но имеются и различия. Наша цивилизация, например, охватывает уже весь мир и в отличие от античной владеет атомной бомбой! Существенное, прямо скажем, отличие. И оно обостряет стремление понять глубинную причину гибели цивилизаций. Нашествие варваров? Но, варвары и нашествия, были во все времена. Значит причина глубже?

И мне думается, что ответ наглядно дает другой памятник древнего Рима — Колизей. Я попал в Колизей вскоре после посещения Остии-Антики. До тех пор я только проезжал или проходил мимо, и Колизей не вызывал у меня особых чувств и мыслей: я видел уже хорошо знакомые мне по открыткам и картинам стены с сотами арок. Но когда я вошел внутрь, я замер, пораженный грандиозностью этого сооружения. Дело в том, что, наверное, половина Колизея находится ниже уровня улиц современного Рима. Я увидел бесчисленные ряды, уходящие вверх к небу по круто изгибающимся стенам, многочисленные арки проходов, и от того, что арена внизу была меньше, чем на наших стадионах, стены с рядами нависали выше и грознее. Но главное было в арене. Ее собственно уже нет, она провалилась, и обнажены подземелья под ареной, в которых содержались дикие звери для натравливания на людей. Все это величественное даже для нашего времени сооружение было сделано в основном для того, чтобы смотреть, как звери разрывают людей или как гладиаторы убивают друг друга! Колизей предстал передо мной как символ страшного

разрыва между мощью технического гения человека и низменностью его нравов. Я увидел, как просвещенные римляне и изящные римлянки, затаив дыхание, со сладострастием в глазах смотрят, как лев перекусывает горло своей жертве или гладиатор добивает мечом своего поверженного товарища. И ради этого создавали свой шедевр древнеримские строители! Ну что ж, был заказ — сидели в своих „НИИ”, чертили, трудились, собирались на совещания, во время „перекуров” рассказывали анекдоты. Потом, наверное, был и банкет по случаю успешной сдачи объекта.

Не здесь ли, не в этом ли ужасающем разрыве между развитием технического знания и умения и нравственностью тех же людей и лежит коренная причина гибели античной и всех других цивилизаций? Безнравственные, неспособные к сопереживанию люди не способны и к самоотверженности, к единению и к лишениям в борьбе с варварами. И, наверное, еще ослабляет глубинное сознание справедливости возмездия. И варваров после Колизея уже трудно осуждать за безжалостное уничтожение римской цивилизации, которая находила наслаждение в мученической смерти рабов. Мне вспомнились тогда слова Андрея Амальрика, которыми он заканчивает свою книгу „Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?”

„Если бы футурологи существовали в императорском Риме, где строились уже 6-ти этажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, то в пятом веке они предсказали бы на ближайшее столетие строительство 20-ти этажных зданий и промышленное применение паровых машин. Однако, как мы уже знаем, в шестом веке на Форуме паслись козы, как сейчас у меня под окном в деревне”.

Конечно, те жестокие века не прошли совсем бесследно, и люди сейчас не наслаждаются на стадионах зрелищем убийств, но ... смотрят на подобное с удовольствием в кино, читают в комиксах — рекламами и афишами этого искусства обклеены все стены Рима — или ... проектируют в НИИ лагеря и психбольницы для мучительного уничтожения инакомыслящих людей, и ракеты с ядерными головками, которые страшнее варварских полчищ.

**II. СОВЕТСКОЕ
ДИССИДЕНТСТВО И
РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ**

ВАЖНЕЙШИЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР*

Такими важнейшими вопросами в нашей анкете представляются вопросы I-го раздела („Анализ”) и вопросы о желательности и методах отделения от СССР. От ответов на эти вопросы, как показывают дискуссии, зависит как минимум искренность сотрудничества нерусских диссидентов с русскими. Вопросы эти играют роль лакмусовой бумажки для выявления скрытых или неосознанных имперских, великорусских настроений. Попробую пояснить это методом отстранения.

Вопросы анализа:

1. [«Ответствен ли русский народ за угнетение и присоединение других народов?»]

* Комментарий к анкете по национальным вопросам, составленной автором совместно с Л.Алексеевой. Анкета была проведена журналом „Сучасность” в 1980 году. Ряд ответов и анализ всех остальных ответов были опубликованы в ж-ле „Сучасность” №11 за 80 год. Данный комментарий был опубликован в „Сучасности” №12 за 80г.

Большинство ответов гласило: „Нет, не ответственен!”

Попробуем представить. Германия победила во второй мировой войне и оккупировала Россию. Прошли годы, нацизм стал дряхлеть, появились немецкие диссиденты, и мы спрашиваем их мнение об ответственности немецкого народа. И получаем: „Нет, не ответственен!” или: „Ответственна только НСРПГ” (Национал-социалистическая Рабочая Партия Германии) и т.п. А иные немцы нам строго выговаривают: „Так вопрос и ставить нельзя! Ни один народ никогда не бывал ответственен... Это, мол, расизмом даже пахнет! И жестокости творили не немецкие люди, а фашистские или фашизированные (сравни: „советизированные”!). Немецкий народ был первой жертвой нацизма и пострадал от него не меньше других народов, а то и больше!”

Нетрудно вообразить, как нам было бы легко и приятно сотрудничать с такими немецкими диссидентами.

Предвидится возражение: широкие слои русского народа сопротивлялись большевизму.

Но и немцы далеко не все добровольно приняли нацизм. Вспомним выборы 33-го года, и обстановку накануне — страшный кризис с колоссальной безработицей, и роль Сталина, не позволившего коммунистам Германии объединиться с социал-демократами, и массовые репрессии против социал-демократов, коммунистов, профсоюзников, священников и т.д. Не забудем и то, что Гитлер получил в руки сильный, неразрушенный государственный и полицейский аппарат, а народ не был вооружен. (Как в России, вступившей в „смутное” время 17—21 гг. из войны). Однако, это не может служить оправданием тому факту, что впоследствии большая часть немцев на совесть трудилась и воевала для создания Империи.

Да, значительная часть русского народа после 17-го года вставала и протестовала, но против чего? Против Брестского мира (когда земли отдавались!). Против продразверстки, ликвидации профсоюзов, гонений на религию, против коллективизации и т.д., но что-то не припомнить, кто среди русских сопротивлялся или хотя бы протестовал, когда большевики земли нерусские забирали обратно? (Под лозунгом интернационализма и свободы самоопределения!) А Белое движение вообще боролось под лозунгом „Единой и неделимой!”

2. [«Угнетен ли национально русский народ?»]

Много было ответов: „Конечно, угнетен. И даже больше всех. Угнетен потому, что русская культура подавляется, уродуется и усекается властью, которая нерусская, а безнациональная по характеру.”

Но тут напрашивается ряд вопросов. А при царизме русская культура не страдала, пускай и в меньших масштабах? И властвовавший слой с немецким клином в царской фамилии и с дворянством, говорившем по-французски лучше, чем по-русски, — был более „национален”, чем нынешняя русско-советская знать? И господство государства над церковью не наносило урона религии?

Или нацисты — разве они не уродовали и не усекали немецкую культуру? А хойменисты сейчас — подарок для иранской культуры? Так что же, выходит русские при царизме и немцы при нацизме испытывали национальное угнетение, а иранцы испытывают его сейчас?

Конечно, если расширять до абсурда понятие национального угнетения и ущерба, то можно сказать, что любой авторитарный режим антинационален. И чем такой режим жестче, тем более антинационален. Но как раз именно авторитарный режим навязывать своему народу рука не дрогнет у русских националистов!

3. [«Кто находится в худших социальноэкономических условиях, русский народ или другие народы СССР?»]

И на этот вопрос многие отвечали, что хуже всего русскому народу, или в лучшем случае всем, мол, одинаково плохо, а иные отговариваются, что тут необходимо специальное исследование, статистика и т.п. Но неужели необходимо исследование, чтобы с уверенностью сказать, что уж по крайней-то мере выселенным, а также вымирающим народам (Севера и Сибири) живется наверняка хуже, чем русским. Но никто из страдающих русскому народу как наиболее бедствующему никогда об этих народах и не вспоминает! Или это не народы?

Далее, уровень жизни этими людьми понимается предельно узко, как для дикарей отождествляется с уровнем материально — пищевого довольствия. А ведь наверное первый вопрос для современного человека — это возможность иметь интересную работу. Где таких возможностей больше, без исследования никак нельзя определить? Может быть, все-таки в РСФСР, где сос-

редоточена большая часть научно-исследовательских и гуманитарных учреждений и институтов, и сложной современной промышленности? В мусульманских же республиках и районах сейчас вообще нарастает безработица! А что значит быть безработным в СССР, все мы хорошо знаем.

Точно так же без исследований известно, что там где больше промышленности и науки, там больше и лучше строится жилье — вторая важнейшая компонента уровня жизни в СССР.

Следующим по значению, думается, идет уровень образования и медобслуживания. Где он выше, и говорить не приходится. Относительно образования, в частности, следовало бы еще помнить, что русским нигде не приходится учиться по учебникам, скажем, на украинском или татарском языках! И русские — единственные, кто везде в СССР могут и говорить на родном языке, и детей учить в русских школах. Или это не относится к жизненному уровню современного человека?

А вот где действительно необходимо специальное исследование и честная статистика, так это для определения уровня „денежно-пищевого и вещевого довольствия”. Статистика может дать здесь самые неожиданные результаты. Особенно, если не забывать, что доля сельского населения среди русских самая низкая в СССР: сейчас уже около 20%. Те, кто указывают на тяжелое положение русского села, упускают из виду, что и в „национально неугнетенной царской России сельское население тоже жило хуже, чем в *плодородных* нерусских землях. Но крестьянство тогда составляло около 80% населения России!

Исключение почти во всем составляют три маленькие прибалтийские республики, жизненный уровень которых без сомнения самый высокий в СССР. Но и тут надо учитывать, что прибалты имеют право включить в социально-экономические условия, в которых они находятся, практику выселения и замены коренного населения в их республиках, направленную на относительно быструю *ликвидацию* прибалтийских народов. Это сразу ставит и прибалтийские народы в худшее положение по сравнению с русским народом.

Миф о том, что русский народ подвергается национальному угнетению и живет хуже всех в СССР, удобен, конечно, для избавления от чувства ответственности или для обоснования скры-

тых имперских поползновений. Но тем, кто бездумно повторяет этот миф, настаивая на нем из благих намерений уменьшить таким образом зависть и неприязнь к русским, тем стоит задуматься над словами видного литовского диссидента Бориса Гаяускаса о Сахарове: „Я впервые не увидел в русском оккупанта!” *Впервые* — это, наверно, некоторое полемическое преувеличение, и все же!

Напомню в связи с этим, что писал Сахаров по интересующему нас вопросу в ответе на „Письмо вождям” Солженицына:

„Вызывает беспокойство и чувство неудовлетворенности то, что Солженицын особо выделяет страдания и жертвы именно русского народа... Но ведь все мы знаем, что ужасы гражданской войны, раскулачивания, голода, террора, отечественной войны, неслыханных в истории антинародных жестоких репрессий, миллионов вернувшихся из плена, преследования верующих — что все это совершенно в одинаковой мере коснулось и русских и нерусских подданных советской державы. А такие акции, как насильственная депортация-геноцид, как борьба с национально-освободительными движениями, подавление национальной культуры — это даже в основном привилегия именно нерусских. А сегодня мы узнаем, что все школьники Узбекистана многие месяцы вынуждены проводить вместо учебы на хлопковых плантациях, и почти поголовно больны от вдыхания гербицидов.”*

Нетрудно после этого понять, почему Гаяускас не увидел в Сахарове оккупанта.

ВОПРОСЫ О ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ И МЕТОДАХ ОТДЕЛЕНИЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ

Сегодня мало кто решится открыто отвергать право на отделение народов СССР от России. Но если русский диссидент

* „О письме Александра Солженицына „Вождям Советского Союза”.

смотрит на возможность отделения как на беду, а то и гибель для России (см., например, статьи И. Шафаревича в сборнике „Из-под глыб“), отождествляя ее с СССР, то разумеется у нерусских диссидентов возникает подозрение, что дай такому власть, и он вновь все сделает, чтобы оставить национальные права красоваться по-прежнему лишь на бумаге.

Еще более разрушительным для сотрудничества с нерусскими диссидентами представляется требование предварительного проведения референдума по вопросу об отделении. Мы, мол, не против отделения, но только надо *сначала* спросить, узнать — хотят ли те или иные народы отделяться!

Но „сначала” — это значит до отделения и, стало быть, до вывода московской администрации и войск!

Требование предварительного референдума в лучшем случае объясняется неспособностью поставить себя на место нерусских народов, представить над собой постоянную опеку и руководство другого народа. Интересно, что русским националистам небезразлично даже то, что, по слухам, у Брежнева, например, жена еврейка, и что сам он, якобы, происходит из украинских болгар(!), и что вообще, мол, в ЦК КПСС сейчас преобладают украинцы.

Русские националисты, требующие предварительного референдума, цинично надеются про себя, что процесс русификации и депортации коренного населения, по крайней мере у „братских” славянских народов, зашел уже так далеко, что национальное самосознание окажется у них слишком слабым.

Может быть, их надежды и оправдаются. Особенно, если „советская” власть продержится еще долго. И здесь надо отдать должное русским оппозиционным националистам, находящимся в стране. Они, в отличие от своих коллег в эмиграции, без лицемерия восхваляют политику советской власти во все времена как русскую политику. Журнал „Вече”, например, (№ 7, октябрь 72 г.) передовицу, посвященную 50-летию образования СССР, озаглавил: „Русское решение национального вопроса”. „Новая федерация народов была создана по-русски.” — писалось в передовице. Критикуют они советские власти лишь за непоследовательность в национальной политике. Так, тот же „ВЕЧЕ” (№ 8) вновь в редакционной статье критикует Сталина за уход из Дальнего и Порт-Артура и из Северного Ирана, как, впрочем, и царское правительство — за продажу Аляски.

Из ответов на вопросы анкеты я приведу три образца, дополнительно характеризующих русское националистическое направление и его „объединяющее” воздействие.

Приведу выдержки из ответов А.Федосеева (Лондон), В.Максимова (Париж) и Е.Вагина (Рим).

На вопрос: [«Среди кого более популярен [или непопулярен] существующий строй? Или: среди каких народов СССР он находит большую опору?»] — *А.Федосеев* дает ответ: „Существующий строй непопулярен для всех и сверху донизу. Однако выбора нет. Больше выгод от него имеют нерусские народы и, особенно, еврейский.”

В предисловии к анкете писалось, что „большинство адресатов опрашиваемых — русские диссиденты, т.к. власти в СССР почти полностью пресекают эмиграцию диссидентов из нерусских республик”.

По этому поводу *В.Максимов* (в графе „особые замечания”) пишет: „Не согласен с тем, что „власти почти полностью пресекают эмиграцию диссидентов из нерусских республик... Представители украинского демократического сопротивления выезжают один за другим (или их высылают). Все, на мой взгляд, зависит от активности движения, а не от его географического местопребывания.”*

Е.Вагин по этому же поводу: „Я на Западе вот уже три года. Регулярно слежу за эмигрантской прессой на русском языке, мне довелось участвовать во многих представительных встречах инакомыслящих из Советского Союза — и я никак не вижу, чтобы даже относительное большинство их были именно *русскими*. Смею утверждать, что из числа выехавших за пределы СССР в последние годы русских как таковых — абсолютное меньшинство. Во избежание дальнейших недоразумений в попытках решения столь важных вопросов, как поднимаемые в Вашей анкете, желательно было бы уточнить заранее, кого именно Вы называете *русскими диссидентами*: каковы критерии „русскости”, прини-

---

* По данным Московской группы Хельсинки и Русского Общественного Фонда помощи политзаключенным и их семьям — на 79-й год, среди заключенных диссиденты из нерусских республик составляют 80%. Из них 36% украинцев (в составе населения СССР украинцев — 16%) и 20% литовцев (1% от населения СССР). Русских — около 20%. Это к вопросу об активности.

маемые составителями анкеты? Поскольку вся она посвящена национальной проблеме, вопрос мой не праздный и требует ясного ответа.”

Е. Вагин не счел здесь нужным объяснить „критерий русскости”, которого он сам придерживается. Но из других выступлений Вагина известно, что он придерживается „критерия Достоевского”: „Кто не православный, тот не русский!” Поэтому, очевидно, отвечая на вопрос нашей анкеты о своей национальности, Вагин написал: „русский и православный”. Исходя из такого комбинированного критерия, — (кровь плюс религия), можно по праву утверждать, что русских среди политических эмигрантов из СССР очень мало. Загвоздка здесь лишь в том, что при таком критерии их и в самой России окажется немногим больше. И в их число не попадут такие, например, люди, как А.Сахаров или Ю.Орлов.

ФЕНОМЕН СОЛЖЕНИЦЫНА *

Много уже написано критического о взглядах Солженицына. Можно сказать, что Солженицын в двух своих ипостасях: с одной стороны — большого писателя и обличителя тоталитаризма, а с другой — реакционного утописта, — послан нам, людям России, как соблазн!, как испытание и проверка, насколько мы преодолели свое культовое мышление. И вот, если снять с глаз культовые очки, приходишь к выводу, что мы не видим или боимся увидеть самое важное и самое простое в феномене Солженицына.

Уже в одном из первых выступлений Солженицына на Западе многих поразило его высказывание, что он де еще в Нобелевской лекции предупреждал западный мир о грозящей ему опасности как с внешней стороны, со стороны СССР, так и с внутренней — от деморализации западного общества. Однако, сказал Солженицын, прошло уже *много времени* (около двух лет!), а ничего на Западе не изменилось: его не услышали или не поняли.**

* Опубликована в еженедельнике „Новый Американец” — США, N^o- 110, 82 г.

** И отсюда уже вскоре — анафема бездуховной, материалистической западной демократии и цивилизации.

Ого! — подумалось, какое же понятие нужно иметь о себе, чтобы так говорить и думать. Но на втором плане остался более важный вопрос: какое нереальное нужно иметь понятие о людях, чтобы всерьез рассчитывать на немедленную и прямую их реакцию на какие бы то ни было слова? При всем уважении к „великой силе слова”.

Далее, на пресс-конференции в Стокгольме, в ноябре 74 года, Солженицын говорил: „Спрашивают меня, сколько понадобится на это поколений? (на свершение „нравственной революции” по Солженицыну. — В.Б.) Вот знаете, когда в нашем Самиздате выходы указывают такие: развивать культуру, думать, — вот на это нужно тысячу лет, чтобы таким образом сбить советский режим. И когда братья Медведевы предлагают ждать смягчения, которое, наверно, наступит при следующем поколении руководителей — вот там идет счет, действительно, на поколения. В том пути, который *предлагаю я*, счета на поколения нет... Если оно (нравственное возрождение — В.Б.) начнется хотя бы в десятках тысяч, то оно преобразит нашу страну *в месяцы, а не в годы*. Оно произведет лавинное движение... Если оно *в ближайшие годы* не начнется, — подчеркивал Солженицын свою уверенность, — я признаю, что я предложил неосуществимый путь, *и тогда нечего ждать!*” (Подчеркнуто мною — В.Б.)

Многие вообще не читали этого интервью, а те, которые читали, постарались не вдумываться: увлекся! темперамент!

Но это были не случайные слова, а серьезное убеждение. Через 5 лет Солженицын доказал это, признав в интервью ВВС (апрель 79 г.), что движение русского общества по указанному им пути „оказалось медленней, чем он ждал”. („Вестник РХД” № 127, стр. 293) Но, судя по всему, веры в свое пророчество Солженицын не потерял и обещанного признания своей неправоты также не сделал.

Вспомним теперь Льва Шестова — „Добро и зло в учении гр. Л.Толстого и Ф.Нитше.” (Если бы речь шла, скажем, о каком-нибудь нашем ничем не знаменитом соседе или знакомом, то Шестов с Толстым и Ницше нам бы не понадобились!)

Итак, Шестов, ведя речь о проповеди Толстым своего учения, приводит толстовские слова, что его учение не только спасет Россию (а за ней, разумеется, и весь мир), но и что „*это будет очень*

скоро!" Шестов доказывает, что проповедь Толстого, как и проповедь Ницше, были для обоих лишь попыткой спастись, отгородиться от „страшных вопросов" жизни и смерти без Бога. Допустим, что это так. Но при чем тогда: „это будет очень скоро"? Ницше, между прочим, подобного успеха не предрекал своему учению! Повторим, ведь для того, чтобы на подобное рассчитывать, надо напрочь потерять *здоровое* представление о реальности, о реальных людях и истории. Если бы наш ничем не прославленный сосед стал говорить нечто подобное, что бы мы подумали? Страшно вымолвить? Что, сосед не написал „Войны и мира" или „Архипелага Гулаг"? Верно. Но, во-первых, кому, как не великим писателям и надлежит понимать природу людей, которая дает так мало оснований для любых радужных надежд. Что они сами, эти писатели, прежде столь убедительно и показывали в своих произведениях! А, во-вторых, когда начал проповедовать и пророчествовать Толстой? После „Войны и мира" и „Анны Карениной", принесших ему *абсолютную*, можно сказать, непререкаемую, оглушительную славу. И соответственно так же датируется начало подобной проповедческой деятельности и у Солженицына с этим сакраментальным „будет очень скоро".

Вывод однозначен: перед нами *помрачение рассудка*. Солженицын, как и Толстой, очевидно, не выдержал удара абсолютной славы. Рассудок человека, вероятно, не способен, как правило, выдерживать такой абсолютной славы, как и абсолютной власти. Всегда связанной со славой, пускай и возвращенной на лести. (Слабые умом и духом могут потерять рассудок и от ограниченной славы и власти, как и от неожиданного богатства.)

Молясь на живого человека, как мы раньше молились на Солженицына, мы рискуем обречь своего кумира на безумие, тем более трудно распознаваемое, чем талантливее был до того наш кумир. Безумие в этом случае облекается в яркую, завораживающую форму и перемешивается с элементами подлинного провидения.

Но попробуем теперь, отставив в сторону безусловный симптом умопомрачения („Это будет очень скоро"!) и завораживающую форму с вкраплениями истины, попробуем отстраненно взглянуть на самую суть учения и проповеди Толстого и Солженицына.

Стоит людям, — учил один, — начать буквально выполнять заповеди Евангелия и заниматься физическим трудом; жить не по лжи, — учит другой, — и не поддерживать ложь, (ведь это так просто, и не требует от нас больших жертв: ну, может быть, дети не смогут учиться, да придется посидеть на хлебе и воде, но ведь „хлеб да вода — молодецкая еда“!) — зато мир тотчас же и только от одного этого перевернется, зло рухнет, добро восторжествует! Разве это тоже не помрачение рассудка? Особенно, повторим, у людей, которые раньше способны были видеть глубины человеческой психологии, со всеми демонами и бесами там обитающими, пороками или слабостями, которые оставляют очень мало почвы для пионерского оптимизма.

Мы выделили здесь главные и схожие конструктивные элементы в обеих проповедях. Но в них содержатся и элементы деструктивные, и тут же выступает значительное различие между этими проповедями. Деструктивные элементы у Толстого — призывы отбросить старую, элитарную структуру, включая и прежнее творчество самого Толстого, — будучи столь же беспочвенными, как и его конструктивные элементы, не представляли реальной опасности. Но этого уже нельзя сказать о деструктивных моментах в проповеди Солженицына: о великорусском национализме и антисемитизме, анафеме Западу и „западной“ демократии, и огульной ненависти к интеллигенции. Эти элементы имеют потенциальную почву в деморализованных и озлобленных слоях русского народа, а также в среде власть имущих, и при благоприятных условиях могут дать кровавые всходы. „Могут обернуться трагедией,“ — как предупреждает Сахаров.

Одной рукой выводя призывы „жить не по лжи“, другой — Солженицын сеет ложь безумную, но и не безопасную! Взять хотя бы образ Израиля Парвуса у Солженицына („Ленин в Цюрихе“) — дьяволоподобного еврея, ненавистника России, немецкого шпиона, спекулянта и сексуального маньяка, которого Солженицын представляет главным злым духом России, идейным вождем всех трех русских революций (от 905 года до октябрьской 17-го) и Ленина! В жилах которого, впрочем, тоже всего лишь четвертушка русской крови! Следуя этой линии, Солженицын обвиняет и Сахарова в том, что он находится под влиянием сородичей Парвуса, „чужих стране...думающих как всегда о своем...

Уступая (их) чужим замыслам, Сахаров ломает фронт, сдает уже взятые позиции, всеобщие права человека меняет на свободу одной лишь эмиграции, (опять же для одних лишь евреев)...ломает бой, лишает нас главного успеха. („Бодался теленок с дубом”, стр. 403—404).

Продолжая эту линию, критику со стороны Сахарова „Письма к вождям” Солженицын объясняет тем, что „Сахаров стал выразителем того слоя, который без гнева не может слышать слов „русское национальное возрождение.” („Континент” № 2, стр. 356—59)

Видимо, помрачение рассудка ослабило моральные тормоза у Солженицына и выпустило все злые чувства из подсознания, где они сформировались в ранний период его жизни под воздействием каких-то обстоятельств.

Говоря здесь о помрачении рассудка, я имею в виду *наведенное* (славой или властью), а не патологическое расстройство. Имею в виду, расстройство, которое нельзя с точки зрения медицинской и юридической квалифицировать как неменяемое состояние. Нельзя, например, утверждать, что Сталин был настоящим шизофреником, параноиком. Настоящий шизофреник никогда бы не смог и к власти пробиться, и так ее абсолютизировать, и столь долго у власти держаться. „Паранойя — причудливое соединение мании величия с манией преследования”. — Верно. Но как было тому и другому не войти в сознание Сталина *извне, из его положения?* Мания величия — от тотального восхваления и лести, мания преследования — от страха перед миллионами своих жертв, перед людьми, которых по воле Сталина обрекали на всяческие мучения, уничтожали их близких. Поведение и психика Сталина были *адекватны* его положению, и в резонанс ужесточали друг друга. И поэтому с медицинско-юридической точки зрения его, как и Гитлера, никак нельзя признать больным и неменяемым. Но тем не менее, Сталин, как и Гитлер, были безумцами, маньяками. И ответственность за это их безумие лежит не только и не столько на них самих, сколько на обществе, которое столь бездумно или из сиюминутных шкурных интересов возвеличивало их тогда, когда их еще можно было успокоить, отстранить и остановить.

Не равняя, разумеется, Сталина и Гитлера с Толстым и Солженицыным, мы подчеркиваем здесь лишь общий механизм

наведенного помрачения или ослепления рассудка. Здесь можно также рассмотреть различие между человеком, ослепленным и обезумевшим от власти или славы, и нашим гипотетическим соседом, у которого сходное помрачение рассудка должно уже иметь чисто патологический характер. Однако мы должны помнить при этом, что наведенное безумие (славой или властью) объективно опаснее для общества, нежели патологическое.

Не сотвори себе кумира, гласит известная заповедь иудейской религии. Культ любой личности представляет собой, видимо, и культивирование безумия данной личности.

ДОПОЛНЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Очень трудно в подобных случаях „все сказать”. Я перечитал написанное мною — и о Солженицыне, и до того о русских националистах. И понял, что это не только не все, но, может быть, самого важного еще не сказано.

Многие наши либералы сейчас для самоуспокоения вспоминают Достоевского: он ведь тоже, мол, грешил по части великодержавности и юдофобства, однако... А что, между прочим, „однако”? Или развитие России пошло в другую сторону? Но, главное, забывается весьма существенное обстоятельство: Достоевский жил до Освенцима и Воркуты! Одно дело — авторитаризм, национализм и антисемитизм до Гитлера и Сталина, другое — после. Даже они могли еще не до конца понимать, к чему придет их дело, начиная его. Но теперь-то этого уже нельзя не понимать! Не случайно рецидив осуждается в 2—3 раза строже, чем первое преступление. Забывается это обстоятельство, или, может быть, просто духа не хватает об этом думать и говорить?

Но как бы там ни было, стыдно полемизировать с Солженицыным и его людьми, одновременно помогая им делать

вид, словно не было Гитлера и Сталина и подобных же дискуссий в прошлом.

Никто не обращает внимания и на то поразительное обстоятельство, что Солженицын с его окружением, выпячивая негативную роль Ленина, точнее, Парвуса — Ленина — Троцкого и прочих „иностранцев”, изливая на них весь свой священный гнев, все более и более „зыбывают”, заслоняют и вытесняют роль Сталина. В.Осипов, так тот откровенно писал, что переменял в лучшую сторону свое мнение о Сталине, который, мол, „пресек антирусский шабаш троцкистов.” („Площадь Маяковского”).

Чем вызвано это „вытеснение” роли Сталина? Очевидно тем, что она мешает антисемитской пропаганде. Ведь уж очень трудно сказать, что у Сталина было еврейское окружение. Кроме того, русские националисты понимают, наверное, что прибавить к числу „насилльников” — после немцев на службе у царей, евреев и латышей на службе у советской власти — еще и грузин, будет „замного”. Что это за девушка, которую все, кому не лень, насилуют?!

И уж совсем великолепно то обстоятельство, что за именами, биографиями и фотографиями чекистских палачей-евреев Солженицын и его люди „забывают” (кроме тысяч других русских имен) имя, биографию и фотографию Ежова. А ведь именно Ежов проводил массовое истребление именно русского народа.

На его счету более 10 миллионов репрессированных. Здесь он ни с кем из подручных Сталина не соизмерим, даже с Берией. Но Солженицын, подсчитывающий уже в „Архипелаге” — сколько жертв в среднем приходится на душу евреев-чекистов от Фирина до Сольца, „забывает” прикинуть жертвы Ежова, у которого пока еще никто не обнаружил ни одной четвертушки нерусской крови.

И здесь снова более всего постыдно то, что оппоненты Солженицына не замечают этой его забывчивости.*

---

* Косвенный ответ Солженицыну и русским оппозиционным антисемитам дает здесь польская СОЛИДАРНОСТЬ. (См. приложение на стр. 142)

Но и это еще не все. Когда Хоймени и его единомышленники устанавливают авторитарно-клерикальный режим в стране с почти поголовно религиозным населением, еще не вырвавшимся до конца из средневековья, — это одно. Но когда такой же точно режим русскими людьми навязывается русскому народу, религиозность которого и в прошлом-то была сомнительной, а теперь на 70% минимум неверующего, навязывается народу Пушкина и Мандельштама, Толстого и Солженицына (писателя), Чайковского и Шостаковича, Герцена и Сахарова, навязывается стране, в которой 100 языков, и которая столько уже выстрадала от „тысячелетнего“ гнета авторитаризма всех типов, от ханского до генсековского, то это — совсем другое! Вспоминаются слова одного югослава, который сказал моему знакомому, узнав что он из России: „Русские — сильный народ, только вот голова у них слабая!“ Или, я спросил Томаса Венцлову, одного из ведущих правозащитников Литвы, не подходит ли для Литвы авторитарно-клерикальный строй, учитывая, что литовский народ куда более религиозен, нежели русский, и тоже не имел серьезной демократии в прошлом? Венцлова ответил: „У нас никто из диссидентов даже и не ставит под сомнение демократическое будущее нашей страны!“

И страх охватывает при мысли, что 60-летняя рубка лучших голов с развращением остальных, быть может, действительно не прошла даром. Не привело ли это уже к какому-то умственному, а то и генетическому вырождению? Если не всего народа, то интеллигенции, особенно гуманитарной, и, конечно, не только русской. А ведь без нее-то, без интеллигенции все-таки трудно обойтись.

Когда я жил в Советском Союзе, жизнь часто казалась мне невозможной, но страха перед „этой страной“ я никогда не испытывал. Слабость головы у руководящих кадров легко можно было объяснить социальной селекцией. Но когда эта слабость проявляется и среди диссидентов, да еще самых великих, претендующих быть духовными вождями народа, становится не по себе, и то и дело накатывает страх за будущее „этой страны“, как-никак моей родины. (От которой мне уже поздно отказываться. Все равно, что отказываться от своей личности. Хотя этого и требуют от меня со всех сторон русско-советские националисты и советско-еврейские сионисты.) Раньше я думал, что самое опасное — это моральная деградация советской интеллигенции и выходящих из нее дисси-

дентов. Но моральную деградацию все-таки можно преодолеть, а умственную?

Снова и снова задаешь себе вопрос: как можно не видеть, во что неизбежно должен трансформироваться авторитарно-клерикальный националистический строй в такой стране, как современная Россия? Как можно не понимать, что хойменизм в Иране покажется бледной тенью по сравнению с тем, во что он может вылиться в России? Хотя бы из-за слабой религиозности русских, которую придется навязывать силой, и прочего несоответствия.

Успокаиваешь себя: но ведь ничего не выйдет из этого направления именно потому, что Россия — не Иран. Пускай так. Но ведь умственная-то слабость все равно остается. И если она широко распространена, а ее симптомов хватает во всех диссидентских направлениях, то может ли вообще выйти что-нибудь путное в России?

Конечно, с этим страхом надо и можно бороться. Никому не дано наперед знать, насколько широка и необратима умственная деградация в России. Слава Богу, существуют в России и такие люди, как Сахаров или Орлов, и те круги интеллигенции, невольными выразителями которых они являются (и далеко не из одних евреев эти круги состоят). И существует инженерно-рабочий слой, который, может быть, сможет в условиях либерализации дать интеллигенции здоровое головой пополнение. Надежда, конечно, остается.

Диссиденты-демократы доказывают, что демократический строй лучше, чем авторитарный, и что Россия для демократии созрела или созревает. Солженицын и его люди доказывают обратное.

А ведь, казалось бы, нетрудно понять, что никакого авторитарного строя в современных развитых странах вообще быть не может. Люди слишком уж образованы, и все виды деятельности так развиты, что обществу очень трудно обойтись без свободной

инициативы и коллегиальных демократических форм руководства. Поэтому в *развитых* странах, к которым и СССР худо ли бедно относится, *авторитарный строй может „существовать” лишь в виде тоталитарного*. То есть, когда стремление людей к инициативе парализуется мощнейшим аппаратом репрессий и наркомом какого-либо „единственно верного учения” или религии. Поэтому и возникали в Европе в XX веке одни лишь тоталитарные режимы: коммунистический, фашистский, нацистский. Для развитых стран время авторитарных режимов, видимо, безвозвратно кануло в лету.

И последнее. О защитниках.

Как много уже находится волонтеров защищать сильных мира эмигрантского. И более всего, конечно, Солженицына. На одного критика — пять защитников. И с каким знакомым рвением это делается, какими знакомыми методами!

Характерный свежий пример — статья М.Геллера в защиту Солженицына от критики М.Михайлова. („Континент” №- 28) Кроме обычного: глупости, грубого искажения позиции оппонента — в статье Геллера присутствует еще и смелость порученца, которому сверху дали добро — не церемониться! И он усердствует, бьет „самого Михайлова” так, словно перед ним какой-нибудь свой, „рядовой”, инакомыслящий-отщепенец.

На фоне усердной защиты новых вождей эмиграции вновь и вновь поражает тот факт, что никого в российском диссидентстве не нашлось, чтобы защитить Сахарова от *черносотенных* инсинуаций Солженицына (на предмет того, что Сахаров „по известной своей склонности” стал „выразителем” заклятых врагов „русского национального возрождения”, соплеменников Парвуса, „сломав фронт” и т.д.) Не потому ли и не нашлось, что здесь уже нельзя было бы уклониться от разговора о самом главном в проповедях и публицистике Солженицына, а именно: об аморальности,

бесчестности и антисемитизме *нацистской* пробы? (То есть когда евреев представляют не какими-то там плохими людьми, а губителями народа.) А ведь еще совсем недавно, т а м, большинство политических эмигрантов были, казалось бы, не из робкого десятка. Может быть, все дело в том, что советская жизнь лишает большинство людей чувства собственного достоинства? Героем без него можно стать, особенно в толпе, в порыве, на фронте, но в „мирной” жизни удержаться от лакейства, видимо, очень трудно.

Надо заметить, что тут (в защите Сахарова от инсинуаций Солженицына) необходимо было коллективное выступление диссидентов. Большинства диссидентов, или большинства лидеров движения. И встает еще один тяжелый вопрос. Не найдя ума и смелости защитить должным образом Сахарова, не показало ли этим советское диссидентство, что оно не достойно гуманного, демократического строя и таких вождей, как Сахаров?

При виде нынешнего черного фона солженицыновского мировоззрения, вспомнился старый, новомировский Солженицын. Ничего против демократии, и даже выступление за демократический социализм („Раковый корпус”), пускай устами героя, но положительного, даже — резонера. Ни намек на великорусский национализм, скорее наоборот — весьма критическое отношение к русским. А уж о религиозных крайностях и говорить не приходится. Явный где-то поворот произошел на 90°. От какого направления? От либерально-демократического. А кто его ярче и раньше Солженицына стал представлять? — Сахаров! Так, разве после помрачившего рассудок удара славы мог Солженицын *вторым в чем-то быть?* Сдается, что эта гипотеза очень близка к истине. То есть нынешний Солженицын — это антисахаров!

Надо только при этом, конечно, не забывать фундаментальную закономерность, что удар славы тем сильнее раскалывает голову, чем менее плотно ее нравственное наполнение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ответ «Солидарности» «Патриотическому объединению
«Грюнвальд»»

ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ АНТИСЕМИТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

С некоторого времени Варшава стала ареной антисемитской пропаганды. На предприятиях и на улицах были распространены антисемитские листовки и плакаты, брошюры и книги, и организованы открытые собрания так называемого «Патриотического объединения «Грюнвальд»» с антисемитскими выступлениями.

Для разжигания антисемитизма используется один из тяжелейших периодов нашей истории — время сталинского террора. Вину за кровавые расправы с польским народом в 1944—1956 годы теперь пытаются приписать отнюдь не системе, разоблаченной на 20-м съезде КПСС и служившей основой для тогдашнего аппарата террора. Эту вину теперь сваливают на так называемых сионистов, как именуют евреев, чтобы избежать обвинения в расизме. Для подкрепления обвинения приводится ряд имен тех палачей Министерства общественной безопасности, еврейское происхождение которых известно, таких как Ружаньский, Фейгин или Бристигерова. В то же время старательно скрываются имена их прямых хозяев. Как известно, оперативная деятельность МОБ [органов безопасности] подчинялась непосредственно Беруту. Полностью неизвестными остаются имена и национальная принадлежность тогдашних «серых кардиналов», так называемых «советников», перетряхивавших целые министерства и отделы, и даже воеводские управления безопасности. Министру безопасности «аккомпанировал» сам генерал Лялин, к известному 10-му отделу был приставлен полковник Сигачев, 3-ий отдел, занима-

ющийся подпольными организациями, «опекал» полковник Шабурин, за отделом кадров присматривал полковник Орехов, полковники Скульбашевский и Вознесенский «обрабатывали» военных... список длинный. Зная его, трудно не видеть, кто на самом деле руководил Министерством безопасности и проводил план истребления. И нетрудно видеть, кто и почему так озабочен, чтобы из этой группы деятелей, которых общество должно знать, стали известными именно лица еврейского происхождения. Способ старый, известный и простой: разделяй и властвуй, позволяющий убийце остаться в тени, и даже, в случае удачи, выступить в роли друга, опекуна, а то и спасителя польского народа.

В распространенных недавно изданиях не упомянуты также и поляки с весьма известными в те годы именами — министр Станислав Радкевич, прокурор Станислав Заракowski, Душа, Хумор, Каскевич, Мочар, Валах, Куба, Крайевский и другие.

Нет, это не какие-то вымышленные сионисты устроили кровавую баню народу, и не они ее запланировали, хотя значительной группе лиц еврейского происхождения в этом деле была отведена весьма видная роль. Истинные авторы сценария и режиссеры, а также и целая свора доморощенных исполнителей остались неизвестными. И это позволяет до сегодняшнего дня отвлекать от них внимание общественности и направлять ее против некоторых лиц, выбранных самими работниками органов безопасности, большинство из которых до сих пор спокойно пользуются плодами кровавой жатвы.

Если мы отдадим себе отчет во всем этом, станет ясно, кто и по какой причине разжигает антисемитские настроения в нашем обществе. Если тем секретарям, которые на крупных варшавских предприятиях распространяли подстрекательские антисемитские листовки «Патриотического объединения «Грюнвальд» и антисемитские пасквили — как, например, анонимную книжку «Нашествие упырей», — если этим секретарям, действительно, стала дорога истина и справедливость, то пусть они назовут имена всех участников преступления, совершенного над народом в 1944—1956 годы. Не нужно слишком долго искать. Они находятся среди нас, в нашей стране, кое-кто и за рубежом. Если секретарям комитетов стала дорога истина и справедливость, пусть развешивают листовки и распространяют книжки и брошюры, в которых были бы

названы имена людей, ответственных также и за преступления 1956, 1970 и 1976 годов, имена виновников пыток и убийств тех памятных лет. Пусть добьются переиздания массовыми тиражами потрясающих «Документов бесправия» или «Мадридского доклада», разработанных «Комитетом Общественной Самозащиты» и изданных независимым издательством «Нова». Тогда с товарищей секретарей и их подручных снимется обвинение в укрывательстве подлинных преступников. А именно укрывательство имеет место, когда внимание общественности пытаются отвлечь от подлинных преступников фальшивыми словами о преступниках-сионистах.

Еще одна из целей этого обманного маневра обнаруживается, когда авторы листовок рядом с именами Ружаньского, Фейгина, Бристигеровой, назвали имя Михника. Не указали, что речь идет о Стефане Михнике, в те годы 23-летнем судье военного трибунала, а теперь пенсионере. Он — брат Адама Михника, известного участника студенческого движения марта 1968 года, бывшего политзаключенного, члена «Комитета Общественной Самозащиты», а ныне — уважаемого деятеля «Солидарности». Упоминание фамилии Михника без указания имени — это не только обвинение в чужих преступлениях, не только расистский донос о национальном происхождении, но еще и злоупотребление доверием неосведомленного читателя, ибо ему подсовывается представление, будто речь идет о работающем в «Солидарности» Адаме Михнике.

Мы знаем, кто и зачем пытается нас расколоть, знаем о мошеннических и изощренных способах, для этого применяемых, наконец, знаем ту цену, которая уплачена за молчаливое разрешение на пропаганду национальной ненависти и антисемитских предрассудков, и мы должны по отношению к этим уловкам проявить элементарное чувство человеческой и рабочей солидарности.

Мы не допустим, чтобы нас делили по происхождению, исповеданию или политическим взглядам, или по любому иному признаку.

Виктор Кулерский,
член президиума «Солидарности»
Район Мазовше.

Руководство «Солидарности» района Мазовше, ознакомившись с вышеприведенным текстом, полностью одобряет его содержание и решением от 13 марта 1981 г. постановляет его опубликовать как выражение позиции профсоюза.

Президиум независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность», район Мазовше.

**[Бюллетень «Солидарность» Гуты Варшава,
Регион Мазовше №- 11[37] март 1981]**

Перевод с польского
С.Пирогова.

ГИПОТЕЗА НАДЕЖДЫ *

Сейчас вопрос о том, *что* представляют собой советские диссиденты — в нравственном и интеллектуальном отношении — становится, видимо, одним из самых острых. Вслед за ним встает и еще более важный вопрос: кого представляют советские диссиденты? Лучшую часть советского общества, или, может быть, каким-то парадоксальным образом далеко не самую лучшую?

Уходить от обсуждения этих вопросов, наверное, уже нельзя, и цель данной статьи — попытаться найти на них предположительные ответы.

Эдуард Кузнецов в новых „Лагерных дневниках” пишет об аморальности и интеллектуальном убожестве большей части окружающих его политических заключенных и обобщает: „Парфразируя Жаботинского, можно сказать, что всякое движение имеет право на своих дураков, психов, юродивых, сволочей — иначе это не движение, а кабинетная химера. Но ... не слишком ли

---

* Опубликовано в еженедельнике „Новый свет” — США, №- 7,81 г.

их много? Иной раз задумаешься: кто к кому примыкает?" (ж., 22", №- 5, стр. 33)

Заслуживает внимания и мнение Л.Ладова (псевдоним), высказанное им в статье „Несколько мыслей о России, спровоцированных современными „славянофилами” (Самиздат). Он пишет: Одной из роковых особенностей русского национального духа, по-видимому, является какая-то неизбывная нетерпимость к оппоненту, неумение вести полемику „парламентскими” методами, *склонность к очернению и ошельмованию как к последнему и самому вескому аргументу в споре.* Таковы мы в быту, таковы мы и в политике, и не слишком трудно проследить, как знаменитые „сам дурак!” или „а еще шляпу надел!” оборачиваются отсутствием демократических и правовых институтов, разнузданной бранью газет, а в революционные времена и залпами чрезвычайек. К сожалению, чудом восставшая из праха в последнее десятилетие русская общественная мысль, еще пребывая во младенчестве, уже *демонстрирует все те же опасные свойства.*" (Подчеркнуто здесь и выше мною — В.Б.)

Подобных высказываний накопилось теперь уже, как говорится, более чем достаточно. Можно спорить насчет „русского национального духа” (что он здесь ни при чем), можно усомниться, не сгущаются ли здесь краски по отношению к диссидентам,* находящимся в стране, и тем более в лагерях, где жесткие условия способны деморализовывать людей. Однако, кроме действующего в стране диссидентства и мест заключения, есть еще одна среда обитания инакомыслящих — эмиграция. И по поведению и нравам людей в эмиграции можно вполне определенно судить об их внутренней сути.

Так вот, по отношению к большей части диссидентов в эмиграции приведенные выше характеристики вполне оправданы. Не буду даже добавлять „на мой взгляд”, ибо подобный взгляд уже слишком широко распространен.

Так, профессор Ван Хет Реве, директор фонда им. Герцена (Голландия), издатель диссидентской литературы, отмечая, что

---

* Под „диссидентами”, здесь и далее, я имею в виду инако- (нежели положено в СССР) мыслящих людей и открыто об этом заявляющих. Включая сюда как участников всех диссидентских движений — правозащитных, национальных, религиозных и т.д., — так и индивидуально выступающих, или выступавших (в СССР).

советские диссиденты в эмиграции постоянно воюют между собой, пишет: „Какие-то споры есть во всех эмиграциях, но я думаю, что в этом смысле русская эмиграция самая худшая в мире. В мировой истории может быть.” (ж. „Синтаксис”, № 4, стр. 43). В интервью журналу „Культура” (Париж, апрель 76 г.) он точно определяет одну из причин этого положения: „Малейший успех одного воспринимается всеми как трагедия!”

О справедливости его слов я сужу по последней чехословацкой эмиграции, которую хорошо знаю. В ней есть, конечно, все, чему полагается быть среди людей, но в совершенно других — нормальных степенях.

Еще беспощаднее, пожалуй, картина, рисуемая французским переводчиком диссидентской литературы Луи Мартинезом: *„Одно остается несчастным спутникам покинутой земли: цепляться друг за друга мертвой недоверчивой хваткой и создавать подобие потерянной жестокой и милой планеты: с внутренним одиночным гулагом, с портативной Лубянкой и карманной Старой Площадью. Писать „Правду” наизнанку. Распространять приемы „Крокодила” с примесью осторожной похабщины и лагерного доносительства. Обличать, ругать, клеветать. Швыряться анафемой и злобными намеками. Кто с нами — тот против нас! И так туго закрутить круговую поруку страха и злословия, чтоб Г Б стал по-настоящему вездесущим, всемогущим, как Господь Бог.”* („Синтаксис”, № 4, стр. 54)

Не надо, думаю, доказывать, что метаморфозы, происходящие с людьми в эмиграции, притом столь быстро и круто, говорят о том, что такими они были и раньше по своей внутренней сути. Эта их суть была, видимо, лишь придавлена суровыми условиями борьбы с тоталитарным режимом, в которую они втянулись по тем или иным причинам.

Здесь важно учитывать и то, что условия, встречающие наших диссидентов в эмиграции как правило отнюдь не жесткие. Подобных условий не было ни у одной из предыдущих волн русской эмиграции, включая и дореволюционные. наших диссидентов встречают как героев, помогают с устройством, предоставляют трибуну для выступлений и т.д. Ни одна другая эмиграция из социалистических, да и изо всех остальных стран, не пользуется подобным вниманием.

Короче, ни в какой области наши политэмигранты, как правило, не сталкиваются на Западе с ситуациями, которые могли бы их толкать на отчаянную борьбу за существование и место под солнцем.

Однако, такая борьба, или соперничество, немедленно начинается, интересы дела сразу же отступают на второй план, солидарность и взаимопомощь сходят на нет, вчерашние друзья становятся врагами, и каждый в любом деле стремится во что бы то ни стало быть первым.

Начинается и энергичное приспособление к тем или иным западным кругам, чаще всего к правым.

Междоусобица идет по многим направлениям и под самыми различными флагами: „правых” с „левыми”, „славянофилов” с „русофобами”. Но за флагами этими, как правило, не оказывается ни глубокой убежденности, ни твердых принципов, ни какого-либо конструктивного содержания.

Интеллектуальная и духовная опустошенность таких людей проявляется на Западе как в области публицистики, так и в литературе. Эмигрантские журналы перенасыщены беллетристикой, исполненной пошлого модернизма и „механической” порнографии. Эпатировать читателей любыми способами, лишь бы отвлечь их от „зияющих высот” собственного творчества!

Особо необходимо сказать о так называемой нетерпимости, господствующей в нашей эмиграции, в которой нас обвиняют и со стороны, и в которой мы сами постоянно друг друга обвиняем. На самом же деле истинная нетерпимость — редкое у нас явление. Это бы еще куда ни шло. Истинная нетерпимость предполагает убежденность в чем-то, содержание какое ни на есть. А у нас нетерпимость произрастает главным образом все из той же всеограшающей завистливости и опустошенности. Все, что другой говорит, пишет или делает — чепуха; или „работа на...” Иначе, если у меня нет своих идей, так пусть и у соседа их не будет! Это нетерпимость не к иным взглядам, а ко взглядам (любим) иных людей.

В политической жизни и в прессе российской эмиграции продолжают господствовать старые и новые поборники Великой и авторитарной России. Однако во множестве уже выехавшие на Запад диссиденты либерально-демократической ориентации

демонстрируют неспособность к объединению и противостоянию, будучи не в силах смирить свои личные амбиции или проявляя деловую несостоятельность. В итоге, вновь возвышаются и приобретают реальную власть (в эмиграции — это пресса, фонды, аппарат оплачиваемых помощников) очень недобрые и опасные у власти люди: Солженицын, Максимов. (Вновь — это по отношению к русско-советской истории).

О Солженицыне уже много говорено. Что же касается Максимова, то при внимательном взгляде на характер и стиль его деятельности на ум приходят образы Нечаева, Азефа, Кочетова... Пример для пояснения — 19-й номер журнала „Континент”. На „Сагу о носорогах” обратили внимание все. Но в том же номере на задней обложке — англо-американская листовка с обращением к русским солдатам у Гитлера: Сдавайтесь смело! Немцы вам врут! И под ней от редакции: „Все, кто поверили (союзникам), были выданы вскоре на расправу Сталину”. Какова цель публикации этой листовки из совсем другой эпохи? Дополнение к „Саге о носорогах”, чтобы уж тотально восстановить читателей из СССР против Запада?

И больно наблюдать, как служащие новым вождям люди и гордые диссиденты, бежавшие из страны вождей и культов, не замечают бьющих в глаза зловещих качеств этих новых вождей. Находятся конечно единицы, осмеливающиеся выступить с критикой того же Максимова, как и Солженицына. Но при этом и они боятся называть вещи своими именами. Каждое сообщество имеет право на своего Максимова, но в здоровом сообществе он давно должен был бы быть дезавуирован в качестве представителя диссидентства.

Ни в одной новой эмиграции из стран Восточной Европы нет *во главе* (групп, главных журналов) людей такого „крайнего типа”, как Максимов или Солженицын. И трудно удержаться от риторического вопроса: что надо, чтобы российские люди поняли наконец на деле, не на словах, что человека характеризуют не лозунги, а методы и средства им применяемые? Неужели лишь гекакомбы трупов нужны, чтобы культовая пелена спадала с глаз? Или быть может вовсе и не в ней дело, а в том, о чем еще давно писал Короленко? Человек, поразительно напоминающий всем — и деятельностью, и мудростью, и стилем — Сахарова.

Писал: „Русский народ якобы религиозен. Но теперь религии нигде не чувствуется. Ничто „не грех“. Это в народе. То же и в интеллигенции... Успех — все. В сторону успеха мы шарахаемся, как стадо... Это и есть самое страшное... Для нас „нет греха“ в участии в любой преуспевающей в *данное время* лжи...” („Из дневников Короленко”, сб. „Память” № 2, стр.379).

В данное время!*

В эмиграции имеются, естественно, примеры и полезной деятельности. Ряду известных диссидентов удается многое делать для привлечения внимания к положению в СССР и помощи жертвам репрессий. Но не хватало бы, чтобы и этого еще не было! Да и удается это не благодаря солидарности и усилиям эмиграции, а главным образом — за счет исключительного интереса Запада к диссидентству в СССР и поддержке западной общественности.

Дежурным аргументом для самооправдания эмигрантов служит ссылка на то, что все эмиграции одинаковы (неправда!) и что дореволюционная эмиграция из России была такой же. Последнее, допустим, верно. Так та эмиграция и представляла тогдашнее диссидентство. Что из него вышло — хорошо известно.

Итак, если в эмиграции раскрывается суть диссидентства, то — мы подходим к главному вопросу — кого же оно представляет в советском обществе? Тут возможны два ответа, две гипотезы.

Первая. Диссиденты представляют лучшую часть советского общества. Эта гипотеза — глубоко пессимистическая. Если это так, то надеяться нам на „светлое будущее” по крайней мере в обозримом будущем очень трудно.

„Облегчение” дает лишь *вторая* возможная гипотеза, которую и можно назвать гипотезой оптимизма и надежды. А именно, что *диссидентство в массе своей представляет не лучшую часть советского общества и интеллигенции.*

Сравнение с диссидентами из Чехословакии наводит на мысль: в условиях почти полной безнадежности, существующих в Советском Союзе (в отличие от значительно более мягких преддубчевских условий в Чехословакии), люди серьезные, способные

---

* Для ясности: „Преуспевающей (в эмиграции) „в данное время” ложью считаю учение Солженицына и его единомышленников — русский авторитарный национализм.

здраво и ответственно мыслить и действовать, и в то же время порядочные, морально уравновешенные, — такие люди редко втягиваются в открытую борьбу с режимом. Им труднее бросать свою профессию, в которой они чаще всего весьма квалифицированы, труднее близких ставить под удар, одним словом, труднее становиться героями. Но упрекать таких людей в трусости за то, что они не способны на безоглядный героизм и самопожертвование, никто не вправе. Как сказал Чехов, „только злой или неумный человек может требовать от людей героизма”. В среде советского диссидентства, к слову, многие этого в той или иной форме требуют.*

Режим ставит людей перед тяжелейшим выбором: вступая в открытый конфликт с властями ради пользы дальних поколений, человек обрекает не только себя самого, но и своих близких на тяжелейшие и пожизненные мучения: постоянное внимание и провокации КГБ, конец карьеры и работы по специальности или невозможность продолжать учебу, выселение, нищета, отверженность и, наконец, переживания за уготовившего такую жизнь родного человека, который рано или поздно оказывается в лагере или психиатрической больнице. В таких условиях трудно однозначно судить о моральном (и умственном) облике человека, делающего тот или иной выбор — бороться или терпеть.

В Чехословакии перед 68 годом условия были значительно мягче и существовала какая-то осязаемая надежда на успех — и там на диссидентство поднялось много серьезных людей, представлявших, видимо, действительно лучшую часть общества. Что и явилось главной причиной явления бескровного чуда Пражской весны.

В Советском же Союзе из подобных людей в диссидентство втягиваются, очевидно, лишь лучшие из лучших, люди типа Сахарова, Орлова. А за ними в преобладающей численности идут люди совсем других типов. Идут люди до пределов терпения измордо-

---

* К героизму и жертвенности призывают Солженицын и Шафаревич. „Возродить Россию можно на единственном пути — через жертву!” (Шафаревич). Сахаров отвечает: „Нельзя призывать наших людей, нашу молодежь к жертвам; люди в нашей стране тотально зависимы от государства и оно проглотит каждого не поперхнувшись, а что касается жертв, то их уже было более чем достаточно.” („О стране и мире”)

ванные жизнью, которым уже нечего терять. Чаще всего они мыслят крайне эмсионально, а переозлобленность многих из них чревата деморализацией.

Идут люди инфантильные, которых во множестве плодит советский образ жизни. Они как правило плохо представляют себе, что их ждет в реальности, не способны сами создавать определенную атмосферу вокруг себя и подчиняются тому стилю, который навязывается обстоятельствами или лидерами.

Очень многие советские диссиденты производят впечатление 40-летних мальчиков. Если в русском диссидентстве 19 века преобладали „лишние люди”, то можно сказать, что в современном — преобладают „лишние мальчики”.

Далее идут крайние честолюбцы. И в их числе люди, ищущие спасения от своей внутренней пустоты, свою творческую импотицию списывающие на счет режима.

Здесь интересно отметить, что большинство правых диссидентов — неистовых антикоммунистов и антисоциалистов — в эмиграции становятся жгучими ненавистниками Запада, соревнуясь в этом с западной крайней левой и советской прессой!

Главная причина их ненависти к Западу проглядывает в особом возмущении против существующей якобы на Западе тотальной цензуры со стороны левых и либералов. То есть им мало почестей и признания, оказываемых им на Западе, и возмущает критика. (См. ту же „Сагу о носорогах”).

Можно привести и другую градацию. А именно, если часть людей идет в диссидентство потому, что их особенно сильно бьют, а другая, самая лучшая и, увы, самая малочисленная — из сострадания к избиваемым, то третья категория людей идет в оппозицию оттого, что им *бить не дают!* Бить и властвовать. Для них это тождественно. Режим окостенел — все места наверху заняты. И нет ни демократизации, ни ресталинизации, при которой лестницы наверх вновь начали бы очищаться за счет террора и доносов. Мне легко представляется, что сегодня, например, Лысенко вполне мог бы пойти в диссиденты, особенно в период, когда появилась возможность выезда. Ибо президентом (ВАСХНИИЛа) он сегодня уже не смог бы стать, не смог бы расчистить себе путь наверх с помощью доносов, и при наличии некоторой смелости, а также способности наплевать на судьбу своих близких, вполне мог бы

переметнуться в диссиденты. Что делать сегодня в Союзе человеку, которого обуревают непомерное тщеславие или властолюбие? В эмиграции такие люди проявляются во всей своей красе.

Итак, надежда видится в том, что в будущем при появлении каких-либо проблесков перспективы и условий для более эффективной оппозиционной деятельности возможно возникновение в Советском Союзе качественно новой, второй волны диссидентства, которая будет в состоянии предохранить страну от новых катаклизмов и будет способна на созидательную работу. Предвестниками такой второй волны представляются лучшие люди сегодняшнего диссидентства.

Ну, а если эта гипотеза неверна, если второй волне взяться неоткуда, тогда дело плохо! В нашем распоряжении нет библейской пустыни, чтобы ходить по ней в ожидании, когда мы изживем в себе подлость рабов.

В заключение необходимо ответить на последний „законный” вопрос: почему же советское диссидентство, если оно в массе своей так плохо, смогло выпестовать столь чистое и мудрое по целям и методам движение, каковым является правозащитное движение в СССР? Ветеран этого движения Борис Шрагин в статье „Сила диссидентов” („Синтаксис” № 3), приводя целый ряд факторов, объясняющих феномен и силу диссидентства, между прочим замечает: „Если не отчетливое сознание, то *объективные условия* их деятельности в целом оберегают диссидентов Советского Союза от губительного направления” к подпольщине, экстремизму и истребительной войне между собой. (подчеркнуто мною — В.Б.)

В этих объективных условиях и содержится, думаю, главный и решающий фактор, объясняющий феномен возникновения правозащитного движения в СССР.

Таким образом, по нашей гипотезе получается, что своим беспробудным и безрассудным гнетом режим удерживает от активного диссидентства лучшую часть общества; и он же с помощью того же самого гнета прессует из наилучшего материала нечто подобное искусственному алмазу. Шрагин отмечает в своей статье, что поначалу диссидентская деятельность в стране стала проявляться в весьма традиционных формах партийной подпольщины, зачастую с радикальными программами и лозунгами. Но

„ядра таких организаций, — пишет Шрагин, — сразу разбивались властью”. И их осколки и новые рекруты, продолжим мы, волей-неволей группировались вокруг первых убежденных правозащитников, над которыми ранее многие снисходительно посмеивались, если не издевались.

Учитывать надо и то обстоятельство, что издалека и со стороны люди судят о правозащитном движении именно по этим центрам кристаллизации, свет от которых усиливает впечатление „алмазности” всего движения. Возможно даже, что решающую роль тут играет „сила света” одного лишь Сахарова.

Какова же судьба нынешнего диссидентского „алмаза”, которому суждено рассыпаться и расплываться при снятии внешнего сверхдавления?

Если возникнет достаточно мощная вторая волна, то она, конечно, вытеснит первую (возможна и постепенная замена старых элементов в „кристаллической решетке” новыми) и спасет тем самым не только страну от серьезных осложнений, но и добрую славу о нынешних диссидентах в памяти потомков. Славу, несмотря ни на что, заслуженную. Ведь если желанная вторая волна диссидентства появится когда-нибудь, то ведь и благодаря возникновению первой!

Но, повторим, главным вопросом остается — достаточно ли подходящего человеческого материала в стране для возникновения второй волны? Или, может ли он — этот материал — в достаточном количестве вырабатываться в условиях тоталитарного социализма?

ДОПОЛНЕНИЕ И КОММЕНТАРИЙ

Пока рукопись статьи лежала в столе, не находя себе места в свободной русской прессе, в эмиграции было достигнуто еще много новых „зияющих высот”, требующих для подъема на них

сочетания „исключительных” интеллектуальных и нравственных качеств.

Между прочим, одной из таких высот мне представляется публицистика самого автора словосочетания „зияющие высоты” — А.Зиновьева. В ней и знакомое уже нам наведенное упоминание от неожиданной славы, и антизападная истерия, и доведенная до абсурда народофобия, и за всем этим неукротимое стремление во что бы то ни стало во всем ото всех отличаться.

Но особого внимания заслуживает ситуация, вскрытая письмом Сахарова по поводу статьи Чалидзе с критикой Солженицына („Континент” №- 23), и ответ „Континента”.

„Мой друг, — писал Сахаров, — в одном из московских домов просил дать ему статью Чалидзе, чтобы ознакомить меня, *но получил отказ; ему удалось, однако, записать текст статьи на пленку*”. То есть выкрасть! И в конце письма вновь о том же: „Я пользуюсь случаем, чтобы информировать редакцию о *крайне неудовлетворительном положении* в деле моей связи с Западом. Я почти не получаю издающейся за рубежом на русском языке... периодики... и ж-ла „Континента”, и тем более тех его материалов, которые обсуждаются редакцией до публикации, — а ведь я числюсь членом редколлегии, и это ставит меня в ложное положение. Я был бы очень благодарен, если бы были приняты меры, *хотя бы сравнявшие* мое положение с другими москвичами.” (Подчеркнуто мною — В.Б.)

Ответ редакции: „Что касается регулярной доставки журнала внутрь страны, то, к сожалению, в силу специфических условий нашей связи с метрополией, это не всегда зависит от усилий редакции.”

Как пощечина! Видимо, уже списали Сахарова.

Письмо его датировано 18 января 1980 г., т.е. за два дня до ареста и ссылки, когда КГБ решительно пришло на помощь „определенным” диссидентским кругам в деле изоляции и нейтрализации Сахарова. Действительно, хватит ему „ломать фронт” и „выражать мнение того слоя, который без гнева не может слышать слов „русское национальное возрождение.”*

---

* Цитаты из Солженицына — „Бодался теленок с дубом”, стр. 404 и „Континент” №- 2, стр. 356—59.

И это письмо Сахарова, и ответ „Континента” также не вызвали никакого движения в сюрреалистической эмигрантской яме.

В качестве иллюстрации ряда других позднейших „достижений” эмигрантской публицистики предлагаю читателю свое „Письмо к советским радиослушателям”, которое, думаю, имеет и особое, самостоятельное значение.

ПИСЬМО К СОВЕТСКИМ РАДИОСЛУШАТЕЛЯМ

*по поводу выступлений „Континента”
Солженицына о „Радио Свобода”.**

В номере 29-ом журнала „Континент” напечатаны статья „Всерьез о „Свободе”, подписанная псевдонимом Сергей Сабур, и колонка редактора (В.Максимова) на ту же тему. Незадолго до того, в N⁰- 25, о работе Радио Свобода было опубликовано открытое письмо Картеру за подписью Буковского, Кузнецова и Максимова. В номере 26-м была помещена реплика этих авторов по поводу ответа на это их письмо одного из руководителей РС/РСЕ. Наконец, в 29-м номере объявлено, что статьей С.Сабура „К” „начинает дискуссию по проблемам радиостанции „Свобода” (стр. 347). Таким образом, речь идет о длительной кампании. По содержанию уже опубликованных материалов ее нельзя назвать иначе, на мой взгляд, как *кампанией глушения Радио Свобода*. И эта кампания весьма эффективна: ведь „Континент” проходит в Советский Союз, и на обложке его стоят авторитетные имена, включая имя Сахарова.

---

* Опубликовано в еженедельнике „Новый Американец” — США, N⁰- 103, 82г.

Если бы я, находясь в Союзе, прочел или услышал от читавших, что „К” пишет (не „Правда” или АПН) о господстве на РС „беспощадной цензуры всякого сколько-нибудь свежего слова или смелой мысли”, а также „деструктивных элементов” — „советских агентов”, то уже одного этого было бы достаточно, чтобы я перестал тратить время на поиски голоса РС в завывающем эфире. А тут еще и „удручающая непрофессиональность” РС и множество других ужасов, живописуемых в „К”, включая сюда и сведения о „катастрофическом в последние годы падении числа слушателей РС в СССР” (стр.354).

Конечно, „К” читает в Союзе относительно небольшое число людей, но устная и письменная информация о прочитанном постепенно распространяется по всей стране, тем более когда „импульсы” следуют один за другим, и распространяется именно в той среде, где слушают иностранное радио на русском языке. И мне хотелось бы, чтобы люди в СССР знали другое мнение, выслушали другую сторону.

Работаю я на станции уже около 8 лет, с конца 73 г. В кругах политической эмиграции многим известно, что я не принадлежу к людям, довольным положением на Радио Свобода. Не принадлежу я и к числу тех, кто считает, что нельзя лить воду на мельницу врага и выносить сор из избы. Дело, думаю, лишь в том, ЧТО лить и выносить — правду или кривду. „Континент” выносит (говоря о Радио) преимущественно кривду. И очень кривую! В российской эмиграции это почти все понимают. Я пока не встречал еще здесь человека, который не выражал бы, как минимум, недоумения по поводу кампании „Континента” против РС. Правда, хочется верить, что и в СССР люди усомнятся, может ли, к примеру, где-нибудь в демократическом мире существовать „беспощадная цензура всякого сколько-нибудь свежего слова или смелой мысли”?

Но даже если „К” прав, как говорится, хотя бы наполовину, то и этого достаточно! „Полубеспощадная” цензура порождает полуправду, а последняя зловреднее полной лжи: ее труднее распознать, особенно малоинформированным советским людям.

Но никакой цензуры на РС, разумеется, нет. Что такое цензура? В основе ее всегда лежит список запретных тем. И чем этот список длиннее, тем цензура беспощаднее. На РС ни в пресловутом „политическом руководстве”, о котором так много пишется в „К”, ни вне его никакого списка запретных тем не существует.

Практически нас, сотрудников, ограничивают лишь следующими требованиями:

1. Не заниматься какой-либо пропагандой от имени станции (РС — орган не пропаганды, а распространения информации и идей), и тем более не заниматься каким-либо подстрекательством.

2. Не пускать в эфир сомнительных сведений, не подтвержденных в Самиздате или в серьезных западных органах информации.

3. Не ругаться, не злобствовать, не уподобляться советской прессе и пропаганде.

И все! И передавать можно практически любые „свежие слова и смелые мысли”, лишь бы только не подавались они от имени станции как ее позиция, как пропаганда. Для этого, как правило, мы приводим в передачах и другую (или другие) точку зрения. И плюрализм передач — заслуга американского руководства. Даже самый плохой американский руководитель все-таки остается на позициях плюрализма. Но там, где работают люди, а не машины или ангелы, неизбежен какой-то произвол или перестраховка. И иногда американские руководители действительно напрасно запрещают к использованию в передачах какой-нибудь материал, считая, что он звучит подстрекательски или излишне грубо и т.п. Но при этом, как правило, находятся и проходят в эфир материалы, выражающие ту же мысль более тактично, хотя, может быть, и скучнее. Однако гораздо чаще в российской эмиграции обвиняют американское руководство в цензуре за то, что оно не дает эмигранту *безоглядно и монопольно* использовать Радио для пропаганды своих идей, или своей „партии”, группы. Как и вообще российские эмигранты склонны хулить все и вся на Западе за то, что он не дает им абсолютной свободы и мечтаемых благ на знаменитом блюдечке с голубой каемочкой!

Но как же все-таки оценить хотя и единственный, однако впечатляющий, пример просоветской цензуры, приводимый в колонке редактора? А именно, что „из ВСЕХ сообщений и комментариев на русском языке по поводу доклада Президента (Рейгана) комиссии Фассела... чьей-то умелой рукой изъято всякое упоминание о том, что „США по-прежнему не признают насильственного и противозаконного включения Латвии, Эстонии и Литвы в состав СССР” (стр. 385, „К” N⁰- 29).

Оценивается это очень просто: либо как заведомая неправда, либо как „удручающая непрофессиональность”. Ведь первое условие профессионального журнализма — проверка полученной через вторые руки информации. Я пошел в архив шедших в эфир передач и нашел передачу за 15 июня, в которой спокойно присутствовали указанные выше слова из доклада Президента комиссии Фассела (по проверке выполнения Хельсинкских соглашений)*. Между прочим, автором передачи был Глеб Рар, которого так хвалит „К”, называя почему-то Алексеем Ветровым, хотя Глеб Рар вот уже несколько лет как отказался от этого псевдонима. Так вот печально обстоит дело с единственным „фактом”, приводимым в поддержку утверждения о существовании на РС беспощадной, да еще и просоветской цензуры.

В связи с Алексеем Ветровым — Глебом Раром необходимо указать на еще одну поразительную „неточность”. „К” утверждает: „Свободы”, какой ее знали радиослушатели 50-х, 60-х и начала 70-х годов, больше не существует.” (Стр. 353) Чем же была знаменита РС до „начала 70-х”? На предыдущих страницах (351—352) читаем: „Быть может, самым крупным достижением радиостанции были передачи на религиозные темы о. Александра Шмемана, ... религиозные „полотна” которого попали в отличную „раму”. В Мюнхен пришел опытный журналист, большой знаток религии, и глубоко верующий человек — Алексей Ветров. Он создал серию получасовых религиозных передач” с участием о. А.Шмемана.

Но дело-то в том, что А.Ветров — Г.Рар пришел на станцию лишь в 76-м году! А свои религиозные передачи он начал еще позже. Одна только эта „неточность” уже перечеркивает всю концепцию авторов „К” о низком падении РС после 71-го года. И авторы не могли не знать, *когда* на самом деле Глеб Рар, известный в эмиграции человек, член „руководящего круга” НТС, пришел работать на РС.

Я не собираюсь здесь разбирать и опровергать *все* „неточности”, содержащиеся в публикациях „К” против РС — слишком их много. Остановлюсь еще лишь на нескольких важнейших

---

* В радиожурнале „Советский Союз”, который повторяется 8 раз в сутки, больше всех других программ.

моментах, способных произвести в СССР особенно сильный *глушительный эффект*.

В номере 29-м говорится о „катастрофическом падении числа слушателей в СССР”, а в номере 25-м („Письмо Картеру” Буковского, Кузнецова и Максимова) читаем: „Даже по официальной статистике исследовательской службы „Свободы”, число ее слушателей за последние несколько лет сократилось почти вдвое” (стр. 7 „Специального приложения”). Но авторам, по крайней мере Максиму, должно быть известно, что не за последние годы упало число слушателей, а за 74 — 77, то есть после снятия глушения „Голоса Америки”, ВВС и других западных станций, вещающих на русском языке. В то время как глушение РС продолжалось! В последнее же время, после возобновления глушения всех станций, число слушателей РС вновь выросло почти до прежней величины. (По данным той же исследовательской службы РС)

И наконец, о засилье на РС „деструктивных элементов”, „советских и восточноевропейских агентов”.

„Несомненно проникновение в ее (РС) редакционный состав деструктивных элементов”, — пишет Максимов на стр. 383(№-29), не смущаясь тем обстоятельством, что на странице 380 дается список работающих на станции „отличных специалистов, действительно преданных делу” (с чьей помощью, по мнению „К”, можно спасти станцию), в число которых входит *ВЕСЬ редакционный состав* русской службы РС!*

Но особенно одиозно в этом ряду высказывание Буковского, Кузнецова и Максимова в „К” №- 25. „Абсолютно безответственная кадровая политика, — пишут они, — привела к тому, что факты шпионажа на станции стали обыденным явлением. Только за последние пять лет здесь имели место несколько случаев разоблачения советских и восточноевропейских агентов. Оглядываясь назад, позволительно спросить: а сколько еще осталось неразоблаченных?” (стр. 7 „Спец. приложения”)

Думаю, позволительно спросить: не свидетельствует ли этот пассаж о том, что „правосознание” и методы его авторов находятся на уровне 37—52 годов? Один только сакраментальный вопрос о „еще неразоблаченных” чего стоит! Притом авторам

* „Разоблачаемый” в „К” В.Федосеев не исполняет обязанностей „старшего редактора”, как об этом пишется в статье С.Сабура.

доподлинно известно, что ни за пять, ни за десять лет на РС не было ни одного случая разоблачения каких-либо агентов. Ю.Марин, о котором пишется в „К” №- 29,) (опять же без указания времени!) был принят на РС еще в конце 60-х годов, (т.е. в тот период, который характеризуется „Континентом” как „образцово-показательный”!) В начале 73 года, поняв, что его хотят уволить (путем перевода в Америку), он предпочел „перевестись” в СССР. Никто его не разоблачал, и даже неизвестно, было ли за что разоблачать, т.е. был ли он на самом деле агентом КГБ? Гриневская, о которой также пишется в „К” №- 29, вообще не была принята в штат, а находилась на испытательном сроке, не выдержала его, и в СССР вернулась через два—три года после этого.

Голословным является также и утверждение авторов о „фактах шпионажа” на станции.

На этом закончу работу разгребания. Разгрести всю неправду, наваленную на страницах „К” по поводу РС, не под силу одному человеку.

Вновь подчеркну в заключение. Я отнюдь не считаю, что на станции все в порядке и она не могла бы работать эффективнее. Но все, что у нас есть плохого, идет главным образом от нас самих, соответствует моральному и интеллектуальному уровню российской эмиграции. В том числе и профессиональный уровень РС соответствует уровню пишущей части российской эмиграции, которая почти поголовно сотрудничает с РС, включая большинство русских авторов „Континента”.

А по таким важнейшим составляющим, как объективность и достоверность передаваемой информации, широта диапазона представляемых направлений, уравниванность, толерантность и корректность тона, а также по оперативности в работе Радио Свобода, на мой взгляд, стоит выше всех переодических органов прессы российской эмиграции.

Представляя виновником всех существующих или вымышленных бед на Радио американское руководство, мы в сущности вновь следуем старой русской методе искать виноватых во всем злоумышленников-инородцев. Теперь, значит, ими оказываются американцы. А ведь даже в том, что во главе русской редакции стоят американские начальники, не мы ли сами виноваты? Во главе всех восточноевропейских редакций стоят руково-

дители из среды соответствующих эмиграций! В этих редакциях никогда не было таких междоусобиц, как в русской, хотя там тоже есть и старые и новые эмигранты. И таких „глушительных” публикаций, как в „К”, в ведущих журналах эмиграций из Восточноевропейских стран также никогда не было.

Предвижу вопрос: зачем же все-таки „Континент” проводит эту кампанию? Вопрос очень тяжелый. У меня нет однозначного ответа. Остается надеяться, что будущее здесь что-то прояснит.

P.S. — Пост Скриптурм.

Русские газеты из Америки плохо и поздно распространяются в Европе, и когда я уже отправил в редакцию „Континента” свое письмо, до меня дошли экземпляры „Нового Русского Слова”, (от 4 по 7 ноября) с текстом интервью Солженицына американскому телевидению.

Интервью посвящено критике американского радиовещания на СССР, т.е. „Голоса Америки” и „Радио Свобода”, и я не могу хотя бы кратко его не коснуться. Тем более, что оно многое проясняет. „Будущего” долго ждать не пришлось!

Итак, теперь ясно, что кампания в „К” начата по указанию или с одобрения Солженицына. (Не имею понятия, как конкретно функционирует складывающаяся вокруг Солженицына авторитарная эмигрантская община.) Однако согласованы выступление Солженицына и „К” не лучшим образом, что и помогает делу прояснения.

Так, если „К” старается замаскировать „партийную” цель своей кампании, то Солженицын ее полностью демаскирует. „К” утверждает, что на РС давно уже существует *всеобщая* цензура, а Солженицын заявляет, что Радио Свобода лишь *в этом году* ввела предварительную цензуру *только исключительно русских ведущих передач.* (Подчеркнуто здесь и далее мною. В.Б.)

И поясняет, что такое „русские ведущие” передачи: „В этом сентябре было 70 лет со дня смерти, со дня убийства крупнейшего русского государственного деятеля XX века, премьер-министра Столыпина,” который „сумел за 5 лет Россию из полного хаоса и

развала поднять к цветущему состоянию... Была подготовлена на „Свободе” прекрасная юбилейная передача о Столыпине, ее запретили без всяких разговоров и объяснений.”

Передачу, действительно, сняли, но с объяснением: сняли потому, что это была уже ВТОРАЯ подряд получасовая (максимальный размер) юбилейная передача о Столыпине. А первая прекрасно прошла в эфир. Две больших юбилейных передачи — такого даже к 60-тилетию Сахарова не было, а уж о юбилеях, скажем, Короленко или Герцена и говорить не приходится...

То есть речь идет о том, чтобы добиться максимального контроля над Радио — максимально использовать Радио для пропаганды своего направления.

Далее, „К” утверждает, что только в последние 10 лет, с 71 года, стало плохо работать РС, а Солженицын заявляет, что с самого начала своего существования, и вновь поясняет, что значит — плохо.

„Ваши радиопередачи, — говорит он интервьюеру, американскому конгрессмену, — *все 30 лет* направлены на то, *сознательно* направлены, *планомерно*, чтобы не дать русскому православию подняться и стать организующей силой в России.

... Если бы они (американские руководители) понимали правильно (как вести радиовещание), то за эти 30 лет картина в Советском Союзе была бы другая.

... Но для русского народа радиовещание ведется прямо противоположно (чем на Польшу), то есть вы как будто бы нарочно задались целью, чтобы у нас не могло быть такой силы Церкви и такого церковного объединения, как в Польше.”

Эти беспримерные, безумные претензии и обвинения показывают, чего стоит вся кампания и что за ней стоит. Не приходится уж говорить о том, как все это унижительно для религии и русского народа, которому теперь оказывается американское радио мешает к православию вернуться и против власти подняться. (А мы-то думали, устоявшийся, особо жестокий гнет!)

Стремление к монопольному, тотальному овладению русским радиовещанием органически вытекает из несокрушимой уверенности Солженицына в безапелляционной правоте своих идей и в том, что только он представляет и знает истинные потребности всего русского общества (и отсюда знает, как должно работать

радио). „Наши хотят...” „Наше население нуждается...” Похоже, что Солженицын прогрессирует в этом. Он сейчас так выступает, словно и не существует уже Сахарова и той части русского общества, которую Сахаров представляет и которая в „наших” у Солженицына не состоит.

Наконец, в своем письме я недоумевал, как это не ведает „Континент”, что он глушительную кампанию проводит против „Радио Свобода”? Но Солженицын и здесь вносит ясность: „работа русской секции „Свободы” уже доведена до вырождения, настолько плоха, что если еще продолжать в том же направлении, *то лучше ее вообще упразднить.*” Если упразднить не жалко, то уж глушить и тем более!

Что касается критики в адрес „Голоса Америки”, то о работе этой станции я ничего не знаю, но по аналогии ясно, что и здесь критику Солженицына надо как минимум делить, т.с.к. на 16.

До появления Солженицына и служающих ему новых эмигрантов на Западе с каким доверием и благодарностью слушали мы все „Радио Свобода”, БиБиСи и т.д. А сейчас? Ведь постепенно все в СССР, кто интересуется политикой, узнают о компании Солженицына и „Континента” против „Радио Свобода”, как и против „Голоса Америки”, а ранее — против Гольдберга, олицетворявшего для нас БиБиСи, которого так бесподобно грубо „боднул” Солженицын. С каким чувством и с какой степенью доверия будут теперь слушать люди в СССР зарубежное русское радиовещание? Если вообще будут слушать!

И сколько вообще уже светлого втоптанно в грязь Солженицыным и его людьми!

Твардовский, кому Солженицын был стольким обязан, — ваптывался.

„Демдвиж”, как „доброжелательно” называет Солженицын демократическое правозащитное движение, — также!

Далее, Запад и „западная” демократия потоптаны многократно!

Сейчас топчутся ожесточенно и старые русские либералы, кем Россия, может быть, более всего могла бы гордиться в своем прошлом.

Даже Сахаров в „еврейскую грязь” втапывался*... Немал список!

---

* См. „Бодался теленок с дубом” стр. 404 и „Континент” №- 2, стр. 356– 359.

АНТИЗАПАДНАЯ ИСТЕРИЯ

ТЕЗИСЫ СТАТЬИ

Для этого сборника была задумана еще одна статья на важнейшую тему — об антизападной истерии, охватывающей большинство советских диссидентов вскоре после их приезда на Запад. И не только правых, но и либералов — хотя и в более мягкой форме. Разговор об этом был бы очень необходим для завершения портрета политической российской эмиграции и советского диссидентства. Но нет уже времени, и не знаю, когда буду его иметь, чтобы написать статью на эту тему.

Сейчас лишь заложу здесь, что называется, камень. Поставлю вопрос. За этими криками о Западе: зажившем, бездуховном, материалистическом, тупом, трусливом, инфильтрированном марксистами, социалистами и агентами КГБ, глухом к страданиям народов под игом коммунизма, предающем их, отдающем страну за страной, обреченном и проигравшем уже „третью мировую войну” — за этими криками не стоит ли апокалиптическая суть советского человека?

Я за ними вижу (в одном случае — одно, в другом — другое): поврежденность рассудка; реакцию на безумные иллюзии о Западе

и капитализме как о рае; непонимание сущности демократии и правопорядка; презрение к власти, которая церемонится в морду дать; ностальгию по рабству и тоталитаризму; неспособность понять других людей, другие народы; наплевательство на чужие проблемы и боли; эгоцентризм, шкурничество (не принесли мне на блюдечке всего, чего я желал!); зависть к западным людям (которые смеют жить лучше чем я!) и еще многое другое: В том числе — черная неблагодарность к странам и людям, дающим приют эмигрантам, а до того защищавших и выручавших их.

Но может быть это и хорошо, что у меня нет времени подробно анализировать это явление. Уж больно оно обескураживающе. Тут спасительней смеяться, как смеется тот же Луи Мартинез. Проти-тирую его еще раз для разрядки: „Запад ругать не зазорно! За распушенность нравов и нехватку танков. За то, что он, изойдя кровью после четырехлетней войны, не кинулся освобождать Россию от России же... Но главное — страдания! Они и дают нам право нахамить в три космоса! Плевать во все колодцы! В честь наших мучеников можем вести себя как Присыпкин на том свете! Знай наших! Не верите? *Наши* вам покажут!.. Вашим будущим будет наше вчера и наше сегодня, с гулагом и террором по-нашему!.. В наказание за то, что *вы* — не *мы*, то *вы* будете *нами*, хотя и недостойны такой участи... Поняли?“ („Синтаксис“, № 4, стр.53)

На пораженческой пропаганде, на пророчествах о „неизбежной победе коммунизма“ из уст наших антикоммунистов необходимо все-таки остановиться.

Хотелось бы сказать тем, до кого случайно или неслучайно дойдут эти строки в Советском Союзе, особенно, хотелось бы предупредить руководство, вождей: не верьте этому хору и его солистам! Никогда не победить вам демократический Запад, ни войной, ни тихой сапой, как не удавалось этого и вашим предшествен-

пикам. Не победить потому, что демократии всегда производительнее, богаче, развитее, всегда оказываются умнее, упорнее, и в решающий, смертный миг — мужественнее, в силу сознания своей правоты и чистой совести.

Не соблазняйтесь вновь, „товарищи”, всегдашней неподготовленностью, нерешительностью и „гнилостью” демократии, как соблазнялись многие ваши предшественники. Тем более, что вы уже, в отличие от большинства из них, хищники не первой молодости, весьма уже одряхлевшие и не имеющие под собой фанатически преданных подданных.

Не верьте нашим антикоммунистам и в том, что страну за страной без боя будет отдавать вам Запад, не повторяйте и в этом ошибки вашего предшественника — Гитлера.

И не была бы так страшна пораженческая истерия в российской эмиграции (кто знает, не будет ли она последним толчком для решения в Москве нажать на кнопку войны?!), если бы не то новое обстоятельство, которое зовется атомной бомбой. Наряду с обычным развитием событий при нападении „авторитарных хищников”, — оглушительный поначалу успех, близкая, казалось бы, победа, и вдруг перелом и бесславный конец, — теперь возможен и более вероятен другой исход: без победителей и побежденных, без сохранения жизни на Земле.

Нетрудно представить, какую радость вам доставляет читать и слушать, как знаменитые диссиденты в эмиграции поносят Запад и западную демократию.

Казалось, нет уже больше для вас ни в чем и нигде надежды, ни в своей стране, ни за ее рубежами. Восточная Европа — вулкан, „призрак” вашего коммунистического интернационала на Западе все сильнее опадает и сморщивается, Берлингуэр и Каррильо спасаются лишь ценой отречения от вас.

Никакого, казалось бы, оправдания уже не остается вашему существованию. И тут вдруг ваши же заклятые враги неожиданно надежду и моральную опору начинают вам давать, очутившись по вашей же воле на Западе! „Нынешнее общество Запада, как оно существует, все более в виде потребительского, разочарованного в труде, гедонистического, с разрушающейся семьей, наркоманского, атеистического и парализованного терроризмом, — исчерпало свою жизненную силу, потеряло духовное здоровье. —

и в сегодняшнем виде не может выжить.” (Солженицын: „Главный урок” „Русская мысль”, 31.12.81 г.)

И не только этим своим кликушеством вдыхают они в вас надежду, но и своим жалким на Западе видом и самоедством. (А вы-то их уже бояться начали, когда они были в стране!)

Конечно, они же и разоблачают ваш режим, но и тут надо уточнить: разоблачали — в прошедшем, главным образом, времени. „Архипелаг” потряс мир, но вы можете не без основания надеяться, что дальнейшее поведение его автора на Западе подорвало доверие к его свидетельской честности.

Всколыхнули было западную интеллигенцию и „Зияющие высоты”, но потом-то что стал говорить и писать автор!

„Советский Союз выступает на мировой арене как единый огромный зверь, а Запад — как стая враждующих друг с другом зверей разного калибра и разной породы... Когда я жил в Москве, советские руководители казались мне идиотами, а после того, как я посмотрелся на политиков Запада, советские руководители стали казаться мне гениями.” (Зиновьев, интервью „Радио Свобода” (11.5.80.), т.е. это говорилось специально для советских слушателей!)

Но тяжелое, трагическое разочарование ждет вас, „товарищи”, если вы поверите всем этим сладким для вас словесам. Вами же, вашим чудовищным режимом порождены и вам подобны эти несчастные люди, и их представления о Западе — чистый бред, отражающий, главным образом, их собственное смятенное состояние.

Демократический Запад со всеми его действительными пороками, проблемами и слабостями (которых не видят или за достоинства принимают российские эмигранты) по-прежнему недостижимо возвышается над вами и во многих важных отношениях скорее идет на подъем, чем к упадку. Погубить его *вместе с собой* вы, повторю, наверное можете, используя его же научно-технические достижения, но покорить его вам так же не просто, как акуле проглотить кита.

После того, как сборник был набран, мне пришлось все-таки написать и дослать в набор статью по поводу одного чрезвычайного проявления антизападной истерии, а точнее — уже пропаганды. Это следующая, последняя статья сборника.

ГОТОВЯТ ЛИ АМЕРИКАНЦЫ ВНЕЗАПНЫЙ АТОМНЫЙ УДАР ПО РУССКОМУ НАРОДУ?

В связи с письмом Солженицына Рейгану

Примерно через полгода после интервью Солженицына по поводу американского радиовещания на Россию появилось письмо Солженицына Президенту Рейгану с объяснением причин отказа присутствовать вместе с рядом других советских диссидентов на ланче в Белом Доме 11 мая 82 года.

Достойный, на мой взгляд, ответ на это письмо дал Кронид Любарский.* Но необходимо сделать важное дополнение.

В письме к Рейгану Солженицын продолжает и развивает обвинение американского правительства и „значительной части американского образованного общества” во враждебности к России и русскому народу.

„Некоторые американские генералы, — пишет Солженицын, — предлагают уничтожить атомным ударом — избирательно русское население... Здесь проявляется то враждебное отношение к России как таковой, стране и народу, вне государственных форм,

* „Новая Газета”.

которое характерно для значительной части американского образованного общества, американских финансовых кругов и, увы, даже Ваших советников.”

Любарский справедливо пишет по этому поводу, что если прав Солженицын, то прав и Брежнев, наращивая число ракет и боеголовок.

„До сих пор, — пишет К.Любарский, — такое приходилось читать лишь на 9-ой странице „Литгазеты”, в комментариях Юрия Жукова, да — в последнее время — в телеоткровениях о.Дмитрия Дудко.”

„Вполне возможно, — допускает Любарский, — что когда-то какая-то американская газета опубликовала мнение какого-то генерала о том, как расправиться с „этими русскими”. Публикация бредовых мнений — неизбежная плата за свободу прессы. Публиковались в американской прессе и дикие антиамериканские заявления.”

„Но Солженицын, — подчеркивает Любарский, — явно дает понять, что он имеет в виду не случайный безответственный бред. Нет, его „американские генералы” намеренно поставлены бок о бок в одной фразе с „советниками Президента”, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что это такие генералы, которые не только хотят, но и реально могут уничтожить атомным ударом русский народ.”

„Хотелось бы знать источник информации Солженицына. Имеет ли он твердые основания для столь серьезных заявлений?” — ставит вопрос Любарский.

Ответ дали единомышленники Солженицына. Он сам с присущим ему тактическим, скажем так, талантом не назвал своих источников!

В четвертом номере эмигрантского журнала „ВЕЧЕ” было опубликовано еще одно письмо Президенту США. На этот раз от члена руководства НТС, председателя РНО („Русского нацио-

нального объединения”) в ФРГ и соредатора ж-а „ВЕЧЕ” О.Красовского. Письмо это на ту же тему: „Недоумение, боль и тревогу вызывает появление в американской печати статей, в которых ставится вопрос об атомном геноциде русского народа. Не о ядерной стратегии, как таковой. Не о разрушении военных объектов противника. А именно об убийстве русских.” Так пишет О.Красовский, но в отличие от Солженицына ссылается на реальную статью реального американского генерала в отставке. На статью бывшего начальника объединения штабов вооруженных сил США Максвелла Тайлора „Новый критерий обороны”, опубликованную в „Вашингтон Пост” 14.1.82 г.

Красовский представляет эту статью следующим образом: „Генерал Тайлор, — пишет Красовский, — *ставя* перед американскими вооруженными силами задачу поражения „достаточного количества целей врага для уничтожения Советского Союза, его правительства, общества и экономики” *предписывает*: „По возможности эти цели должны находиться в областях, населенных преимущественно *русскими* по происхождению людьми, чтобы не причинить вреда нерусским республикам”. Генерал считает, что задачу *окончательного уничтожения остатков русского народа*, переживших американский ядерный удар, охотно возьмут на себя соседи России и нерусская часть населения СССР. Он пишет: „То, что останется (*от русского народа*, разрядка* наша), достанется на расправу враждебным соседям, мстительным сателлитам и нерусским элементам населения страны. На наличие такого этнического фактора обратил мое внимание профессор Гари Л. Гуртнер своей статьей „Стратегическая уязвимость многонационального государства: устрашение Советского Союза” в журнале «Political Science Quarterly».

„Тридцать шесть лет назад, — комментирует Красовский, — американские судьи участвовали в Нюрнберге в осуждении на смерть нацистских деятелей, в частности, за совершение геноцида. Теперь печать демократической Америки считает возможным откровенно писать о планах, которые даже Гитлер в своей книге

* Это приниска О.К., а не „разрядка”! Подчеркнутые мною слова и обороты — прямое искажение статьи М.Тайлора. В.Б.

„Моя борьба” и Розенберг в книге „Миф двадцатого века” стеснялись упомянуть прямо.”

И еще цитаты из письма Красовского Рейгану: „Мы имеем в виду, прежде всего, пагубную тенденцию отождествления русского народа с коммунизмом... В частности, эта тенденция отложила зловещий отпечаток на деятельность некоторых государственных инстанций США, таких например, как радиостанция „Свобода”, которая, в сущности, превращена в орган, вызывающий глубокую неприязнь русского народа к Америке и американцам.” (Стр.: 173-74-75)

Это письмо Красовского датировано 29-ым марта 82 года.

Затем на ту же тему в №6 журнала „Посев” появилась статья В.Поремского, также члена руководства НТС. Поремский вновь ссылается на М.Тайлора и Г.Гуртнера, между прочим, не генерала, политолога, и точно так же, как Красовский излагает их статьи.

Статья Поремского, заметим, как и письмо Красовского были написаны до письма Солженицына, и он, возможно, от них и получил информацию о кровожадных американских генералах-русофобах.

Я разыскал статьи М.Тайлора и Г.Гуртнера. В отличие от того, что предполагал Любарский, все оказалось, как говорится, сложнее и проще в одно время. Тайлор, действительно, пишет то, что цитируется Красовским, за исключением подчеркнутых мною прямых искажений. Но Красовский, как и Солженицын (и Поремский) умалчивают о ключевом положении Тайлора. Цитирую: „Предлагаемая политика целей *должна убедить советских лидеров в полном безумии первого удара*. Они должны стоять перед перспективой потерять свою жизнь, источники своей власти и силы и результаты десятилетий труда по восстановлению страны от разрушений второй мировой войны. (Далее следуют слова, цитируемые Красовским). Все, что могло бы сохраниться, падет под ударом враждебных соседей, мстительных сателлитов и нерусских элементов их населения.” До этого Тайлор конкретно *предлагает* (не „предписывает” и „ставит”!) следующее: „Такая система целей должна включать сеть связи и контроля, с помощью которой советские лидеры руководят военными операциями, обычные

(не ядерные) вооруженные силы, важнейшие индустриальные центры, предназначенные поддерживать ведение войны и послевоенное восстановление, а также ракетные шахты, из которых не будут выпущены ракеты.” Речь-то ведь идет об *ответном* ударе! Далее вновь следуют цитируемые Красовским слова: „По возможности, эти цели должны быть ограничены районом, занимаемым преимущественно этнически русским населением, чтобы уменьшить ущерб нерусским республикам.”

Благодаря сокращению числа потенциальных целей, считает Тайлор, можно значительно сократить и необходимое количество дорогостоящего стратегического вооружения, не добиваться здесь равновесия с СССР и фактически устранившись из гонки вооружений. Но главное, Тайлор исходит, как видим, исключительно из целей *устрашения*, думает только о *втором, ответном* ударе. В конце своей статьи он даже конкретно предлагает отказаться от стратегических ракет типа „МХ” и „Трайидент-2”, чтобы дать „еще одно доказательство *отсутствия способности к первому удару* среди американских военных альтернатив.”

Точно с тех же самых позиций написана и статья Гари Гутнера, суть и направленность которой точно выражены в заглавии: „Стратегическая уязвимость многонационального государства: устрашение Советского Союза.”

Таким образом, смысл этих выступлений грубо искажен Солженицыным и его единомышленниками. Раз речь идет о *втором, ответном* ударе, то тут уж возмущаться нечем. Говорить здесь о геноциде, сравнивать с планами нацистов — с планами нанесения первого удара, нападения — значит идти не только на ложь и демагогию, но и на пропагандистскую провокацию.

Отождествляй или не отождествляй коммунизм с русским народом, а большинство стратегических целей так или иначе находятся на территории его проживания и им обслуживается. Не в Армению же или в Прибалтику нацеливать американцам ракеты.

Точно также испокон веку любая стратегия и тактика учитывает все слабые места противника, в том числе и враждебность к нему покоренных им народов. Как то было, к примеру, и в войне с нацистской Германией. Правда, немецкие антифашисты к чести своей никогда не заявляли, что нацизм ничего общего не имеет с немецким народом, что он привнесен извне (могли бы назвать

Италию, Испанию, а то и русских черносотенцев, между прочим, уже имевших в своей „теории” основные элементы фашистского тоталитаризма и коллективизма, а не только юдофобию), что немецкий народ — первая жертва нацизма и больше всего от него страдает.

Что же касается враждебности — по Солженицыну — к русскому народу „значительной части американского образованного общества” или „ненависти” — по Красовскому и Поремскому, — то эти утверждения никем из них вообще уже никак не обосновываются. При том, что обосновать их могли бы лишь специальные социологические обследования населения. Как и утверждения о том, что Радио „Свобода” вызывает глубокую неприязнь русского народа к Америке и американцам.”

Насколько известно, большинство западных обозревателей считает, что американцы в массе своей до сих пор еще испытывают симпатии к русскому народу со времен второй мировой войны, когда в США буквально бушевала любовь ко всему русскому. В то время, как к коммунизму и социализму в Америке большинство общества никогда не испытывало симпатий. (Т.е. наоборот тому, что утверждают Солженицын и его люди).

Когда появились интервью Солженицына и материалы в „Континенте” против Радио „Свобода”, казалось, что это уже последняя вершина антизападной истерии, охватившей „значительную часть” российской политической эмиграции. Но в письме к Рейгану Солженицын поднимается на новую „высоту”. От помощи в „глушении” американских радиопередач для России здесь уже по существу переход к так называемой контрпропаганде. В этой связи бросается в глаза впечатляющее совпадение. 8-го июля представитель Госдепартамента США на встрече с американскими и иностранными корреспондентами сообщил, что „в последнее время Советский Союз активизировал подрывную деятельность против стран Запада вообще и Соединенных Штатов, в частности. При этом широко используются методы подлога, подделки документов, фальсификации или подтасовки фактов и фабрикация слухов. Такая деятельность призвана способствовать достижению внешнеполитических целей Советского Союза и дискредитации западных правительств, особенно же американского, в глазах мировой общественности.”

Представитель Госдепартамента привел несколько примеров. В частности сообщил, что „в апреле один бельгийский печатный орган левого направления опубликовал „копию” письма, якобы направленного в июне 79 года генералом Хейгом, тогда еще — главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе, Генеральному секретарю НАТО Лунцу. В этом письме Хейг предлагает подумать над возможностью нанесения *внезапного* ядерного удара по Советскому Союзу” (Цитируется по корреспонденции Радио „Свобода” из Вашингтона от 9 июля).

Далее, в „Литературке” №28 за июль публикуется статья за подписью Эрнеста Генри „Готовят ли они внезапный удар?” Рубрика: „Цепь доказательств”.* И автор (выбран, наверное, не случайно: в прошлом слыл почти диссидентом) или кто-то под его именем дает чудовищный ответ: готовят! И „цепь доказательств” составляется в основном тем же способом, что и в выступлениях Солженицына и его единомышленников: умолчанием, что американцы говорят лишь об устрашении, о втором ответном ударе. И одним из главных „доказательств” делается ссылка все на того же Максвелла Тайлора! Цитирую: „И вот уже в наши дни, в 80-х годах, пишет бывший начальник штабов США М.Тайлор, выступая вместе с рядом высокопоставленных отставных американских военных за нанесение по Советскому Союзу столь сильного (пропущено: ответного) удара, чтобы парализовать работу его государственного аппарата, экономики и способности вести длительную войну: „Я считаю, что наши вооруженные силы могут нанести такой удар в настоящее время и они должны сохранить такую способность в будущем.” (Все верно! Чтобы в Кремле никогда не возникло соблазна нанести внезапный удар.) Но „ЛГ” замалчивает еще естественно и этнический момент в обосновании Тайлором своего предложения об ограничении числа целей и соответственно — вооружений. Советская пресса не может касаться этого деликатного вопроса и допускать мысль, что нерусские республики и соседи-сателлиты могут пойти против „старшего брата”!

Но вернемся к выступлениям Солженицына и его единомышленников и резюмируем. Перед нами начало какого-то

---

* Предполагаю, что это не единственная публикация на данную тему в советской прессе.

нового этапа. Направление, определяющее себя, как „русское, национальное” или „национально-религиозное” или „патриотическое”, его лидеры, представители и пресса переходят в своем антиамериканизме на курс, еще более близкий к курсу советской пропаганды, именно нынешнему ее курсу! И уже к совершенно тождественным методам „доказательств”.

Свидетельствует это, видимо, о каком-то глубоком сродстве. Потому и неизбежен свирепый конфликт с демократическим миром. Одна из причин нарастания антизападных и антиамериканских настроений — возмущение тем, что Запад в свою очередь склонен все меньше считаться с представителями этой эмиграции. Не случайно на встречу с Рейганом 11 мая не было приглашено никого из именитых единомышленников Солженицына. В итоге, глыбы неудовлетворенных амбиций, очевидно, задавили чувство ответственности перед страной и народом, жрецами интересов которых заявляют себя эти люди.

ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ В. БЕЛОЦЕРКОВСКОГО

СССР — ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ.
Сборник статей и документов. **Составитель: В. Белоцерковский.** *Авторы статей:* Леонид Плющ, Михайло Михайлов, Вадим Белоцерковский, Ян Элберфельд, Герман Андреев, Юлия Вишневецкая, Александр Янов, Анатолий Левитин-Краснов, Ефим Эткинд, Евгений Кушев.

ФРГ 1976. Изд-во „Ахберг“. 335 стр., ДМ 20.—

На франц. яз. — Париж 1978. „Савели“.

На немец. яз. — ФРГ 1978. „Ахберг“.

В. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Свобода, власть и собственность.

ФРГ 1978. „Ахберг“. 180 стр., ДМ 10.—

*Приобрести их можно во всех русских
книжных магазинах.*

ГЛАВНЫЙ РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ:

A. NEIMANIS-BUCHVERTRIEB GmbH

BAUER STR. 28

8000 MÜNCHEN 40

West Germany

Tel: 089*271-05-34